

парадигмы в теории лингвистики. Основным методом послужил метод моделирования структуры и семантики предложений с именным сказуемым.

Источниками диссертационного исследования явились основополагающие работы специалистов из разных лингвистических традиций, в том числе русистики, тюркологии и уйгуроведения. Иллюстративный материал почерпнут из текстов художественной и публицистической литературы, а также из материалов, собранных при работе с информантами - носителями языка.

Практическая значимость полученных результатов диссертационного исследования заключается в следующем:

1. работа представляет из себя вклад в разработку новых направлений сопоставительно-типологического анализа русского и уйгурского языков;
2. намечены методика и перспективы дальнейшего сопоставительно-типологического исследования синтаксического строя русского и тюркских языков;
3. предложены теоретические рекомендации для составления учебных пособий по сопоставительной типологии и лингводидактике.

Материалы исследования могут применяться в практике обучения русскому языку на неязыковых факультетах университетов и других учебных заведений, а также в школе и курсах по изучению родного языка.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Изучение моделей именных предложений в сопоставительном плане позволяет четче выявить типологическое своеобразие привлекаемых к анализу языков как семиотических систем на малоизученном синтаксическом основании.
2. Структурно-семантические модели именных предложений являются сущностными единицами (знаками) сопоставляемых языков,

отражающими специфику синтаксического строя и своеобразие национального мышления.

3. Типологические особенности сопоставляемых языков наиболее полно выявляются не только при рассмотрении систем моделей именных предложений, но также при учете парадигм их варьирования.
4. Сопоставительно-типологическое исследование моделей именных предложений как одного из крупных фрагментов системы коммуникативных единиц позволяет получить не только теоретические выводы о структуре рассматриваемых языков, но и разработать эффективные технологии обучения как русскому, так и тюркским языкам.

Личный вклад соискателя. В данной работе могут считаться личным вкладом соискателя инвентаризация и сопоставительный анализ подсистем моделей простых предложений с именным сказуемым в русском и уйгурском языках, а также контрастивное описание структуры и семантики моделей именных предложений в сопоставляемых языках.

Апробация результатов диссертации.

Результаты предлагаемого исследования (доклады, сообщения, статьи и тезисы докладов по теме диссертации) докладывались на конференциях и семинарах в Бишкеке, Караколе, Новосибирске, Душанбе, Буэнос-Айресе, Алматы; диссертация обсуждалась на объединенном заседании кафедр факультетов востоковедения, русской и кыргызской филологии ИГУ. Основные положения и идеи исследования получили свое отражение в 22 публикациях автора.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях.

7 статей опубликованы в Вестнике ИГУ г. Каракол, 2 статьи в Вестнике КНУ г. Бишкек, 1 статья в академическом сборнике Института филологии СОРАН г. Новосибирск, 1 статья в научно.-пед журнале «Высшая школа Казахстана»,

11 статей в виде докладов и сообщений обсуждались на научно-теоретических конференциях.

Структура и объем диссертации. Цель и задачи работы предопределили структуру диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения. Список использованной и цитированной литературы насчитывает 169 наименований. Объем диссертации – 179 страниц компьютерного набора.

I ГЛАВА. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТОГО ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УЙГУРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. О сопоставительном изучении уйгурского и русского языков

Слова и синтаксические единицы, обладающие формой (означающее, план выражения) и значением (означаемое, план содержания), могут рассматриваться как знаки. Эти знаки используются для обозначения явлений действительности и, следовательно, могут характеризоваться и с точки зрения функционирования. Отсюда, факты двух языков могут сопоставляться на трех уровнях: в плане выражения, содержания и функционирования.

На первом уровне (выражения) сравниваются способы и особенности выражения того или иного грамматического значения. Сюда могут войти особенности образования множественного числа, выражения субъекта зависимой предикации, формальные особенности порядка слов и т.п.

На втором уровне (содержания) сравниваются языковые единицы в отношении объема их значения. На этом уровне возможны два типичных расхождения: данная грамматическая единица отсутствует в одном из сравниваемых языков или имеется в обоих языках, но число дифференциальных признаков и характеристик внутри данной категории не совпадают.

Что касается третьего уровня (в плане функционирования) есть вероятность в том, что синтаксические или другие единицы одинакового объема значений могут в сравниваемых языках использоваться по-разному. В силу этого расхождения знание устройства языка, его словаря и грамматического строя не предопределяет автоматически правильного

применения языковых средств, употребления в определенной ситуации того средства выражения, которое использовал бы носитель языка. В связи с этим, сопоставление двух языков в функциональном аспекте приобретает особую важность. Рассмотрим общие особенности функционирования языковых форм при сопоставлении в двух аспектах:

- а) как используются в речи однотипные языковые элементы в разных языках, какие значения они выражают (семасиологическое сопоставление);
- б) какими средствами выражаются одинаковые значения и функции в разных языках (ономасиологическое сопоставление).

В обоих случаях сопоставление охватывает не только факты языковой системы, но и речевые реализации, поэтому эффективным материалом для сопоставления могут быть тексты на двух языках.

В предлагаемой работе мы рассмотрим соотношение синтаксической структуры и семантики простого именного предложения.

Любое предложение (высказывание) описывает отрезок действительности (некоторое событие) и несет в себе определенную информацию, этим характеризуя определенную синтаксическую организацию. В соответствии с этим в организации высказывания следует различать три уровня: структурно-синтаксический, семантический и логико-коммуникативный.

Только при учете взаимодействия всех этих трех уровней, возможно, понять особенности лексико - грамматической организации предложения в русском языке в сравнении с тюркскими языками.

Рассмотрим предложения на структурно-синтаксическом уровне, здесь выделяются члены предложения: грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, а также второстепенные члены, обладающие в каждом языке определенными формальными признаками. Так, в примере на русском языке:

Райхан читает книгу.

отмечаются: грамматическое подлежащее (*Райхан*–**S**), грамматическое сказуемое (*читает* – **V**), дополнение (*книгу*- **O**).

В уйгурском языке:

РеҲан китап оқуйду.

отмечаются: грамматическое подлежащее (*РеҲан*–**S**), дополнение (*китап* - **O**), сказуемое (*оқуйду* – **V**).

В уйгурском языке, в отличие от русского языка, дополнение может не получать формальное оформление аффиксом косвенного падежа, мы имеем пример неформального винительного падежа.

В семантическом аспекте любое высказывание (предложение) рассматривается как отражение определенного события внелингвистической действительности (реальной или мыслимой). Здесь выделяются семантический субъект (**A**)- (рус. *Райхан*. уйг. *РеҲан*), реальный производитель действия, семантический предикат (**X**) (рус. *читает*, уйг. *оқуйду*) - действие, осуществляемое субъектом, семантический объект (**B**) (рус. *книгу*; уйг. *китап*), испытывающий воздействие субъекта. То же предложение *РеҲан китап оқуйду.*- *Райхан читает книгу* на семантическом уровне может быть представлено в виде формулы **AXB** в русском языке, **ABX** в уйгурском языке. Семантический субъект не связан с какой-либо определенной грамматической формой. Он может быть выражен грамматическим подлежащим (как в приведенном примере), косвенным дополнением (*Анвару весело* – *Анвар* является реальным носителем данного ощущения), определением при транспозиции глагола в существительное (выход *Гульчахры*, её выход).

На коммуникативном уровне структура высказывания, называемая актуальным членением предложения, определяет исходный пункт высказывания и ядро высказывания, то, ради чего формулируется мысль.

Между этими тремя уровнями высказывания может и устанавливаться полный параллелизм, при этом все субъекты грамматические,

семантические и логические совпадают. Как видим, в приведенных примерах все три уровня и в русском, и в уйгурском языках совпадают в максимальной степени, изоморфны друг другу. В русском языке слово, стоящее на первом месте (**A**), обозначающее одушевленное лицо, способное совершать активное действие (**X**), переходящее на другую субстанцию (**B**), выполняет функцию грамматического подлежащего и выражает вместе с тем логический субъект высказывания[8,с.67]:

	Райхан	читает	книгу
Семантический уровень	A	X	
Синтаксический уровень	S	V	O
Коммуникативный уровень	T		R
Общая формула	A^S_T		B^O_r Б

В уйгурском языке слово, стоящее на первом месте (**A**), обозначающее одушевленное лицо, переходящее на другую субстанцию (**B**), способное совершать активное действие (**X**), также выполняет функцию грамматического подлежащего и выражает вместе с тем логический субъект высказывания. Отличительным свойством уйгурского языка является то, что здесь рема всегда занимает позицию непосредственно перед финитным сказуемым.

	<i>У</i>	<i>Бишкекни</i>	<i>көрүп калди.</i>	Он повидал Бишкек.
	<i>Биз</i>	<i>китапларни</i>	<i>оқуймиз</i>	Мы читаем книги.
	<i>Муаллимэ</i>	<i>чөчэк</i>	<i>окуп бәрди</i>	Учительница прочитала сказку
Семантический уровень	A		X	
Синтаксический уровень	S	O	V	
Коммуникативный уровень	T	R		
Общая формула	A^S_T	B^O_r Б		

Но три уровня структуры предложения в разных языках могут и не совпадать. Когда говорящий формирует высказывание, то ему заданы семантическая организация высказывания (он описывает определенное событие) и коммуникативная организация (он знает, какую информацию он должен сообщить). Что касается синтаксической структуры, то ее конкретные формы заранее не даны, и она организуется при говорении таким образом, чтобы обеспечить взаимную «подгонку» элементов семантического и коммуникативного уровня.

Как видим из уйгурского примера, линейная структура высказывания отличается от русского примера: грамматическое подлежащее, второстепенный член (дополнение) и грамматическое сказуемое. Это объясняется тем, что в уйгурском предложении существует определенный порядок расположения членов предложения[99,с.115-116]:

Қаригоҗилар сайраватиду.- Скворцы поют.

$A^S_T \quad X_v \quad A^S_T \quad X_v$

Қара қаригоҗилар сайраватиду.- Черные скворцы поют

$A^S_T \quad X_v \quad A^S_T \quad X_v$

Кичик қиз ойнаватиду.- Маленькая девочка играет

$A^S_T \quad X_v \quad A^S_T \quad X_v$

Қара қаригоҗилар бағда сайраватиду.- Черные скворцы в саду поют

$A^S_T \quad X_v \quad A^S_T \quad X_v$

- 1) подлежащее-перед сказуемым;
- 2) определение находится всегда перед определяемым;
- 3) сказуемое – всегда в конце предложения;
- 4) дополнение - перед дополняемым;

В уйгурском языке второстепенные члены, относящиеся к подлежащему, а также сказуемому, обычно предшествуют им.

Обычный порядок слов может быть нарушен и подвергаться инверсии в некоторых экспрессивных предложениях: *Яшисун Биринчи май!* – «Да

здравствует Первое мая!», а также в разговорной речи и повествовании: *Нага берип калдиңлар силэр бүгүн? - Куда ходили вы сегодня?*

Сопоставительное изучение уйгурского и русского языков, безусловно, имеет свою специфику, особенно в условиях Кыргызстана. Уйгуры Кыргызстана последовательно двуязычны, Уйгурско-русский билингвизм имеет смешанный характер. Даже популярные песни на уйгурском языке, исполняемые современными исполнителями, создаются в двуязычном ключе: основное содержание текста песни на русском языке, а припев - на уйгурском или наоборот.

Для нас в контексте диссертационного исследования важно то, что уйгурско-русский билингвизм несомненно может интерпретировать как взаимовыгодный феномен и способ межъязыкового взаимодействия [10,с.28-29]. В свою очередь научные разработки по сопоставлению коммуникативных единиц уйгурского и русского языков помогут сделать эти процессы еще более эффективными. Их актуальность обусловлена малочисленностью подобного рода лингвотипологических исследований.

1.2. История изучения синтаксиса в сопоставляемых языках

Термин «синтаксис» впервые был использован древнегреческими философами в Шв. до н.э. при описании логического содержания высказываний. При этом объектом исследования было изучение речемыслительных процессов, в результате чего использованные ими понятия отражали разные стороны одного явления: логическую, морфологическую и синтаксическую.

В науке о языке синтаксис рассматривался как учение о способах выражения мысли и содержал описание предложений и их частей (членов предложений).

Данное направление получило отражение и в русской грамматической науке, начало которой В.В. Виноградов возводит к грамматикам Лаврентия Зизания (1596) и Мелентия Смотрицкого (1619) и развитие которой мы находим в трудах М.В.Ломоносова, затем И.И.Давыдова, К.С.Аксакова, Ф.И.Буслаева. Предложение рассматривалось ими как языковое выражение суждения, подлежащее - как языковое выражение субъекта, сказуемое - предиката, сложное предложение - умозаключения[56,с.38].

Во 2-й половине XIX в. сформировалось психологическое направление в лингвистике, представленное в России А.А.Потебней.

С появлением интереса к национальной специфике морфологии в конце XIXв., синтаксис стал определяться как учение о функциях классов слов в предложении.

Такой точки зрения придерживался Ф.Ф. Фортунатов, считавший основной задачей синтаксиса изучение способности слов к распространению. Он определил изучение словосочетания как основной единицы синтаксиса, а предложение рассматривал как вид словосочетания.

Такое понимание предмета и задач синтаксиса определило развитие данного раздела грамматики в 20-е гг.XXв. В тюркологии данный подход нашел отражение в работах Е.И.Убрятовой.

Итогом бурного периода развития синтаксиса в середине XXв. является классическое грамматическое описание - «Грамматика русского языка» (АГ-54) [Грамматика русского языка, 1953;1954;1960.].

Во 2-ой половине XXв. В.В. Виноградов в своих трудах определил развитие основных аспектов описания синтаксиса, где наряду с традиционным и структурным синтаксисом, сформировался семантический, функциональный и коммуникативный синтаксис.

В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), в «Русской грамматике», (РГ-80) была сделана попытка последовательного описания структурно-формального аспекта синтаксических единиц,

принципиально непохожее на АГ-54, но и эти описания, нельзя считать бесспорными и всеобъемлющими.

Во многом иное осмысление синтаксического строя языка, в том числе и русского, представлено в 6-томной «Теории функциональной грамматики» и в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А.Золотовой, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидоровой. [71,с.104].

В настоящее время существуют различные трактовки одних и тех же синтаксических единиц и явлений.

Что касается синтаксического строя уйгурского языка, то он продолжает оставаться малоизученной областью уйгурского языкознания[38,с.16] , которое исторически прошло значительный путь своего развития.

Обращаясь к истории уйгурского языкознания, известный тюрколог-уйгуровед, проф. Н. А. Баскаков выделяет несколько периодов и этапов:

I. Дооктябрьский период.

II. Послеоктябрьский период.

A. Довоенное время:

1-й этап — 1930 г.

2-й этап — 1941 г.

B. Послевоенное время:

3-й этап — 60-х гг.

4-й этап — после 60-х гг.

В рамках этой схемы можно проследить и историю изучения вопросов уйгурского синтаксиса, поскольку они в основном носили обобщенный характер и шли в контексте общих работ по уйгурскому языкознанию как частные вкрапления.

Первые упоминания об исследованиях по синтаксису можно обнаружить во введении к известному сочинению Махмуда Кашгарского.

Из работ по уйгурскому языку, относящихся к дооктябрьскому периоду, можно назвать работу Х. Витакера, в которой содержатся отдельные наблюдения по синтаксису, в частности, по перифразам, соответствующим подчиненным предложениям в европейских языках. К этому же периоду относится появление грамматики Г. Ракетта в нескольких частях, в которой приведены некоторые сведения из области синтаксиса, например, об аффиксе сказуемости 3-лица именного сказуемого — дур, активно используемом в реализациях именных предложений и являющимся спецификой уйгурского языка.

Довоенное время послеоктябрьского периода для уйгурского языкознания характеризуется появлением ряда серьезных работ, среди которых можно назвать «Учебник уйгурского языка» А. К. Боровкова (1935). «Уйгурско-русский словарь», к которому Н. А. Баскаковым был написан «Очерк грамматики уйгурского языка» (1939), Грамматика уйгурского языка» В. М. Насилова (1940). В них в определенной мере получили освещение и вопросы синтаксиса уйгурского языка.

В предисловии к «Учебнику уйгурского языка» А. К. Боровкова С. Е. Малов писал об «увеличении синтаксической части иногда даже в ущерб простому изложению грамматических форм»[50,с.6]. С. Е. Малов как языковед был больше сторонником строгой фиксации грамматических форм, анализа их этимологии. Синтаксис он видел в виде общей схемы для всех языков, в пределах которой происходит лишь подстановка отличающихся от языка к языку серии иллюстраций, примеров. Если синтаксическое описание конкретного языка строится таким образом, то, конечно, больших результатов здесь ожидать не приходится, и такой подход, на наш взгляд, как раз сопровождал имеющиеся описания синтаксиса уйгурского языка, в результате чего эта обширная область уйгурского языкознания фактически осталась малоисследованной. Возвращаясь к «Учебнику уйгурского языка», на наш взгляд, будет

уместным отметить необходимость анализа любых грамматических форм в контексте коммуникативных единиц — высказываний или, иначе говоря, опираясь на синтаксическую базу. В этом отношении нам близок способ изложения языкового материала у А. К. Боровкова, в работе которого реализуется функционально-синтаксический подход и содержатся интересные в синтаксическом плане наблюдения и факты. Описывая единицы других языковых уровней, их формы, А. К. Боровков постоянно имеет в виду синтаксическую функцию [50, с. 247]

Важные наблюдения содержатся и в «Очерке грамматики уйгурского языка» Н. А. Баскакова, касающиеся, в частности, сказуемого [37, с. 233], развернутых членов предложения [37, с. 237]. Большую роль в истории уйгурской лингвистики сыграла «Грамматика уйгурского языка», автором которой является В. М. Насилов. В ней можно найти сведения, относящиеся и к сфере уйгурского синтаксиса [104, с. 150].

Шестидесятые годы послевоенного времени также ознаменовались определенным вниманием исследователей к вопросам грамматики и, в частности, синтаксиса уйгурского языка.

Раздел «Синтаксис» в изданной в 1960 году в книге Э. Н. Наджиба «Современный уйгурский язык» рассматривает порядок слов в простом предложении, члены предложения — главные и второстепенные, типы предложений по коммуникативной целеустановке и отдельные вопросы сложного предложения [102, с. 115—126]. Отдельные проблемы, относящиеся к области синтаксиса, освещаются и в работах К. Мелиева, научные интересы которого в основном связаны с морфологией уйгурского языка [96, с. 117].

В 1966 году издается вторая часть коллективной монографии «Ҳазирки заман уйгур тили. II-қисим. Морфология ва синтаксис», синтаксическая часть которой реализует общую схему описания синтаксического уровня в терминах «типов предложений» [144, с. 291—

449]. Словосочетание и сверхфразовое единство в этой работе не описываются. В это же время И. Семятовым была написана и защищена кандидатская диссертация на тему «Второстепенные члены предложения в современном уйгурском языке», в которой специально рассматриваются второстепенные члены предложения в простом предложении [120,с.28].

В восьмидесятые годы появляется ряд статей проф.С.Н.Абдуллаева, посвященных вопросам синтаксиса простого предложения и полипредикативных конструкций в уйгурском языке [2,с.36].

В 1989 году вышла в свет академическая грамматика современного уйгурского языка, в которой содержится наиболее полное описание синтаксического строя уйгурского языка, затрагивающее все синтаксические единицы, включая словосочетание и сверхфразовое единство. В 2004 году в Бишкеке была опубликована монография С. Н. Абдуллаева «Простое предложение в уйгурском языке». Но все же, подводя итоги, можно сказать, что на фоне общего развития уйгурского языкознания мало разработанными, как отмечают исследователи уйгурского языка, остаются проблемы грамматики [40,с.16]. Это в полной, если не в значительной мере относится к вопросам синтаксиса современного уйгурского литературного языка, особенно при учете современных методик его изучения.

Рассмотрим некоторые вопросы модельного описания синтаксиса уйгурского языка.

До сих пор в уйгурском языкознании специальному научному изучению подвергались лишь отдельные аспекты теории синтаксиса [123,с.28]. В результате наиболее сложноорганизованный уровень языковой системы — синтаксический остался в стороне от внимания исследователей — уйгуроведов. Впрочем, как уже отмечалось, так можно отозваться и в целом про грамматические изыскания в уйгуроведении [98,с.24], но о синтаксисе все же следует сказать особо. Он является «высшим этажом»,

интегрирующим другие единицы языка, и этим в определенной степени определяется уровень разработанности и продвинутости теоретических вопросов уйгурского языкознания вообще. Синтаксис — это, как известно, наиболее коммуникативный ярус языковой системы, и поэтому многие прикладные аспекты уйгурского языкознания, сегодня выдвигающиеся на передний план, напрямую связаны с уровнем изученности синтаксиса. Если не считать упомянутых отдельных специальных исследований, движения в области разработки теоретических вопросов синтаксиса уйгурского языка почти не было. Синтаксис описывался в работах более общего характера [Боровков,1935:247; Баскаков,1939:173;Насилов,1940: 154;Наджиб,1960:134; Строй уйгурского языка,1989:344 —462], но это были описания именно традиционно-общего плана, в которых не нашли своего отражения или далеко недостаточно учитывались достижения современной синтаксической науки. Следовательно, синтаксис уйгурского языка продолжает ожидать своего серьезного, фундаментального и адекватного изучения, а также сопоставление с данными изучения языков иного строя.

Характерным для имеющихся описаний синтаксиса уйгурского языка является тот факт, что они представляют собой реализацию на уйгурском материале достаточно общей и взятой извне концептуальной схемы, под которую не без натяжек подводился конкретный иллюстративный речевой материал. Эти концептуальные схемы формировались в других лингвистических традициях, в результате чего адекватного описания синтаксической системы уйгурского языка не получалось, так как исследование в сущности шло не от языка, а лишь применительно к нему. В монографии «Строй уйгурского языка» предпринята попытка специального описания синтаксического строя уйгурского языка. Были описаны все синтаксические единицы от словосочетания до дискурса, описано актуальное членение простого предложения, особенности конструкций периодической речи и многие другие вопросы[124,с.472].

При обращении к существующим описаниям синтаксиса современного уйгурского языка нельзя оставаться до конца удовлетворенным и по той причине, что синтаксическое пространство языка, в отличие от, скажем, морфологического уровня, остается не до конца обозримым. Оно предстает в размытом виде. Исследователя не покидает чувство бескрайности, отсутствия четких рамок и границ данного уровня языковой системы.

Одной из основных причин аморфного характера существующих описаний синтаксиса современного уйгурского языка мы считаем отсутствие четкого различения и противопоставления на данном уровне понятий и единиц языка и речи. По существу, имеющиеся исследования по синтаксису уйгурского языка в большинстве своем, кроме тех, которые относятся к последнему времени, выполнены на уровне речи. Здесь, как уже отмечалось, под заимствованную извне отработанную схему подводился конкретный речевой иллюстративный материал, тогда как по опыту многочисленных синтаксических учений из истории языкознания видно, что без обращения к вопросу о соотношении языка и речи всякая теория не может быть признана адекватной [Лайонз Дж,1978: 58—69; Звегинцев,1976: 308]. Сейчас, очевидно, уже настала пора, когда необходимо формулировать и решать задачи синтаксической науки на уровне сущностных единиц языка [143,с. 4 - 5]. Таковыми для нас в контексте данной работы являются модели синтаксических единиц.

1.3. Предложение как единица синтаксического строя в сопоставляемых языках

Основная единица синтаксиса - простое предложение. Оно является самой многоаспектной и неоднозначно оцениваемой лингвистами единицей синтаксиса. Известный синтаксист В.А.Белошапкина пишет: «Предложение понимается как центр объекта синтаксиса во всех современных

синтаксических концепциях» [43,с.248]. Безграничное множество конкретных «предложений», которое позволяет рассматривать данную синтаксическую единицу как речевую, также различные предложения в различных языках, строящиеся по определенным моделям можно говорить как о единице языка.

По ряду признаков простое предложение противопоставляется единицам более низкого синтаксического уровня. Во-первых, в функциональном отношении, в его синтаксической форме цепочка слов передает информацию о ситуации. Так, например Т.П. Ломтев отмечает: «За предложение принимается лингвистическая единица, означающей стороной которой является словесная форма или сцепление словесных форм. А означаемой - предикативное отношений, т.е. сообщение» [90,с. 150].

Определенная словоформа вместе с интонацией законченного сообщения передает синтаксическое значение, при этом имея модально-временное значение реальной отнесенности к моменту речи и превращая ее в предложение, в единицу коммуникативную.

Во-вторых, предложение отличается от словосочетания. В предложении реализуется иные, чем в словосочетании, отношения: наименование явления + его характеристика, т.е. сопряжение двух понятий, между которыми устанавливаются отношения взаимной, предопределенной синтаксическими позициями зависимости (предикативные), в отличие от односторонней зависимости в словосочетании *юлтузлуқ кечә - звездная ночь*. Например:

Кочида адәм йоқ (Н.И.). - На улице людей нет.

Өйниң ичигә гугум чүшти (А.Т.). - В доме сгустилась вечерняя темнота.

Каждое грамматически оформленное предложение обладает интонацией законченного сообщения. Предикативность и интонация законченного сообщения были определены В.В. Виноградовым как конституирующие признаки предложения.

В истории синтаксиса, в определении природы простого предложения

сложились разные подходы. Например, в XIX в. на основе логического подхода предложение было определено как суждение (сказуемое (предикат суждения) + подлежащее (субъект суждения) = суждение).

Долгое время в русской лингвистике (Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов) предложение оценивалось как «единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления».

Во многом этому следует и В.В.Виноградов: «Предложение-это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли»[56,с.560]. Данное определение, во-первых, учитывает структурные признаки предложения («грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи»), во-вторых, его коммуникативную функцию – служить «главным средством формирования, выражения и сообщения мысли».

В изучении предложения как собственно **языковой единицы** (категории), имеющей свои формальные и смысловые характеристики, в XX в. сложилось несколько направлений:

- сторонники теории порождающей грамматики (Н.Хомский, Д. С. Борт и др.) и трансформационного синтаксиса (И. А. Мельчук), стремясь сблизить описание синтаксиса с морфологией, фонологией, выделяют ядерные предложения (предмет лингвистики языка) и производные (предмет лингвистики речи);
- единомышленники Л. Блумфильда, Л. Теньера предложение — синтагматическая цепь связей и отношений (аранжировка слов);
- О.Есперсен, Л.В.Щерба оценивали предложение как единицу значения, семантический подход к анализу предложения представлен в работах А.Х.Гардинера, У.Вайнрайха 60 —70-х гг. (теория глубинных и поверхностных структур и препозитивной номинации);

- как языковую структуру с разноуровневой организацией предложение рассматривают В.Матезиус, М.Докулил, Ф.Данеш за рубежом и Н.Ю.Шведова, М.И. Черемисина, Т.П.Колосова, Д.Н.Шмелев в России.

Н.Ю. Шведова в определении предложения опирается на классическую дефиницию В. В. Виноградова: «Простое предложение - это такое высказывание, в основе построения которого лежит отвлеченный грамматический образец (структурная схема, предикативная основа), специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения»[157,с.83]. В данном определении предложение характеризуется как двусторонняя единица — языка и речи. Простое предложение характеризуется через набор конституирующих признаков:

Формальная организация	1)наличие предикативной основы, равной структурной схеме (отвлеченному формальному образцу, по которому может быть построено неограниченное число конкретных предложений); 2)способность к формальным изменениям; 3)свои правила распространения;
Семантическая организация	4) наличие связанных друг с другом языковых значений, организованных иерархически (главные/второстепенные члены);
Коммуникативная направленность и интонационная оформленность	5) способность к актуализации информации

Отсюда следует вывод, при характеристике предложения понятий языка и речи конституирующими признаками предложения следует признать предикативность и интонационную оформленность.

В уйгурском языке предложение – это синтаксическая единица, обладающая смысловой и интонационной законченностью. Важнейшая его функция-сообщение. Предложение, как и в русском языке, имеет собственное отвлеченное грамматическое значение, которое обозначают при помощи термина «предикативность». Это значение отношения к действительности выражается при помощи модальности, т.е. специальных языковых средств, устанавливающих реальность или же возможность, желательность, необходимость того, о чем сообщается.

Общее значение реальности сообщаемого события прикреплено к конкретному времени: настоящему, прошедшему, будущему, и поэтому понятие модальности неразрывно связано с понятием времени.

Чтобы представление о сообщаемом событии стало «относительно законченной мыслью», необходима его связь еще и с субъектом. Когда станет известным, кто осуществляет действие, то сообщение может стать отдельным законченным предложением.

Система этих трех предикативных величин - наклонения, времени, лица - и создает грамматическое значение предикативности[8,с.56].

Кроме общего значения модальности как выражения отношения сообщаемого к действительности называют объективной модальностью, а отношение говорящего к сообщаемому – субъективной модальностью. В уйгурском языке к числу основных средств выражения и формирования субъективно-модальных значений относятся интонация, порядок слов, повторы, введение в предложение частиц, вводных слов и междометий, употребление специальных аффиксов.

Предложение в русском и уйгурском языках понимается как центральный объект синтаксиса во всех современных синтаксических концепциях.

Такое положение учение о предложении занимает в синтаксической теории уже давно, со времени появления первых теоретических

синтаксических трудов (в России с конца XVIII - начала XIXв.). Но понимание предложения за это время существенно изменилось.

Современную синтаксическую науку отличает взгляд на предложение как на многоаспектное явление, как на комплекс нескольких относительно независимых (хотя и взаимосвязанных) устройств.

Широкое распространение в современной науке получило положение о том, что применительно к предложению очевидно необходимость различать два аспекта: *конструктивный (статический)* и *коммуникативный (динамический)*. Обратимся к примеру на материале русского языка. Предложение *Невеста приехала* обладает определенной формальной устроенностью: оно организуется соединением на основе взаимозависимости двух обязательных, конструирующих компонентов – именительного падежа существительного и спрягаемой формой глагола, - каждый из которых обладает потенциальной способностью к распространению (ср. *Молодая невеста вчера приехала из Оша*).

Но в организации предложения есть и такая сторона, которая не может быть выяснена, пока мы остаемся в границах самого предложения. Ее механизм можно выяснить только обратившись к той речевой ситуации, к тому контексту, в которых данное предложение функционирует как сообщение. Это коммуникативная устроенность предложения.

Попытаемся представить речевые ситуации, контексты, в которых может быть употреблено как отдельное сообщение наше предложение *Невеста приехала*. Эти ситуации для удобства и наглядности будем описывать, сводя к вопросам, на которые может отвечать наше предложение. Итак возможны такие вопросы:

1. Что слышно о невесте? 2. Кто приехал? 3. Что нового?

Разумеется, эти вопросы, особенно первый и третий, могут иметь много и других форм выражения, но существенные семантические признаки, определяющие характер того или иного вопроса, при этом

сохраняются. Первый вопрос предполагает, что спрашивающий хочет узнать нечто (а отвечающий, следовательно, сообщить) *о невесте*, о том, какое событие связано с этим лицом. Второй вопрос направлен на выяснение частного аспекта уже известного в целом спрашивающему события (кто-то приехал), а именно на выяснение имени приехавшего. Третий вопрос похож на первый, так как предполагает в ответе сообщение о событии в целом, а не о его частном аспекте, но имеет то отличие от первого, что не выделяет ничего в качестве отправной точки сообщения, не задает его тему.

Отвечая на каждый из этих вопросов, наше предложение определенным образом приспособливается к своей задаче, к своему коммуникативному заданию, получая тот или иной порядок слов и место фразового ударения (интонационного центра). Так, при ответе на первый вопрос обычен порядок слов: именительный падеж существительного – спрягаемая форма глагола: (*Что слышно о невесте?*) – *Невеста приехала*; при ответе на второй вопрос обычен порядок слов: спрягаемая форма глагола – именительный падеж существительного: (*Кто приехал?*)- *Приехала невеста*, причем фразовое ударение в обоих этих случаях помещается на последней словоформе в составе предложения; при ответе на третий вопрос порядок слов и место фразового ударения те же, что и во втором случае.

Коммуникативная устроенность, в известной степени, предложения обладает независимостью от формальной устроенности. Она определяется речевым контекстом, возникающим в этом контексте коммуникативным заданием, в соответствии с которым предложение получает тот или иной порядок слов и то или иное место фразового ударения.

В русском языке	В уйгурском языке
1) (<i>Что слышно о невесте?</i>) – <u>Невеста</u> <u>при'ехала</u> ;	<i>Келин келипту</i>
2) (<i>Что слышно о невесте ?</i>) – <u>При'ехала</u>	<i>Кэлгини келин икэн.</i>

невеста;

3) (Кто приехал?) - Приехала невеста;

4) (Кто приехал?) - Невеста приехала;

5) (Что нового?) - Приехала невеста;

Келин калди.(аниси эмас).

Келин келипту.

Келин калди

В уйгурском и русском языках каждая пара предложений (первое и второе, третье и четвертое, пятое предложения) соответствует одному и тому же коммуникативному заданию, и нечетное и четное предложение каждой пары отличаются друг от друга только отсутствием или наличием экспрессивно-стилистической окраски. Первое и второе предложения, вместе взятые, отличаются от третьего и четвертого и пятого (равно как и наоборот – третье и четвертое отличаются от первого и второго и пятого, а пятое – от первого и второго, а также от третьего и четвертого) тем, что они отвечают на разные вопросы, т.е. реализуют разные коммуникативные задания. При этом для реализации коммуникативного задания третьего и пятого – с одной стороны, четвертого и первого предложений – с другой стороны, используется один и тот же порядок слов и одно и то же место фразового ударения, так что образующиеся в соответствии с этим коммуникативными заданиями синтаксические построения омонимичны, различие их актуального содержания выясняется только при обращении к тексту.

Итак, у предложения есть свое внутренне формальное устройство, которое не реагирует на окружение предложения в речи. С этой стороны предложение предстает как некое статичное построение, которое сохраняет свою форму и константу в любых условиях функционирования. Наши интересы в данной работе связаны именно с этой стороной предложения.

Вместе с тем у предложения есть другое устройство, которое предназначено для того, чтобы реагировать на окружение предложения в

речи; с помощью этого устройства предложение реализует свое коммуникативное задание.

Формальная устроенность предложения в конструктивном аспекте в известных границах определяет значение предложения, тип его информативного содержания – его семантическую структуру. Так, в предложениях:

<i>Келин калди.- Невеста приехала</i>		нераспространенное
<i>Келинимиз тунугун Оштин калди. - Наша невеста</i>		распространенное
<i>вчера приехала из Оша</i>		

несмотря на различие в объеме информации, выражаемой ими, содержится одно и то же обобщенное значение: действителю (агенсу) приписывается активное, целенаправленное действие.

Связь семантической структуры с формальной устроенностью предложения осложнена тем, что в создании семантической структуры активно участвует лексическое наполнение предложения.

Таким образом, предложение в понимании современной синтаксической науки – сложное явление, которое соединяет в себе три синтаксических объекта:

- 1) формальную устроенность,
- 2) семантическую структуру,
- 3) коммуникативную устроенность.

Разные стороны устройства предложения выделялись и осознавались как особые объекты изучения в разное время.

В 20-40-е годы нашего века почти одновременно в трудах ученых из разных стран началось выделение конструктивного (статического) и коммуникативного (динамического) аспектов предложения. А.В.Щерба, обращаясь к терминологии в лингвистике отмечал в ней слабое отражение специфики языков из-за того, что «она была подавлена индоевропейским строем языков» [164,с.103].

Позднее других, лишь во второй половине XXв., как особый научный объект была выделена семантическая структура предложения.

В научной литературе по русскому синтаксису три десятилетия назад наряду с традиционными понятиями "главные члены", "подлежащее", "сказуемое" появились не дублирующие их, но очень близкие к ним по содержанию относительно новые понятия: "минимальная структурная схема", "компоненты минимальной схемы предложения".

Содержание этих понятий (традиционного и нового) обозначало базовый и обязательный словесный состав для построения и самостоятельного функционирования предложения.

Этот состав часто называют "предикативным минимумом". Достаточность, семантическая пригодность, приспособленность схемы для построения относительно законченных минимальных самостоятельных простых предложений, является отличительным признаком понятия «минимальная схема» к понятию «главные члены».

Благодаря этому отличительному признаку новое понятие позволяет во многих случаях избежать чрезмерного схематизма и формализма при выделении конструктивной основы простого предложения.

Другое отличие понятия "компонент минимальной схемы предложения" от понятий подлежащего и сказуемого состоит в том, что его синтаксическая сущность определяется независимо от тех форм и компонентов мысли, которые признавались и признаются обязательными и универсальными коррелятами главных членов предложений в классической логике. Границы между компонентами минимальной схемы, если она неоднословна, определяются безотносительно к границам между членами так называемого атрибутивного суждения. Иначе говоря, в неоднословной минимальной схеме предложения может быть не только один или два, но и три, четыре компонента, т.е. столько, сколько их можно вычленить на

собственно языковых основаниях - без оглядки на количество и содержание словесно представленных членов классического суждения.

Заключая анализ традиционных и новых понятий, обозначающих один и тот же объект - конструктивный минимум простого предложения, считаем важным подчеркнуть, что все наши рассуждения о преимуществах нового теоретического подхода к выделению этого минимума не имеют целью привести к выводу о необходимости или желательности оставить из двух сосуществующих рядов понятий только один - более точный и содержательный – новый. Описанная ситуация конкуренции и взаимодействия разноаспектных толкований одного и того же объекта не может, по-видимому, оцениваться однозначно и категорически. Во-первых, потому, что целый ряд исследований и публикаций по синтаксису русского языка последнего десятилетия доказывают совместимость, взаимодополнительность этих толкований. Во-вторых, отказываться от традиционных понятий "главные члены", "подлежащее", "сказуемое" нерационально потому, что на базе этих понятий сформировалось и продолжает широко и продуктивно использоваться теория конструктивных типов простого предложения. Имеется в виду учение о двусоставности-односоставности как о самом существенном грамматическом противопоставлении в системе типов русских простых предложений [42,с.363]. В этом учении есть немало противоречивых и спорных моментов, но есть и бесспорное, в частности, признание конструктивной и функциональной значимости (релевантности) признака сочетаемости-несочетаемости сказуемого (в том числе сказуемого в односоставных предложениях) с именительным падежом носителя предикативного признака, т.е. с формой типичного подлежащего.

Итак, признавая большую точность и содержательность понятий "минимальная структурная схема", "компонент минимальной схемы" при выделении обязательного словесного состава простого предложения, мы в

то же время считаем возможным и корректным совмещение и сосуществование нового ряда синтаксических понятий с традиционным: "главные члены", "подлежащее", "сказуемое", поскольку не утратили своей познавательной ценности те разделы синтаксических описаний русского языка, для которых последний ряд понятий является исходным, базовым.

Следовательно, и в вузовском курсе синтаксиса вопрос о выборе терминологического аппарата для описания конструктивной (грамматической) основы простого предложения не может решаться альтернативно: только по-новому или только традиционно. Необходимо иметь ясное представление и о "главных членах", и о "минимальных структурных схемах" простого предложения, об их общем и различительном синтаксическом содержании.

1.4. Эволюция взглядов на природу простого предложения в сопоставляемых языках

Современное понимание природы простого предложения в русском языке сложилось не сразу. Ему предшествовал длительный процесс наработки теоретических представлений о структурно-функциональной специфики многообразных типов простого предложения.

Факт исторического многообразия грамматических форм выражения сказуемого в русском языке был использован А. А. Потебней в его труде «Из записок по русской грамматике» (I—II) как доказательство антиисторичности логической унификации схем предложения и суждения. После работ А. А. Потебни стало ясно, что наивный, прямой перенос на предложение основных конструктивных признаков суждения неправомерен. Такое смешение ведет к логической унификации всех типов предложения, мешает увидеть в предложении его национально-языковую специфику, его

жизненные экспрессивные субъективно-речевые краски и грамматические своеобразия [110, с.83].

Из общего языкознания известно, что тип предложения не остается раз и навсегда заданным [126, с.140]. Он может иметь разные варианты, которые возникают на основе видоизменения и последующего абстрагирования тех или иных составных частей предложения, на основе обогащения и совершенствования его структуры. Так, исторически сложившаяся структура именного двусоставного (или двучленного) предложения прежде всего варьируется в зависимости от состава сказуемого, которое может быть выражено разными именными категориями (существительным, прилагательным, числительным, местоимением) или наречием именного типа и включать в себя связку, полузнаменательный или полувспомогательный глагол. Те разновидности именных предложений, которые содержат в своем составе так называемые полузнаменательные глаголы типа в русском языке *оставаться — остаться, считаться, казаться, показаться, оказаться, называться* и т. п., в уйгурском языке *күрәшмәк(бороться), көзлүмәк(целиться), буралмақ(завинчиваться)* приближаются к глагольному типу предложения, являются глагольно-именными.

Еще более ярко выражен составной — именной и в то же время глагольный характер в предложениях со сложным сказуемым, куда входят в сочетании с именем существительным или прилагательным глаголы движения или состояния.

Разграничение двух основных типов предложения — двусоставных и односоставных — прочно вошло в научный синтаксис русского языка. Конкретное предложение может иметь в основе своего построения и одно единственное понятие или представление, грамматически соотнесенное с действительностью. Психологистическая или логистическая защита тезиса о необходимой двучленности (или двусоставности) всякого предложения

всегда основывалась на отрыве от конкретно-исторического языкового материала и почти всегда опиралась на идеалистические предпосылки о тождестве или параллелизме речевых и мыслительных процессов и на отрицание отражения в речи объективной действительности[43,с.363].

Вопрос о формах и типах грамматического построения односоставных предложений в сопоставляемых языках нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В высшей степени важно уяснить специфические особенности их структуры относительно с основными типами двусоставных предложений. Само собой разумеется, что было бы нецелесообразно стремиться к отысканию «подлежащих» и «сказуемых» или каких-нибудь их «эквивалентов» во всех типах односоставных предложений. Однако в некоторых их формах можно найти морфологические соответствия одному из главных членов двусоставного (двучленного) предложения.

В настоящее время главная задача синтаксиса русского языка в области изучения предложения до некоторой степени predetermined историей развития грамматики. Эта задача состоит в том, чтобы изучить все конкретно-языковые формы или структурные особенности основных разновидностей двусоставных (или двучленных) и односоставных (или одночленных) предложений в современном русском языке и выяснить последовательность, пути и закономерности их исторического развития [112,с.192].

Общая теория синтаксиса, которая широко использовалась в традиционном языкознании до последнего времени, не отбрасывает проблемы связи логических и синтаксических, шире — вообще грамматических категорий. Следовательно, и синтаксис как часть грамматики имеет свои объекты исследования — словосочетание и предложение, свой научный метод и решает свои специфические задачи, в том числе и свои задачи изучения предложений и их членов.

Этот вывод не оспаривается и в современных синтаксических исследованиях. Общеизвестно, что структура предложения бывает качественно различна в языках разных народов, разных наций (ср., например, предложение номинативного типа в индоевропейских языках и предложение эргативного типа в так называемых «иберийско-кавказских» языках). Между тем, как это принято считать в большинстве исследований по логике, субъектно-предикативная структура простого суждения имеет общечеловеческий характер. Она не зависит ни от исторических, ни от национальных различий, но субъект и предикат суждения в предложениях разных языков выражаются по-разному. Выработанные в языке грамматические формы членов предложения не сливаются и не совпадают с логическими членами суждения. Логическое суждение реализуется в предложении разнообразными языковыми средствами.

Обычно говорят, что слова и словосочетания, соединенные в предложении большей частью посредством тех же приемов согласования, управления и примыкания, которые характерны для связей слов внутри словосочетания, без соответствующей организации их интонационными средствами еще не представляют собой сообщения. Интонационными средствами устанавливается, обуславливается коммуникативное значение слов в предложении, определяется членение предложения и осуществляется его внутреннее единство. Благодаря интонации не только соединения слов, но и отдельные слова могут приобрести значение предложений.

По нашему мнению, предложение является многоаспектной синтаксической единицей. Как единица языка оно должно изучаться прежде всего с точки зрения своеобразия его структурной схемы и связанной с ней конкретной пропозиции. Предложение это сущностная единица лингвистики [121,с.135].

1.5. Типы именных предложений в сопоставляемых языках

Субстантивные предложения являются принципиально безглагольными, т.е. не только не содержат ни «физических» глагольных форм, ни нулевых форм, но и не предполагают пропуска глагола. В их семантике нет значений действия, процесса, признака. Они имеют бытийное значение, которое выражается не лексически, а синтаксически (ср.: *Была зима; Есть книги*). Бытийное значение свойственно главному члену предложения – номинативу (существительному в форме именительного падежа): *Зима* – или генитиву (существительному в независимом родительном падеже, с количественным значением): *Книг-то!* Этим формам существительного соответствуют два структурно-семантических вида предложений – номинативные и генитивные.

В номинативных предложениях выражается бытие предмета в настоящем времени. Как бытийное значение, так и указание на совпадение бытия с моментом речи проявляются в главном члене, независимо от наличия или отсутствия в предложении других членов.

Кроме указанных основных значений, главный член номинативных предложений может содержать добавочные оттенки, выражаемые интонацией, частицами, – иначе говоря, может иметь структурные варианты.

Спорным остается вопрос о наличии в номинативном предложении таких второстепенных членов, которые имеют обстоятельственное или объектное значение и не образуют словосочетания с главным членом: *В доме тишина; Сегодня экзамен; У меня радость* и т.п.[44,с.340]. Форма этих членов предложения не мотивируется, не управляется главным членом – номинативом. Это служило поводом усматривать в таких предложениях пропуск сказуемого, к которому якобы относятся данные члены. Эти предложения являются номинативными односоставными с второстепенными членами приосновного типа, которые имеют

самостоятельное значение (пространственное, временное, субъектное и пр.). Эти члены как в двусоставных, так и в односоставных предложениях не являются зависимыми компонентами словосочетания; они поясняют предикативную основу в целом.

Рассмотрим типы именных предложений в уйгурском языке.

Модели со словесно выраженными именами отношений, явно представляющие компонент R, т.е. отношение, представлены несколькими структурными типами, которые различаются, во-первых, тем, слово какой части речи выступает в качестве имени отношения, и во-вторых, тем, в какой форме предстает второй участник отношения. Сейчас в нашу задачу не входит подробный анализ разных возможностей реализации данного типа конструкций. Поэтому мы ограничимся демонстрацией самых типичных реализаций этого типа.

Весьма характерна под этим углом зрения конструкция, которую представляет формула $N_{им} N_{дат} (N_{им} сор)$;

уйгур. *Сэн мана дост* – Ты мне друг; *Мурат унинга кейин ака* – Мурат ей деверь (точнее, старший брат мужа); *Сания мана тэнтуш* – Сания мне ровесница; ср. также: *Мэн сана кул эмэс* – Я тебе не слуга.

Здесь участники отношений – конкретные люди, представленные личными местоимениями – ты, я, она, или личными именами – Мурат, Сания. Одно из этих имен – подлежащее, и стоит в именительном падеже (в тюркских – в неопределенном), другое, видимо, дополнение – в дательном падеже. Третье имя есть имя отношения, связывающего аргументы, т.е. названных людей. В одном из примеров в роли имени отношения выступает имя собственное, точнее сказать, форма имени собственного: просто имя подразумевает приятельские отношения: полное имя с отчеством – формальные, отчужденные; в другом – образная характеристика негативного типа.

Формы, в которых предстают и второй член отношения, и само имя отношения, варьируют достаточно широко. Имя отношения может выражаться и именем существительным, и именем прилагательным, и наречием, и именами наличия и отсутствия – **тюрк.** *бар – есть, жок / чок / жок / суох* и др – нет. Здесь важны и звукоподражательные слова тюркских языков [64,с.204]. Второй член отношения может быть выражен разными падежными и падежно-последовательными формами имен существительных и местоимений. При этом падежные формы при одном и том же предикате могут варьировать, например, дательный падеж, родительный, творительный.

В русском языке тюркским падежным формам часто соответствуют предложно-падежные формы. В частности, значения местного падежа, широко используемого в тюркских языках, в русском передаются только предложно-падежными формами: *Бизниң= синипта мән староста* – В нашем классе я староста; *Петр в семье голова*. Ср. также *Акам аилимиздә атимизниң орнида* – Мой старший брат в нашей семье вместо отца (*Акам аилимиздә баш* – Мой старший брат в нашей семье главный).

Прилагательные в тюркских языках не имеют обязательных морфологических признаков, поэтому их противопоставленность существительным гораздо слабее, чем в русском – во многих случаях трудно бывает их разграничить. Роль прилагательных как особого типа имен отношений наиболее четко проявляется в сравнительной конструкции с исходным падежом имени второго участника отношения: {N_{им} N_{исх} (А сор)}.

Именные предложения, содержащие третий компонент, выражающий отношение, связывающее объекты, представленные первым и вторым компонентами, структурно и семантически очень разнообразны, и значимость их формальных и содержательных характеристик еще предстоит выяснять. Но в данный момент существенно то обстоятельство, что в них не только представлен этот третий компонент, но и очевидна его

специфическая функция в составе конструкции, то есть тот факт, что именно он выражает отношение – и «законно» выступает в функции присвязочного имени, то есть знаменательного компонента именного сказуемого.

На фоне этих конструкций становится видным и противоположное свойство биноминативных конструкций, в составе которых оба имени существительных представляют аргументы отношения, оставляя само отношение не названным.

Традиционный грамматический анализ признает сказуемым в этих предложениях единство связки и второго имени существительного, то есть имени второго участника отношения. Не споря с этой установившейся традицией, мы не можем тем не менее оставить без внимания различие, которое считаем очень существенным для понимания общей системы именных предложений. Достаточно очевидно, что в биноминативных предложениях в уйгурском языке позиции имени отношения соответствует не имя второго участника, а пустота, «значимый нуль», который в синтаксическом плане можно охарактеризовать как предикат. Иными словами, понятия сказуемого и предиката в этом случае расходятся. Поскольку мы признаем сказуемое обязательным членом предложения, мы относим, «привязываем» к второму знаменательному компоненту ту собственно синтаксическую «дополнительную нагрузку», тот грамматический смысл, – семантику эквивалентности – который остается невыраженным и реконструируется, домысливается говорящими в процессе понимания фраз.

Иначе говоря, предложения $N_{им} (есть) N_{им}$ или $N_{им} (cop) N_{им}$ можно признать содержащими сказуемое $\{N_{им} (cop)\}$ или $\{(cop) N_{им}\}$, но $N_{им}$ в составе этой формулы не представляет предиката. Предикат здесь – «значимый нуль», читаемый как эквивалентность. Например: *Дилмурат ишчи* – Дилмурат работает; *Булбул қуштур* – Соловей-птица. Этот смысл

«привязан» именно к тому компоненту содержания связки, который по-русски выражается словом «есть».

Только в трехкомпонентной конструкции с выраженным именем отношения именное сказуемое «складывается» из предикатива – имени отношения и связки.

Третий тип именных предложений составляют предложения, занимающие среднее, промежуточное положение между предложениями, содержащими лексически выраженный предикат и не содержащими такового. Сам этот тип выделяется вполне четко, но границы его размыты.

Речь идет о таких предложениях, где отношение между аргументами выражается, но не словами, а грамматическими показателями. Грамматическими показателями называют не только синтетические компоненты словесных форм, **аффиксы**, но также и **служебные слова**; в данном случае имеются в виду служебные слова, способные сопровождать имена участников отношения, выражая собою их отношение к другому участнику. Это прежде всего послелого в тюркских и других алтайских языках, предлоги в русском и других европейских; к послелогам примыкают и своеобразные тюркские «служебные имена», занимающие промежуточное положение между послелогам (к которым они близки функционально), существительными в формах притяжательного склонения и наречиями. Например, **уйг.** *Йенида-возле, алдида-перед, арқисида-сзади.* – ср. **рус.** *Вокруг сада высокий забор* и *Вокруг тишина*. Границу класса служебных слов, выступающих в роли показателей отношения, составляют слова, не имеющие в грамматике четкой частеречной принадлежности и устойчивого грамматического статуса. Иногда их называют послелогам – но, с нашей точки зрения, они по своей природе являются именно именам отношений, предикатами трехкомпонентных именных предложений, то есть принадлежат рассмотренному выше типу.

Наиболее ярко рассматриваемый тип представлен двухкомпонентными предложениями, в которых второй компонент выражается определенной падежной формой. Падежный аффикс в таких случаях четко выражает либо одно – ведущее – значение данного падежа, либо, если падеж многозначен, в разных контекстах разные оттенки (варианты) его значения.

Предложения этого типа в литературных текстах встречаются нечасто, поэтому наша выборка в этой части ограничена. Тем не менее в ней представлены предложения с разными падежами второго компонента на уйгурском языке, и носители языка понимают их естественно и легко. Приведу примеры:

Родительный падеж выражает значение принадлежности:

уйг. *Бу мозай Марканиң* – Этот теленок Марки (кличка коровы);

Бу балилар ачамниң – Эти дети – моей сестры;

Бу нәрсиләр акамниң – Все эти вещи – брата.

Дательный падеж выражает значение предназначенности, адресованности:

Огулга тәшәккүр! - Сыну благодарность!

Барлиқ нәрсә фронтқа!- Все фронту!

Бу аяқ саңа, укам! – Эти ботинки тебе, братишка!

Исходный падеж выражает значение источника в нескольких вариантах:

- откуда прибыл, происходит человек или предмет:

уйг. *Мән Турпандин* – Я из Турфана.

Мән Аксудин – Я из Аксу.

Чокан Корлидин еди. – Женщина была из Корлы.

Уму майманлардин болган.- Он тоже был из майманов.

Местный падеж в этой функции используется очень широко и уже рассматривался в специальной работе [2,с.37]. Поэтому ограничимся простейшими примерами:

уйг. *Дадам өйдә, апам багда.*(*З.Сабир*) – Отец=мой дома, мама=моя в саду.

Ҳазир Майимхан йезида. (З.Самади)- Сейчас Маимхан в селе.

В тюркских языках есть послелогои, управляющие каким-либо косвенным падежом, и есть такие, которые следуют непосредственно за падежно немаркированной основой. В этом случае их функция чрезвычайно близка к функции аналитического падежного аффикса, которым послелогои часто и “стремятся стать”. Это и произошло с послелогом *билән/менен*, это же происходит и с пространственными послелогоами адлокации (куда?), на базе которых в хакасском, шорском и алтайском формировались и формируются направительные падежи. Но, например, общетюркский древний послелог *учун* (в разных фонетических вариантах) – ‘для, ради, за’ не обнаруживает тенденции превратиться в аффикс. А конструкции, сходной с только что рассмотренной, он выступает как аналитический показатель отношения – как предикат отношения – оставаясь явно “служебным словом”. Например:

Эмди Түркстан үчүн – Теперь за Туркестан!

Биз Вәтән үчүн – Мы за Отчизну.

Довольно широко используются в подобных конструкциях и послеложно-падежные сочетания, например,

Акамниң йенида Гуля болган.- Возле брата была Гуля, а также сочетания полнозначных существительных со служебными именами в форме местного падежа: *Өйүм «Гюзальдин» кафеси йснида туриду.* – Мой дом рядом с (возле) кафе “Гюзальдин”. Ср. *Өйүм «Гюзальдин» кафеси йснида турган.* – Мой дом был рядом с (возле) кафе “Гюзальдин”. При переходе в план прошедшего или будущего местный падеж сменяется дательным.

Не задерживаясь больше на падежно-послеложных формах показателей отношений, коротко коснемся некоторых других типов.

Под этим углом зрения заслуживает внимания уйг. аффикс обладания –*лиқ*., тув., хак., шор. =*лыг* / алт =*лу*. Статус “лыговых” форм в тюркологии

остаётся противоречивым, как противоречивы сами эти формы. Здесь неясен как термин “форма”, так и статус аффикса, и частеречная интерпретация формы. Обычно образования на *лыг/=лу* оцениваются как прилагательные. Но прилагательные не принято называть “формами” (существительных). Образуются же “формы на *лыг/=лу*” от существительных, связь с которыми разными словами сохраняется в разной степени. Но в данном случае идет речь только о предикативном употреблении этих форм, а конкретнее – о том, что аффикс *лыг/=лу* выступает в роли показателя отношения, которое связывает подлежащее предложения с лицом, предметом или понятием, обозначенным основой существительного, принимающего этот аффикс. Это отношение – обладание. Например:

Анам “Знак почета” орден=лиқ (БУ,ТБ,15) – Моя мать имеет орден “Знак почета”;

Мән икки огуллуқ болдум (БУ,С,51) – Я двух сыновей имею (рус. – У меня два сына);

Асия алий билимлик – Асия имеет высшее образование;

Кәп болилиқ бол! – Пусть (у тебя) будет много детей;

Бовай милтиклиқ болган – Мой дед имел (у моего деда было) большое ружье.

Другая группа форм, заслуживающих внимания под данным углом зрения – это формы, обслуживающие сравнение, передающие **компаративные отношения**. Объем понятия “компаративные отношения” в специальной литературе строго не определен – в известном смысле “все познается сравнением”, сравнение – одна из основных форм, в которых протекает наше мышление. Соответственно этому, формы и способы выражения сравнения тоже разнообразны.

В уйгурском, алтайском, хакасском, шорском языках имеется аффикс сравнения *=дәк/, =дый/, =дай,=так*, который, как и аффиксы падежей, способен выражать предикативные сравнительные отношения. Например,

У садин қорққан кушқач=тәк (ЖК,КТ,75) – Он как испуганная ястребом пичуга;

Атларнин аркиси чөлдәк (ТШ,КК,20) – Спины лошадей как широкая степь;

Марьям кичиқ бали-дәк – Марьям как малый ребенок; ср. также более сложную конструкцию с этим аффиксом:

Көзлири анисиникидәк, бурни дадисиникидәк – Глаза=его как материнские, нос=его как отцовский.

С нашей точки зрения **-дәк**, это один из компаративных предикатов, занимающий свое место среди таких слов, как уйг. *охшаш*, *кәби*, алт. *ошкош* / тув. *ышкаш* / хак. *осхас*, и др. Приведем примеры: предикат *охшаш*:

Мән эмди әшу атка охшаш– Я сейчас совсем как та лошадь;

Балиниң авази анисига хшаш– Голос ребенка, как голос его матери;

Узун тил өмчүккә охшаш – Длинный язык как паутина;

Униң меңиши ейикка охшаш – Ее походка как у медведя (букв. как медвежья);

Дәрья инсанга охшаш – Река, как человек;

Бовай ейикка охшаш – Дед как медведь;

Как видим, этот предикат сочетается и с формой датива.

В тюркских языках есть немало и других слов, типа **уйг.** *башка* «другой, не такой, не похожий», **хак.** *пасха* «другой, разные», **алт.** *аАылу* «отличен от.., иной по сравнению с» и др., которые функционально примыкают к компаративным показателям «с обратным знаком», как показатели несходства, а также и показателей других отношений – ср., например: **уйг.** *мунасивәтлик*, **алт.** *колбулу*, **хак.** *пал:алысты*: «имеющий связь» – показатель наличия связи и мн. др. Некоторые из них оцениваются в грамматиках, в словарях и в разных специальных работах и как прилагательные, и как послелогии, иногда как частицы – но их специфические лексико-семантические варианты, функционирующие как

предикаты отношений вообще никак не фиксируются. Между тем они, на наш взгляд, заслуживают внимания как составляющие особый функциональный подкласс в рамках класса прилагательных. Кстати сказать, в этот подкласс входят и все прилагательные, выступающие в качестве предикатов в трехчленной конструкции $N_{ин} N_{исх} A$, напр.:

Биз улардин амәтлигирәк. (З.Кадир)- Мы удачливей их.

Итак, мы попытались в основном на уйгурском материале показать в первом приближении сущностное своеобразие именных предложений по сравнению с глагольными. Оно видится нам, прежде всего в том, что ими передается инвариантное **значение отношения**, которое **противостоит значению процесса** как инвариантной семантике предложений, формируемых глаголами.

Именная предикация отличается от глагольной и по ее отношению к самой категории времени: если процесс “протекает во времени”, развивается параллельно с движением времени, то отношение, в принципе, лишь существует во времени, поскольку существуют во времени связанные им “предметы”, аргументы, и поскольку говорящий связывает данное отношение между ними со шкалой времени с центром “момент речи”. Эта “нулевая точка” во многих языках маркируется нулевой связкой[4,с.44].

В биноминативных предложениях оба существительные представляют участников отношения, отношение между которыми остается невербализованным. Оно может интерпретироваться в довольно широком спектре возможностей, прежде всего в зависимости от объема и типа лексического значения каждого из двух имен, но за всеми интерпретациями стоит общий инвариант, который мы называем эквивалентностью; в частности, имя индивида эквивалентно имени класса (индивид входит в класс) имя вида эквивалентно имени рода и мн. др.

1.5.1. К вопросу о структуре и типологии именных простых предложений в сопоставляемых языках

В русском языке к именованным односоставным предложениям относятся структуры, в которых падеж имени (именительный, родительный, винительный) совмещает значение номинации предмета, факта, явления с констатацией их бытия, поэтому падежная форма употребляется без грамматически выраженного предикативного компонента, а предложение в целом соотносено с настоящим временем.

Рассмотрим различные точки зрения на односоставные именные предложения.

Типы предложений					АГ - 1970	Русская грамматика — 1980
	А.А.Шахматов	А.М.Пешковский	АГ-1953	АГ-1953		
Номинативные	Подлежащие-бесказуемые номинативные Сказуемые-бесподлежащие именные	Номинативные: экзистенциальные; указательные; назывные	Названные	Номинативные	N, Adv _{quant} I! (или N _{quant} I) Gen Interj Pron N) Intej N[Именно-классовые компоненты предложений: N,
Генитивные	Генитивные (подлежащие)	Не выделены в	Не выделены в	Двосоставные неполные	*~ ^{en} qua mit Neg	Генитивные (N ₂):

	-беска- зуюемостн ые)	самостоят ельную группу	самост оятель- ную группу		Gen (N ₂)	
Вокати вные	Вокативн ые	Не выделены в самостоя тельную группу	Рассма трива- ются как об- ращен ия	Рассматр иваются как обращени я	Относи тельно не- зависи мые выска- зывани я	
Слова- пред- ложен ия	Не выделен ы в самостоя тельную группу	Не имеют статуса предложе ния	Не выделе ны в самост оятель- ную группу	Модально -ответные и во- просител ьные; эмоциона льно- оценочны е побудите льные		

Отсюда вывод, что номинативные предложения - это именные односоставные предложения, главный член которых выражен формой именительного падежа. В структуре номинативных предложений основную роль играет семантика имени. Семантика бытийности является доминирующей.

Акимов Г.Н. в своей работе представил классификацию номинативных предложений, которую мы попытаемся сопоставить с уйгурским материалом[16,с.124].

Виды предложений

1.Бытийные	
а)экзистенциальные (явление в времени);	
Гром и шум. Корабль качает;	Гүлдүр вә шавкун. Кемә чайқалмақта
б)предметно-бытийные (предмет в пространстве)	
Море темное кипит...(Я.Полонский)	Орман билән долқунлар-явайи қирғак. Деңиз йенида намрат өй.
Лес да волны - берег дикий,	
А у моря домик бедный (Я.Полонский)	
2.Указательные (с частицами вот, вон, а вот)	
а)указание;	
б)достижение	
Вот жаркий летний день - вот кудри золотые.	Мана язниц иссиқ күни-мана алтун бөдриләр.
Вот и ночь...	Мана түнму.
3.Оценочно-бытийные	
Что за жизнь у меня! И тесно, и темно,	Немә дегән мениң һаятим! Һәм қис, Һәм қараңғу, Бөлмәм конүлсиз,деризидин шамал кирмәктә.
И скучна моя горница; дует в окно(Я.Полонский)	
4.Желательно-бытийные	
Если бы счастье! Только бы здоровье!	Бәхитла болса! Сағламликла болса еди!

Номинативные предложение имеются в обоих языках.

С точки зрения грамматического построения указанные предложения русского и уйгурского языков эквивалентны. Отличие только лишь в том, что желательно - бытийные предложения в уйгурском требуют формы условного наклонения на –**са** от вспомогательного глагола **болмак**. В данном параграфе попытаемся описать номинативные предложения в русском языке и их синтаксические параллели в уйгурском.

Как в русском, так и в уйгурском языках номинативным является такое односоставное предложение, единственный главный член которого как носитель признака выражен именем существительным или

субстантивированной частью речи в именительном падеже.[Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомин М.И., Абдуллаев С.Н.]

В обоих языках главный член может быть выражен и словосочетанием. В этом случае господствующее слово в нем обязательно имеет форму именительного падежа. Во всех разновидностях номинативных предложений утверждается наличие, существование явления или предмета, называемого главным членом.

Номинативные предложения, обозначая наличие явления в настоящем, бываю только утвердительными, они не могут употребляться в значении будущего или прошедшего времени. Предикативные значения выражаются особой интонацией. По значению различаются номинативные предложения бытийные и указательные.

Бытийные предложения выражают наличие называемого предмета, явления:

Развалины сожженного города. | *Көйгән шәһәрниң харабилири;*

Указательные предложения содержат указания на имеющиеся предметы:

Вот и лес. | *Тоқайму мана;*

Тень и тишина. | *Коләңгү вә җим-җитлиқ.*

В обоих языках номинативные предложения могут быть нераспространенными или распространенными. Нераспространенные номинативные предложения состоят только из главного члена. В функции главного члена выступает именительный падеж имени существительного:

1991год. | *1991-жил;*

Весна... | *Баҗар;*

Тишина. | *Җим-җит.*

В русском языке имя существительное может употребляться в сочетании с частицами. Такие предложения приобретают различные оттенки значения (уверенности, неуверенности, эмоционального усилия и т.д.).

В уйгурском языке также имеются различные частицы. Эти частицы и передают различные эмоциональные значения русских частиц. Но иногда

значения русских частиц в составе номинативного предложения передаются соответствующей интонацией конструкций:

И вот портрет!

Сурәтму мана.

И схоже, и не схоже.

Җәм охшаиш, Җәм охшаиш эмәс.

В роли главного члена личное местоимение или числительное:

А вот и я.

Мана мәнму.

Вот и она сама.

Өзимү мана.

В роли главного члена количественно-именное сочетание:

Окопов три ряда

Окопларниң үч сепи

Двадцать часов

Саат жигирмә

В обоих языках распространенные номинативные предложения стоят из главного члена и относящегося к нему определения, согласованного или несогласованного (одного или нескольких) иногда с объектным или обстоятельственным оттенком.

Распространенное номинативное предложение с согласованным определением:

Тихая, звездная ночь

Теч юлтүзлук тун

Красивый город.

Чирайлиқ шәһәр.

Дополнительное объектное или обстоятельственное значение выявляется в следующих примерах:

Поездка в Бишкек.

Бишкеккә сәпәр.

Возвращение из города

Шәһәрдин қайтиш.

В обоих языках номинативные предложения употребляются в самых различных жанрах художественной литературы.

С номинативными предложениями по форме могут совпадать некоторые синтаксические конструкции, фактически не являющиеся ими. Это такие конструкции, которые либо не заключают в себе значения бытия, существования, либо являются неполными предложениями. Поэтому указанные типы конструкций следует разграничивать друг от друга.

В уйгурском языке номинативные предложения – это именные односоставные предложения, которые утверждают наличие, существование предметов, явлений, стояний. Они бывают только утвердительными. Главный член их оформлен как подлежащее часто принимая аффикс принадлежности, например:

<i>Ана мактивим</i>	Родная школа;
<i>Сәһәр</i>	Утро;

По значению различаются номинативные предложения бытийные и указательные. Первые утверждают существование предмета как явления, обозначаемого главным членом:

Беҗин. Хан ордиси- Гугун (З.Самәдий)- Пекин. Дворец императора- Гугун.

Во вторых говорящий обращает внимание на имеющиеся предметы или явления:

Орманму мана («КТ»)- Вот и лес.

По содержанию выделяются следующие типы номинативных предложений:

1)утверждающие наличие явлений природы, времени, места:

<i>Баһар вақти;</i>	<i>Пора весны;</i>
<i>Қап-қараңғу</i>	<i>Тьма;</i>
<i>Түн</i>	<i>Ночь;</i>
<i>Москва.Қазан вокзали</i>	<i>Москва. Казанский вокзал;</i>

2)утверждающие наличие предметов, лиц:

<i>Әйнә Кевир</i>	<i>Вон Кевир;</i>
<i>Мана етизлик</i>	<i>Вот поле;</i>

3)отражающие различные психические состояния:

<i>Ваһ, мана жигит</i>	<i>О! Вот это молодец;</i>
<i>Мәнзирә!</i>	<i>Зрелище!</i>

Номинативные предложения бывают распространенными и нераспространенными, например:

<i>Түп-тәң қараңғу</i>	<i>Кромешная мгла;</i>
<i>Әйнә сийир фермиси</i>	<i>Вон молочная ферма;</i>
<i>Язниң күнлири</i>	<i>Весенние дни;</i>
<i>Яз. Чегара. Баһар</i>	<i>Лето. Граница. Весна.</i>

Номинативные предложения выполняют композиционную функцию, начиная собой повествование:

Чегара. Баһар. Йәр-жаһанга рәңму-рәң гүлләрдин паяндаз йейилган (М.Розиев)- *Граница. Весна. На земле разостлан ковер из цветков.*

В уйгурском языке имя в составе номинативных предложений может принимать частицы, несущие различные дополнительные оттенки смысла:

Иссиқ көлму мана -Вот и Иссык-Куль.

Номинативные предложения могут быть повествовательными, вопросительными, а также восклицательными:

Кәшқәр. Батурханниң шаһаний Кашигар.Шахский дворец Батурхана;
ордиси.(З.Сәмәдий) Дождь?;
Ямгурму? О родной язык, прекрасный язык,
Һэй, ана тил, Һэй, гөзәл тил, ата- моего отца и матери язык!
анамниң тили (Г.Токай).

В зависимости от синтаксических способов выражения предикативности посредством главных членов в грамматике русского языка выделяются двусоставные и односоставные предложения.

В современном уйгурском литературном языке эти конструкции предложений имеются, и поэтому вполне возможно и нужно выделить эти предложения как самостоятельные грамматические типы односоставных и двусоставных предложений и дифференцировать их по названным признакам.

В уйгурском языке, как и в русском, предложение состоит из главных членов - подлежащего и сказуемого и второстепенных членов, из которых одни относятся к подлежащему и образуют вместе с ним состав подлежащего, другие – к сказуемому и образуют вместе с ним состав сказуемого.

В зависимости от того, сколько имеется в предложении указанных грамматических составов, оно может быть (в одинаковой синтаксической функции для русского и уйгурского языков) либо двусоставным, либо односоставным.

В обоих языках двусоставное предложение может быть грамматически неполным, но это не лишает его специфики двусоставного предложения.

Двусоставным (в обоих языках) является такое предложение, которое имеет два грамматических состава: состав подлежащего и состав сказуемого [116,с.33; 53,с.309].

В русском и уйгурском языках сказуемое по способу выражения может быть глагольным (простым и составным) и именным (простым и составным).

Но в современном русском и уйгурском языках встречаются так называемые односоставные предложения. Односоставные предложения в обоих языках бывают сказуемого и подлежащего типа. Односоставные предложения представляют собой особый тип предложений, структурно отличающийся от двусоставного предложений.

В синтаксисе современного уйгурского литературного языка (как и русского) различают активные и пассивные конструкции предложений. Различение активного и пассивного аспекта синтаксиса подробнее описал Щерба Л.В[165,с.21].

Активные (или номинативные) конструкции характеризуются тем, что в обоих языках производитель действия (действующее лицо) является

подлежащим, имеющим специальную падежную форму – именительный падеж, а его действие (сказуемое) выражает, как правило, спрягаемой формой глагола (*verbum finitum*). Такими конструкциями выступают современные уйгурские и русские двусоставные предложения. Эти конструкции наиболее употребительны в речи и являются как бы универсальными средствами выражения наших мыслей, чувств, воли.

Пассивная конструкция характеризуется тем, что в таких предложениях действующий предмет выражен косвенным падежом, а логический объект на который переходит действие, стоит в именительном падеже *Буйрук ректор тәрипидин берилгән*. (в значении: Приказ дан ректором).

В предложении номинативного строя имеются два организующих центра – подлежащее и сказуемое, основная функция которых состоит в наименовании:

а) действующего лица (подлежащее)

б) действия (сказуемое)

Ильхам читает книгу.- Илһам гезитни оқуватиду.

В этом примере слова Ильхам с грамматической и логической точки зрения является субъектом действия, обозначенным именем существительным (собственным именем), сочетание *оқуватиду* (читает) выражено спрягаемой формой глагола (*verbum finitum*) и указывает, что субъект является действующим лицом. С развитием мышления (следовательно, и языка) функции подлежащего и сказуемого постепенно расширились. Подлежащее стало обозначать не только действующее лицо, но и действующий предмет, определенное понятие, предмет познания, предмет сообщения.

Соответственно расширяются и функции сказуемого, которое стало обозначать не только действие субъекта, как действующего лица, но и действие предмета, его характеристику, его признак.

В составе самого предложения вокруг организующих центров (подлежащего и сказуемого) могут быть и другие слова, конкретизирующие их, раскрывающие более полно мысль,- это второстепенные члены предложения. Второстепенные члены предложения могут содержать важнейшие моменты сообщения, реализовывать основную цель высказывания.

В обоих языках второстепенные члены предложения как по смыслу, так и грамматически связаны с организующими центрами - подлежащим и сказуемым, - что вскрывается смысловыми вопросами, и вместе с ними образуют единое высказывание, грамматически организованное и выражающее относительно законченную мысль. [116,с.11-13.]

1.6. Именное односоставное предложение

Именными односоставными называются предложения, главный член которых выражен именными частями речи[9,с.77]. Именные односоставные предложения выражают не процесс, а, назвав предмет, признак или состояние, утверждают или отрицают существование их. Поэтому такие предложения можно именовать назывными предложениями. По способам выражения главного члена они делятся на две разновидности. В первой разновидности главный член выражается именами существительными или другими словами в роли имен существительных, во второй — прилагательными и наречиями.

Поскольку в уйгурском языке прилагательное и наречие не имеют четкой грани и очень часто заменяют друг друга, мы взяли наречие рядом с прилагательными, хотя наречие официально не относится к именным частям речи.

Назывное предложение, главный член которых выражен именами прилагательными и наречиями. Односоставные предложения такого типа,

назвав признак или состояние, утверждают или отрицают их существование. В большинстве случаев прилагательные и наречия выступают главным членом в сочетании с инфинитивом; если инфинитива нет в предложении, то он подразумевается:

Ҳаммидин бурун бизниң дуكانчига көңүлсизди. (З.Сабир)- Прежде всего было скучно нашему продавцу;

Тайга орманлирида бәк қәрқунуcluқ.- В таежных лесах очень страшно.

Назывные предложения этого типа употребляются во всех трех временах, а также могут принимать формы других категорий, когда главный член оформляется при помощи вспомогательного глагола *болмак* «быть»:

Бу йәрдә маңа толиму соғуқ болуп кәтти (Т.Юнус).- Здесь мне стало очень холодно.

Назывные предложения, главный член которых выражен именами существительными или другими словами в роли имен существительных. Такие предложения можно назвать собственно-назывными или номинативными. Главным членом их выступают упомянутые в названии параграфа слова в именительном падеже. Назывные предложения утверждают или отрицают наличие, существование предмета, явлений. Они употребляются в настоящем и в прошедшем временах.

1. Назывные предложения отражают явления природы:

Қиш. Шувурган. Салқин һава. Япрақтәк қар түшиду (Г. Т.).-Зима. Буран. Мороз. Падает снег величиной с лист;

В произведениях уйгурской литературы такие предложения употребляются весьма часто, иногда даже встречаются целые строфы, состоящие сплошь из назывных предложений:

<i>Язниң айлири.</i>	«Весенние месяцы.
<i>Апрель, май.</i>	Апрель, май.
<i>Толиму гөзәл таңлири етиши</i>	Прекрасный восход
<i>Атқан таңлири.</i>	Зори.

Орман шавқуни.

Шум леса.

Қушлар сайриши.

Пение птиц.

Чақмақ атиши.

Раскаты грома.

(Г. Т.)

В прошедшем времени главный член оформляется при помощи вспомогательного глагола *иде*:

Яз беши еди (М. Г.).- Было начало лета.

2. Назывные предложения, весьма близкие к неполным, часто используются при описании обстановки, внешнего вида людей и т. д. Назывные предложения с таким значением встречаются в основном в пьесах:

Орман. Омартилиқ. Чирайлиқ яйлақ. Арқида, оттурисида землянка өйи (К. Т.) «Лес. Пасека. Красивая поляна. Позади, в середине землянка»;

3. Назывные предложения используются и при описании быстро чередующихся или повторяющихся явлений, а также при беглом перечислении событий истории:

Кечә. Шавқун. Қиллиқ оркестр. Уссуллар. Нахшиллар (Х. Т.).- Вечер. Шум. Струнный оркестр. Танцы. Песни.

4. Назывные предложения используются при указании на какой-либо предмет. В этом случае в предложении главный член принимает указательную частицу *мана* «вот», *әнә* «вон»:

Мана саман өгүзлүк өйләр (Г. И.).- Вот дома с соломенной крышей.

5. Особую группу составляют назывные предложения, которые произносятся с интонацией восклицания:

Аһ, мениң йезам! Немә дегән гөзал у!- Эх, моя деревня! Как она красива!;

К этой же группе примыкают так называемые вокативные предложения, то есть предложения, которые состоят из обращений с особым значением укора или радости при встрече с кем-нибудь или столкновении с чем-нибудь:

Эх Тарим!- Эй Тарим!

Нафисэ!!- Нэфисэ!! (в смысле: как ты смеешь это делать!);

Гулсум ана!?.-Тетя Гульсум!?

Важно заметить, что не всякое имя существительное является номинативным предложением. Для того, чтобы слово выступало как номинативное предложение, оно должно сообщать о существовании или отсутствии какого-нибудь предмета или явления действительности (называть его).

Главные особенности слов-предложений. Предложение, состоящее из одного слова, которое не способно распространяться и быть каким-нибудь членом, называется словом-предложением.

Слова-предложения в уйгурском обычно выражаются специальными словами, которые обозначают утверждение или отрицание, согласие или несогласие с предыдущим высказыванием, а также и модальное отношение к высказанному собеседником. Предложениями такого типа выступают слова: *шундақ* «да». *әһә* «ага», *як* «нет», *болиду* «ладно», *яхши* «хорошо», *албатта* «разумеется», *табийй* «естественно», *балки* «вероятно», *шундақму?* «так ли?».

Слова-предложения этого типа, как правило, самостоятельно не встречаются в речи, они употребляются вместе с другими предложениями, с другими репликами в диалоге.

— *Маңа аччигиң кәлмисә керәк?* — *дидим.*

— *Як,* — *дедидә, ләвлири титрәп, көзидә яш көрүнди* (Ш. К.).

— Ты на меня не обижаешься? — спросил я.

— Нет, — сказала она, и губы ее задрожали, глаза заслезились.

1.6.1. Категория бытийности и бытийные предложения в русском и уйгурском языках

Общее грамматическое значение именных односоставных предложений включает выражение бытийности и предикативности (модальные и временные значения). Выражение модальных и временных значений свойственно всем типам простого предложения (разумеется, эти значения выражаются по-разному). Б ы т и й н о с т ь – специфическая черта именных односоставных предложений.

О грамматическом характере значения бытийности («экзистенциональности») говорил А.М. Пешковский, подчеркивая, что это «особое значение категории именительного падежа», что существительное «само уже своим именительным падежом обозначает существование». [109,с.157.] Соглашаясь с такой грамматической трактовкой бытийности, необходимо, однако подчеркнуть, что это значение не свойственно самой форме именительного падежа, а обнаруживается только в предложении, что подтверждается и на уйгурском материале. Грамматическое значение бытийности является крайне отвлеченным и не имеет никаких градаций. Оно не зависит ни от лексического значения существительных, ни от принадлежности их к категориям собственных или нарицательных, одушевленных или неодушевленных, конкретных или отвлеченных. Итак, бытийность следует считать грамматическим (синтаксическим) значением, которое возникает в предложении при употреблении существительного в независимой позиции и которое сопутствует значению предметности.

Именные односоставные предложения не образуют парадигмы временных форм, так как введение глагола в прошедшем или будущем времени коренным образом меняет синтаксическую позицию существительного и способствует выражению бытийности лексическим путем.

Значение настоящего времени, свойственное именным односоставным предложениям, является несоотносительным с прошедшим и будущим, или, по Пешковскому, расширенным. В синтаксическом окружении оно может

корректироваться с помощью форм прошедшего или будущего времени соседних глагольных предложений, благодаря чему высказывание, содержащееся в именном односоставном предложении, включается в общий временной план повествования и относится к прошедшему, настоящему или будущему.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что именное односоставное предложение вне контекста всегда имеет значение настоящего времени. Значение расширенного настоящего времени неотделимо от значения бытийности, они взаимосвязаны. Оба значения выражаются именем существительным в независимой позиции

В уйгуроведении распространено мнение, что в бытийных предложениях в настоящем времени присутствует нулевой вспомогательный глагол *еди*[8,с.28]. Он эксплицитно выражается в прошедшем и в будущем времени. Данный факт приобретает важное значение при записи моделей таких предложений.

1.6.2. Связка «быть» в именных предложениях сопоставляемых языков

Предложения локализации, представляя собой один из важнейших компонентов синтаксической концептосферы языка, в наибольшей степени открыты для обсуждения с различных общетеоретических позиций.

Инвариантная семантическая структура (ИСС) информативно минимальных предложений данного типа включает в себя два актанта, связанных отношением локализации: "субъект – локализация – локализатор"; структурная схема (СС): N – (V) – (p N). В глагольной позиции здесь находятся глаголы локализации предмета (во времени и пространстве).

Известна, однако, и точка зрения, согласно которой в предложениях типа *Он в Москве* – присутствует не полнозначный глагол, а связка.

Проблема интерпретации формы *быть* в структуре предложений различных семантико-структурных типов относится к числу крайне дискуссионных[45,с.11]. Поскольку с выбором того или иного ее решения связано классификационное определение целого ряда конструкций (номинативных предложений с нерасчлененной семантической структурой, вербальных предложений локализации, обладания, бытия и т. д.), необходимо обозначить наше отношение к этой проблеме.

В наиболее обобщенном виде "бытийность" неразрывно связана с самим предизирующим актом мышления, посредством которого отраженная предметная ситуация соотносится говорящим с ситуацией общения.

Как языковое отражение предикативной составляющей денотата любого предложения, такая бытийность в обязательном порядке представлена в предложении предикативными грамматическими категориями.

В предложениях вербального типа эти категории выражаются глаголом одновременно с лексическим значением (т. е. синтетически), а в именных предложениях – специальной связочной формой *быть*, сочетающейся с именной признаковой формой (т.е. аналитически).

Для выражения бытийности как признакового компонента семантической структуры предложения используются предложения с глаголами локализации.

Тем самым понятие бытийности выражается в таких предложениях дважды – не только грамматически (глагольными предикативными категориями), но и лексически (семантикой глагола).

Большая конкретизация и детализация бытия предмета во времени и пространстве достигается в предложениях локализации при использовании темпоральных и пространственных актантов – локализаторов.

Между двумя разновидностями предложений локализации – с имплицитными / эксплицитными локализаторами – существует много переходных случаев, поэтому подчас бывает трудно разграничить предложения локализации, обладания, собственно бытия, характеристики.

Таким образом, во всех "не собственно бытийных" предложениях без локализаторов и локативов квантор существования реализуется только один раз – в виде категорий предикативности – формой глагола (в предложениях глагольного типа: *Дождливо*) или связкой (в номинативных предложениях: *Был дождь*).

В так называемых "бытийных" предложениях типа *Дождь был* категория бытийности выражается уже дважды: грамматической формой глагола (как одним из средств выражения предикации) и лексическим значением этого глагола.

Рассмотрим существующие параллели в сфере предложений локализации.

Субъект локализации обычно выступает в предложении как грамматически определенный, а локализатор, находящийся в постпозиции, может быть:

а) эксплицирован, т. е. представлен как определенный: N – (V) – p N: *Я остановился в гостинице "Золотая долина"*.

б) имплицирован, т. е. представлен как неопределенный (обобщенный): N – V: *Второй тур голосования будет*; вариантом предложения данного типа является русское безличное предложение с отрицанием: *Свободных столиков не было (Д. Гранин)*.

ИСС: локализатор – локализация – субъект; СС: (p N) – V – N. В семантике предложений с локализатором, находящимся в препозиции, в связи с изменением коммуникативной перспективы высказывания типовое значение локализации несколько ослабляется за счет усиления смы

существования (бытийности), имеющейся в синтаксических концептах всех типов.

Локализатор здесь также может выступать в двух категориальных видах:

- а) как определенный;
- б) как неопределенный (обобщенный);

Хотя имплицитность препозитивного локализатора еще более усиливает в выражаемом концепте сему существования, такие предложения не следует ни выделять в отдельный класс так называемых "бытийных" предложений, ни идентифицировать их с безактантными номинативными предложениями, в которых связкой выражена не локализация, а сопровождающая ситуацию предикация.

1.6.3. Заключение

Являясь коммуникативным уровнем языковой системы, синтаксису в русском и уйгурском языкознании отводится особое место. Вместе с тем в уйгуроведении синтаксис остается малоизученным разделом грамматики.

В русистике распространено представление о предложении как о трехаспектной единице: со стороны структуры, содержания и функции. В уйгуроведении простое предложение преимущественно изучается со стороны структуры. Отдельные сведения по семантическому синтаксису и актуальному членению имеются в работах проф. С.Н.Абдуллаева, но они нуждаются в специальных исследованиях.

Именные предложения, в том числе односоставные предложения сравнительно подробно изучены в русской лингвистике. Отличительной особенностью уйгурских именных предложений является последовательное употребление связки при именном предикате.

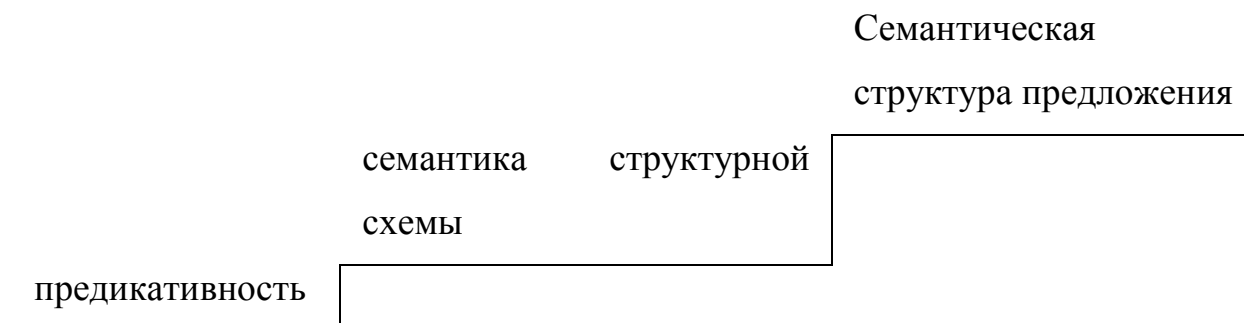
ГЛАВА II. Структура и семантика простого именного предложения в сопоставляемых языках

2.1. Проблема системного описания структуры и семантики простого предложения с именным сказуемым

В современном синтаксисе представлены различные подходы к изучению семантики предложения. Для одних исследователей исходным пунктом описания является формальная организация предложения (Н.Ю.Шведова). Другое направление ориентируется на структуру самого события, на ситуацию как на денотат предложения (Т.П.Ломтев, В.Г.Гак, М.И. Черемисина, С.Н. Абдуллаев и др.). Обращается внимание и на то, как отражается в предложении осмысление мира человеком (Н.Д.Арутюнова). Особое место занимает синтаксическая концепция Г.А.Золотовой, с позиций которой определенное типовое значение характеризует модель предложения.

Остановимся более подробно на различных подходах к изучению смысла предложения.

Понятие значения предложения рассматривается в РГ-80 как иерархически структурированное. Синтаксическая семантика понимается здесь трехступенчато.

Прежде всего структурная схема предложения — отвлеченный образец, по которому строится предложение, — имеет грамматическое значение, общее для всех таких отвлеченных образцов. Это предикативность — значение,

общее для всех структурных схем и Присущее любой структурной схеме. Предикативность понимается в РГ 80 как «категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности»[117,с. 160]. Предикативность объединяет, но не дифференцирует различные структурные схемы и предложения.

Следующей ступенью является семантика структурной схемы. Считается, что структурная схема может быть семантически независима сама по себе: она приспособлена для выражения определенного типового содержания. В частности, схема $N_1 - V_f$ выражает отношение между субъектом и его предикативным признаком (действием или процессуальным состоянием). С одной стороны, структурная схема специализирована на выражении определенного содержания, с другой стороны, не любое содержание может быть передано с помощью той или иной структурной схемы. Наконец, третья ступень синтаксической семантики — семантическая структура предложения, которая формируется в процессе построения по определенной структурной схеме того или иного конкретного предложения. Тем самым в конкретных предложениях конкретизируется семантика структурной схемы $N_1 - V_f$: отношение между субъектом и признаком — действием или процессуальным состоянием. Ср. же: структурная схема N_1 (*Ночь; Тишина*). В формировании семантической структуры предложения принимают участие не только главные члены предложения, но и распространители, особенно детерминанты. Значение предложения не ограничивается только «схемной» семантикой. Например: *У них ссора. У них спор.* В предложениях, построенных на основе структурной схемы N_1 субъектный детерминант *у них* выражает категорию субъекта — одну из основных семантических категорий.

Под семантическими категориями понимаются те единицы значения, которые возникают на основе взаимодействия семантики структурной схемы

и лексических значений слов, входящих в предложение[24,с.82]. Основными семантическими категориями признаются следующие:

- предикативный признак;
- субъект — производитель действия или носитель состояния;
- объект — предмет, на который направлено действие или к которому обращено состояние.

Характеристика семантической структуры предложений, построенных на основе той или иной структурной схемы, включается в РГ-80 в описание всех структурных схем.

2.2. Семантическая структура простого предложения в сопоставляемых языках

Отвлеченный грамматический образец предложения (структурная схема) кроме общего для всех предложений грамматического значения - предикативности имеет, независимо от лексических значений входящих в предложение слов, свою семантику, которая создается формальными значениями компонентов, правилами их лексического наполнения и, в неоднocomпонентных схемах, отношением компонентов друг к другу.

Языковое значение построенного по тому или другому образцу конкретного предложения формируется взаимным действием семантики этого образца и лексической семантики тех слов, которые заняли позиции его компонентов. Так, в двух рядах предложений одной и той же грамматической структуры:

В русском языке

В уйгурском языке

1) *Ученик пишет; Завод работает; Колесо крутится* *Қиз ойनावатиду.-*

Колесо крутится

Девочка играет.

представлено значение: "отношение между субъектом и его конкретным

действием",

2) *Ребенок радуется; Народ Машина тохтимақчи.-*
негодует; Отец сердится Машина остановится

"отношение между субъектом и его эмоциональным состоянием".

Это различие создается лексической семантикой слов. Точно так же в случаях:

В русском языке

В уйгурском языке

1) *Светаёт; Моросит; Вечереет; Таң атмақта; Ямғур сим-сим; Кәч*
Смеркается; За лесом гроыхает *кирмақта;*

наличие бессубъектного процессуального состояния

2) *Знобит; Тошнит; Нездоровится; Қуққум келиватиду; Тавим*
Дремлетя *йоқ; Үгдәк басмақта*

наличие субъектного процессуального состояния

при общей семантике структурной схемы предложения ("наличие действия или процессуального состояния") значения предложений первого и второго рядов различаются: в первом случае это "наличие бессубъектного процессуального состояния" (т. е. состояния, которое представлено как не имеющее своего носителя), во втором случае - "наличие субъектного процессуального состояния" (т. е. состояния, имеющего своего носителя). Это различие также создается лексической семантикой слов.

В формировании значения предложения принимают участие не только его главные члены, но и распространители: сильные присловные распространители, детерминанты, неприсловные формы, распространяющие собою внутренний состав предложения.

Таким образом, языковое значение предложения представляет собою отношение некоторых компонентов смысла, отвлеченных одновременно от значения структурной схемы предложения и от лексических значений тех слов, которые заняли позиции ее компонентов и распространили собою предложение. В предложении формируется новое, более конкретное, чем

семантика его образца, но тоже абстрактное значение, которое далее будет называться семантической структурой предложения.

Семантическая структура предложения - это его абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения.

Единицы значения, формирующиеся на основе взаимного действия синтаксических значений членов предложения и лексических значений слов, называются категориями семантической структуры предложения, или его семантическими компонентами. Эти единицы образуют семантическую структуру предложения. Центральными категориями семантической структуры предложения являются:

- 1) предикативный признак, т. е. признак, выявляющийся в объективно-модальном плане: во времени и в том или ином отношении к действительности; эта категория реализуется как "действие" или "состояние" (понимаемые в самом широком смысле);
- 2) субъект - производитель действия или носитель состояния;
- 3) объект - тот предмет (также в широком смысле), на который направлено действие или к которому обращено состояние.

Компоненты семантической структуры предложения существуют во взаимном отношении друг к другу. Это отношение может устанавливаться внутри предложения или путем сопоставления предложений различного семантического строения.

Существуют элементарные, основные и неэлементарные, неосновные семантические категории и, соответственно, элементарные и неэлементарные семантические структуры предложения. К элементарным семантическим категориям относятся предикативный признак (действие или состояние), субъект и объект, а также следующие диффузные по значению (семантически сложные, нерасчлененные) категории:

1) субъект действия / субъект состояния	<i>У ребят наловлено рыбы</i> (разг.)	<i>Балилар көп белиқ тутти</i>
---	---------------------------------------	--------------------------------

в предложении распространяющая словоформа *у ребят* обозначает одновременно субъект действующий и субъект обладающий: ('ребята наловили рыбы') и ('ребята имеют рыбу'), ('у ребят есть рыба');

2) субъект состояния / объект действия	<i>Клуб построен студентами</i>	<i>Клуб студентлар тәрипидин селинган</i>
--	---------------------------------	---

в предложении подлежащее *клуб* обозначает одновременно объект действия и субъект того состояния, которое вызвано этим действием;

3) субъектно-обстоятельственные квалификаторы	<i>1. В его душе страх; 2. В младенчестве нужна лишь мать</i> (Татьян.)	<i>1. Көңлидә қорқунуч; 2. Балилиқта анила керәк;</i>
---	--	---

в 1 предложении сочетание *в его душе* одновременно заключает в себе значения обстоятельственное ('где', 'в чем') и субъектное, устанавливаемое на основе семантического взаимодействия с формами *у него, он* (*у него страх, он в страхе*); во 2 предложении в распространяющей словоформе *в младенчестве* одновременно заключены значения обстоятельственное ('когда', 'в какое время') и субъектное, устанавливаемое на основе семантического взаимодействия с формами *младенцу, для младенца* (*младенцу / для младенца нужна лишь мать*);

4) объектно-обстоятельственные квалификаторы;	<i>В семью дано знать о случившемся</i>	<i>Алигә вақиә һәққидә малумат берилди;</i>
---	---	---

в предложении в словоформе *в семью* одновременно заключены значения обстоятельственное ('куда') и объектное ('семье дано знать о случившемся').

К неэлементарным семантическим категориям относятся все семантические компоненты с разнообразными определительными

(собственно определительными и обстоятельственно-определительными) значениями.

Соответственно структуры, не включающие в свой состав неэлементарных семантических компонентов, можно называть элементарными, простейшими семантическими структурами, а структуры, включающие в свой состав неэлементарные семантические компоненты, - неэлементарными, расширенными семантическими структурами.

Формальное членение предложения на главные и распространяющие члены и членение того же предложения на семантические компоненты могут совпадать или не совпадать друг с другом. Подобные несовпадения грамматического и семантического строения предложения столь же нормальны, как и случаи совпадения такого строения.

Категория предикативного признака (действия или состояния), т. е. признака, отнесенного в тот или иной временной план, всегда заключена в компоненте структурной схемы предложения: в одном из главных членов двухкомпонентного предложения или в главном члене предложения однокомпонентного. Это - центральная семантическая категория: она присутствует в семантической структуре любого предложения. Внутри предикативного признака основное противопоставление осуществляется на основании его отнесенности или неотнесенности к субъекту. Признак, имеющий своего носителя, исходящий от него, ему принадлежащий или в нем открываемый, ему приписываемый, является признаком субъектным:

В русском языке	В уйгурском языке
<i>Поезд идет; Ночь кончилась; Сын - отличник; Он умен; Дочь пошла в учительницы; Больному плохо; У него жар; Ребенку хочется играть.</i>	<i>Поезд маңмақта; Тун өтти; Оғул – элачи; У – ақиллиқ; Қиз муаллимә болди; Кесал егир; У иссиватиду; Болиниң ойниәуси бар;</i>

Признак, не имеющий своего носителя, ни от кого не исходящий и никому не приписываемый, т. е. представляемый языком как существующий сам по себе, является признаком бессубъектным:

В русском языке	В уйгурском языке
<i>Морозно; Светает; Случается по-всякому.</i>	<i>Сог; Таң атмақта; Һәр қандақ болиду;</i>

Как тот, так и другой признак может быть представлен как процессуальный, т. е. как действие или процессуальное состояние (*Ученик пишет; Стучат; Лихорадит; Со свечки капают*) или как непроцессуальное состояние (*Мороз; Морозно; Ни звука; Тишина; Отсюда видно горы; Больному плохо*). Эти значения имеют свои внутренние дифференциации.

Наиболее расчлененным и богатым частными значениями является признак субъектный.

Наиболее дифференцированно и полно все такие значения представлены в подлежащно-сказуемых предложениях - глагольных и именных.

Категория субъекта – это, как известно, категория носителя предикативного признака: производителя действия или носителя состояния. Соответственно выделяются, во-первых, два самых общих значения: субъект действия, активной деятельности и субъект недейтельного, неактивного состояния. Далее семантическая классификация субъектов целиком опирается на семантическую классификацию предикативных признаков - действий и состояний, например: субъект конкретного физического действия, субъект речевого акта, субъект существования, субъект внутреннего состояния, субъект обладающий и т. д.

Субъект в русском и уйгурском языках может быть или определенным, конкретно обозначенным (*Геологи вернулись; Автобус кечикмәкта*) или неопределенным, не обозначенным конкретно ('кто-то', 'некто', 'что-то', 'нечто') (*бирәв', 'алликин', 'аалинәрсә'*).

В отличие от значения предикативного признака, всегда заключенного в главном члене предложения, субъект имеет более широкие и разнообразные средства своего выражения.

В русском языке

В уйгурском языке

1.) В нераспространенных подлежащно-сказуемостных предложениях субъект выражается подлежащим:

Город растет; Поезд остановился; Кто-то стучит; Ребенок весел; Труд - это необходимость; Здание - из стекла и бетона; Комната - на двоих; Остаться здесь - нелепость; Основное лечение - это покой.

Шәһәр өсмәктә; Поезд тохтиди; Бирәв тақилдатмақта; Пәрзәнт хошал; Әмгәк – лазимийәт; Бина әйнәк вә бстондин; Бөлмә икки адәмлик; Бу йәрдә қалмақ натоғра; Асасий дава –жिम-житлик;

2.) В не подлежащно-сказуемостных двукомпонентных предложениях субъект выражается главным членом с предметным значением:

Известий нет; Писем не приходило; Не минуло и году; Помощи не нужно; Народу много; Этих сведений недостаточно в этом день.

Хәвәр йоқ; Хәтләр кәлмиди; Бир жылму өтмиди; Ярдәмниң Һажити йоқ; Адәм әжиқ; Бу малуматлар йетәрлик әмәс;

3) В некоторых однокомпонентных предложениях и в предложениях с отрицанием значение субъекта заключено в том же члене, которым выражен предикативный признак, т.е. эти два значения выражаются нерасчлененно. Это более типично для русского языка в отличие от современного уйгурского:

Шумят (кто-то шумит); Дождь; Ветер; Гром (идет дождь, дует ветер), (гремит гром);

Бирәвләр шавқунлимақта; Ямгур; Шамал; Гүлдүрмома; Бирму қатнаш йоқ;

Никакого движения (‘полностью отсутствует всякое движение’).

4) В однокомпонентных предложениях, чаще в русском языке, спрягаемого глагольного класса при их распространении (высокорегулярном) субъект выражается сильноуправляемой падежной формой:

<i>Больного лихорадит; Меня знобит;</i>	<i>Кесәл титримәктә (номинатив);</i>
<i>Им овладело беспокойство; Людей постигла беда.</i>	<i>Мени музлитиватиду; У беарам болмақта; Адәмләргә мусибәт йәтти.</i>

5) В предложениях разной структуры субъект нормально выражается детерминантом

<i>(Ребенку весело; Детям холодно; Мне некогда разговаривать; Вам приходится подчиниться; Тебе идти первому; Ему/у него не с кем поговорить; Больному хуже; У соседей/между соседями обо всем договорено; - Что с тобой нынче? - Со мной? Со мной счастье! - сказал Левин, опуская окно кареты (Л. Толст.; ‘я счастлив’); Дарья шла к ближней верхней проточке... и шлось ей на удивление легко (Расп.).</i>	<i>Пәрзәнт хошал; Балиларга сог болуватиду; Маңа сөзләшкәли вақит йоқ; Сизгә бойсунғили тоғра келиду; Саңа биринчи болуп маңғили; Униң сөзлишидиган адими йоқ; Кесәлгә егиррақ болди; Хошниләр ара барли сөз ейтилган; - Саңа немә болди? – Маңиму? Маңа бәхт тәғди! - деди Левин Һарву деризисани йетип.</i>
--	---

б) В пассивных и некоторых других конструкциях субъект действия выражается специально им принадлежащим распространителем - формой тв. п. со значением деятеля:

<i>Врачами запрещается курить;</i>	<i>Тевипларга тамака чәккили</i>
<i>Учеными производятся опыты;</i>	<i>болмайду; Алимлар тәжрибә</i>

<i>Строителями перевыполнен план; Лодку перевернуло волной.</i>	<i>қилиду; Курулушчилар тәрипидин план атқурулди; Кемә долқун билән ағдурулди.</i>
---	--

7) В однокомпонентных предложениях именного класса, сообщающих о конкретном действии или состоянии, субъект может быть выражен примыкающей словоформой:

<i>Ссора между друзьями; Гудок автомобиля.</i>	<i>Агиниләр ара әседәл; Автомобилниң гудоги.</i>
--	--

Значение субъекта не безразлично к той форме, в которой оно заключено. Так, среди приведенных выше примеров как в русском, так и уйгурском субъект без каких-либо семантических осложнений выражен формами им., род. и дат. п. без предлога, тв. п. одушевл. существительного.

Для многих предложений, сообщающих о состоянии лица, распространение формой с субъектным значением является настолько регулярным, что создается представление, будто бы такие предложения вообще не могут существовать без субъектного распространителя, т. е. что субъектный распространитель здесь входит в структурную схему предложения. Например:

В русском языке	В уйгурском языке
<i>С женщиной истерика; У него юмор, доброта, хороший вкус; Что мне делать без тебя?; Ему потребовалось уехать; Позор изменнику!; Сегодня нам не танцуется.</i>	<i>Аялда әсәбийлик; Униңда юмор, меһриванлик, яхши дит; Сениңсиз немә қилғулуқ? Униңга кәткили тогра кәлди; Сатқунга уят; Бүгүн уссул ойналмайду.</i>

Категория объекта присутствует в тех предложениях, в которых признак предстает как конкретное действие, деятельность, мыслительная, эмоциональная или волевая активность или как чье-л. отношение к кому-чему-л. Объект - это то (тот предмет, одушевленный или неодушевленный),

на что непосредственно направлено действие, деятельность, к чему непосредственно обращено чье-л. отношение. При этом в объекте чье-л. отношения часто бывает одновременно заключено и значение того, кем это отношение вызвано, стимулировано:

<p><i>Учитель сердит на ученика;</i> <i>Ребенок радуется игрушке (ср.: ученик рассердил учителя, игрушка радуется ребенка).</i></p>	<p><i>Муаллим шагиртқа аччиқланмақта</i> <i>Бала оюнчуққа хошал;</i></p>
--	---

Значение объекта может конкретизироваться как объект физического действия (*Сосед ремонтирует машину*), речи (*Мы говорим о деле; Не стоит спорить о пустяках*), мысли (*Мать думает о детях*), восприятия (*Я вижу горы*), удаления или приближения (*Поезд отходит от станции; Придется дойти до клуба*), адресат (*Брат дарит книгу сестре; Я пишу письмо другу*), предмет эмоционального отношения (*Отец любит сына; В школе недовольны учеником*).

Рассмотрим возможности выражения объекта:

В русском языке

В уйгурском языке

1) присловной падежной формой:

<p><i>Юноша мечтает о путешествиях;</i> <i>Помощи тебе ждать неоткуда;</i> <i>Лгуну должно быть стыдно перед товарищами;</i> <i>Главное - не слушать болтунов;</i></p>	<p><i>Жигит сәпәр Һәққидә хиялланмақта;</i> <i>Ярдәмни күтидиган йәр йоқ;</i> <i>Ялғанчига агинилір алдида уят болуш керәк;</i> <i>Әң муһини – сөзмәнләрни ухмаслиқ;</i></p>
---	---

2) детерминантом:

<p><i>О зимовщиках - ничего нового;</i> <i>С цветами у садовода много забот;</i> <i>С премией придется поременить;</i></p>	<p><i>Қишлактикиләр Һәққидә йеңилиқ йоқ;</i> <i>Бағвәнниң гүлләр билән геми көп;</i> <i>Премияни күттили тоғра келиду;</i></p>
--	--

3) в некоторых предложениях, распространенных формой с субъектным значением и сообщающих об обладании или отношении, - подлежащим или другим именным компонентом схемы:

<p><i>У меня есть книга (я имею книгу);</i> <i>У меня нет книги (я не имею книги);</i> <i>Мне нравится картина (объект</i></p>	<p><i>Мениң китавим бар;</i> <i>Мениң китавим йоқ;</i> <i>Маңа сүрәт яқиду;</i></p>
--	---

эмоционального отношения);
4) в некоторых однокомпонентных предложениях именного класса - самим главным членом предложения:
Чаю!; *Хлеба и зрелищ!* (объект | *Чайни! Нан билэн оюнни!*
требуемый).

В предложении может присутствовать не один, а два объекта или более: *Брат подарил сестре куклу; Друг известил меня о приезде; К нам стучат в дверь.* Ср. в уйг. *Акам мени китап Гәққидә хәвәрдар қилди.*

В языке существуют элементарные семантические категории, в которых объединены значения:

- 1) субъекта состояния и субъекта действия;
- 2) субъекта и объекта;
- 3) субъекта и обстоятельственного определителя (квалификатора);
- 4) объекта и обстоятельственного определителя (квалификатора).

В двух последних случаях обстоятельственное значение определяется грамматической формой, а субъектное или объектное значение - лексической семантикой слов и соотношениями с такими предложениями, где эти значения выражены специальными средствами. Все эти сложные, семантически диффузные компоненты участвуют в формировании элементарной семантической структуры предложения.

В таких принадлежащих непринужденной, разговорной речи предложениях, как

У ребят наловлено рыбы;

У хозяйки наготовлено угощения;

У нас договорено о поездке;

У солдат получено обмундирование;

В уйгурском языке эквиваленты рассмотренных предложений субъекта выражаются в форме номинатива, а семантическая структура предложения отличается относительной упрощенностью:

Балилар көп белиқ тутушти;

Хеним көп тамақ тәйярлиди;

Биз сәпәр һаққидә сөзләштүк;

Әсқарлар йеңи кийим елишти.

Категория субъекта состояния/объекта действия совмещает в себе значения объекта действия и субъекта того состояния, которое является результатом этого действия. Это значение обнаруживается в предложениях, в которых действующий субъект или не представлен, или представлен формой косвенного падежа, а форма с объектным значением вынесена в субъектную позицию, т. е. в абсолютное начало.

Субъектно-пространственные квалификаторы делятся на две большие группы:

- 1) квалификаторы, называющие место, сферу, которые могут представлять субъект, с которыми субъект так или иначе идентифицируется;
- 2) квалификаторы, в форме пространственного определителя называющие либо непосредственно сам субъект, либо нечто от него неотторжимое: часть его тела, его мыслительную, речевую деятельность, его ум, память, эмоции, манеру, тон, взгляд.

Субъектно-пространственные квалификаторы разной грамматической организации в большинстве случаев распределены по разным типам предложения и далее - между предложениями той или иной семантической структуры.

Категория субъектно-временного квалификатора формируется детерминантами, совмещающими в себе значения временного (или условно-временного) определителя со знач. субъекта либо его главенствующей (в данном сообщении) характеристики.

Разными отношениями элементарных семантических категорий друг к другу в составе предложения организуются разные относительно замкнутые минимальные виды (системы) таких отношений - элементарные семантические структуры предложения. Они рассматриваются в

специальных параграфах при анализе предложений разных грамматических типов.

Наряду с элементарными семантическими категориями, конструирующими элементарные семантические структуры, в предложении обычно бывают представлены такие семантические компоненты, которые расширяют собою элементарную семантическую структуру предложения. Сюда относится широкий круг разнообразных квалификаторов с неосложненными собственно определительными и обстоятельственно-определительными значениями. Эти квалификаторы не выражаются ни главными членами предложения, ни сильными (на уровне присловных связей) распространителями, ни детерминантами с субъектными, объектными, субъектно-обстоятельственными или объектно-обстоятельственными значениями.

Средства выражения квалификаторов следующие:

В русском языке	В уйгурском языке
Согласуемые и несогласуемые присловные формы с собственно определительными значениями:	

1) *Почтамт была низкая, со сводами комната* (Л. Толст.); *И перья страуса склоненные* В моем качаются мозгу (Блок); *Он любил щеголять цитатами из Шопенгауэра, которого он не читал* (Кавер.); *Я привыкла видеть на его письменном столе ваш портрет кавалергардом* (А. Игнатьев); *Дано мне тело - что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?* (Мандельшт.).

Почтихана төвән ян түврүклүк бөлмә еди; Тавусниң егилгән пәйлири мейәмдә чайқалмақта; Өзи оқумиған Шопенгауэрға ишарә қилишни яхиши көрәтти. Сизниң кавалергард сүритиңизни униң йезиши үстилидә көрүшкә адәтләнгән едим; Маңа бәдән берилгән – униң билән немә қилгулуқ? У шу қәдәр бир пүтүн вә шу қәдәр мениң?

2) По-разному распространяющие внутренний состав предложения словоформы с определительными значениями:

Достигнуть до предмета моей любви было одно средство: сделаться хорошим актером (Акс.); *Дубков и Нехлюдов, в шинелях и шляпах, вошли в комнату*

Сөйгүмниң суәтисигә йетишниң бир васитиси бар еди: у болсиму яхиши актер болуш. Бөлмигә Дубков билән Нехлюдов, шинель вә шляпа кийгән пети киришти. Моня чирақни

(Л. Толст.); *В ее груди птицею пела радость* (Горьк.); *Моня повесил фонарь повыше, сел на чурбак рядом с колесом, закурил* (Шукш.) | *егизирәк есип, чақ йенидики көтәккә өлтирип, тамака көйгүзди.*

3) Детерминанты с разными обстоятельственными значениями:

Это - барский дом, и я в нем гувернером (Пастерн.); *В небе моего Вифлеема никаких не горело знаков* (Маяк.); *Тот год было очень холодно* (Шкл.); *Под ветром осени сквозным* | *Бу байниң ойи, мәнзә униңда гувернер. Мениң Вифлеемниң асминидә һеч бир бәлгү көймигән. Шу жили наһайити соғуқ еди. Күзлүк шамал астида мән хошал едим Ленинниң әлчиси болуп едим Ленинниң әлчиси болуп Смольнийда ишлигили.*

Мне было бы довольно работать ленинским связным в послеоктябрьском Смольном (Смел.).

4) Союзные введения, заключающие в себе определительные и обстоятельственные значения:

Обед, хотя наскоро сготовленный, вышел очень хороший, даже обильный (Тург.); *Как поэт, не доживший до первого сборника, Как мальчишка, еще не вышедший в люди, Он любил повторять: "Полюбите нас черненькими..."* (Ошанин.) | *Тез арида тәйярланған чүшлүк тамақ яхиши, Һәтта мол болуп чиқти. Дәсләпки топламға йәтмигән шаир сүпитидә, Адәм болмиған яш бала сүпитидә у «Бизни қара петичә яхиши көрүңлар» дегәнни тәқрарлашни яхиши корәтти.*

5) Обособленные слова и группы слов - причастные и деепричастные обороты с собственно определительными и обстоятельственно-определительными значениями:

Всем стало жалко, глядя на бедного, и у всех умягчились сердца (Дост.); *Вот идет верблюд, колыхаем / барханами песен плачевных* (Асеев); *А оказывается - прежде чем начнет петься, Долго ходят, разомлев от брожения* (Маяк.) | *Гадайға қарап Һәмминиң көңүллири ечишти. Мана барханларниң мәйүс нахшисидин чайқалған төгә кәлмәктә. Корсә, нахша ейтиштин бурун, [улар]узаққичә у ян-бу ян меңишидекән.*

Простейшие семантические структуры, расширенные путем введения разнообразных определителей, преобразуются в неэлементарные семантические структуры. Возможности такого расширения и возникающие при этом комбинации элементарных и неэлементарных семантических

категорий регулируются правилами связей слов, внутреннего распространения предложения и его обстоятельственной детерминации.

При образовании разных семантических компонентов разные члены предложения обнаруживают неодинаковые свойства. С этой точки зрения отдельно должны быть рассмотрены:

- 1) главные члены предложения;
- 2) распространяющие члены - словоформы с сильными присловными связями;
- 3) детерминанты с обстоятельственными и несобственно обстоятельственными значениями;
- 4) распространяющие члены - словоформы со слабыми присловными связями и детерминанты с обстоятельственными значениями.

Главный член предложения всегда включает в себе тот или иной элементарный семантический компонент (или компоненты). В зависимости от грамматического строения предложения и от значения самой формы слова, а также от лексического значения слова, главный член предложения может:

а) формировать один семантический компонент или б) сосредоточивать в себе одновременно два семантических компонента.

а) В подлежащно-сказуемых предложениях подлежащее несет в себе значение субъекта, а сказуемое - значение действия или состояния:

В русском языке	В уйгурском языке
<i>Завод работает;</i>	<i>Завод ишлэватиду;</i>
<i>Гром гремит;</i>	<i>Гүлдүрмома гүлдүрлэватиду;</i>
<i>Человек мыслит;</i>	<i>Адам пикир жүргүзүватиду;</i>
<i>Отец - рабочий;</i>	<i>Ата – ишчи;</i>
<i>Мать дома;</i>	<i>Ана өйдә;</i>
<i>Учиться - наша задача;</i>	<i>Оқуш- бизниң вәзипимиз;</i>
<i>Отдыхать приятно.</i>	<i>Дәм елиш көңүллүк.</i>

Сильные присловные распространители играют важную роль в образовании элементарных компонентов семантической структуры

предложения. Этими распространителями могут формироваться следующие значения.

В русском языке

В уйгурском языке

1) Значение объекта:

Мальчик читает книгу; Мать подарила дочке куклу; Поговаривают о ревизии; Ученик благодарен учителю; Пора начать работать с подростками; Комсомольцы хотят организовать кружок; Снова неприятности, вызов отца в школу; Вечером было прослушивание записей, споры.

Оғул китап оқумақта; Аниси қизига қочақни Һәдийә қилди; Ревизия Һәққидә параң бар; Шағирт муәллимгә миннәтдар; Өсмүрләр билән ишләшкә вақт болди; Комсомолецлар өмәк уюштукмақчи; Йәнә көңүлсизликләр, атини мәктәпкә чақиритти; Кәчқурунлуғи йезилғанни тиңшаш болди, бәхәсләр.

2) Значение субъекта:

Мальчика зовут Вася; Больного охватила тоска; Ее в самолете укачивает.

Балиниң ети Вася/Балини Вася дәйду; Кесәлни мәйүслүк басти; Уни самолетта чайқаш басиду.

3) Значение объекта действия/субъекта состояния как результата этого действия:

Сарай зажгло молнией; Больному врачом запрещено курить; Командира убило.

*Сарайни чақмақ көйгүзди; Кесәлгә дохтур тамака чекшини **мәнвий** қилди; Командирни өлтүрушти;*

4) При информативном восполнении сильные присловные распространители формируют вместе с распространяемым словом - глаголом, именем или предикативом - значение предикативного признака - действия или состояния (а), либо, реже, субъекта (б):

а) *Сын пошел в рабочие; Дом находится за городом; Старик слышет колдуном/за колдуна; Деревня называется "Выселки"; Помочь товарищу для нас не составит труда; Бригада числится передовой/в передовых; Этот парень мастак на выдумки; б) Пойти в рабочие - почетно; Слыть колдуном/за колдуна - не особенно приятно.*

Оғул ишчи болди; Өй шәҺәрниң четидә жәйлашқан; Бовайни жәодигәр дәйду; Йеза «Выселки» дәп атилиду; Йолдашқа ярдәм бериш биз үчүн тәс әмәс; Бригада алдиңқилардин Һесаплиниду; Бу жигит ойдурма чиқаришқа уста; Ишчи болуш – пәқирлик; Жәодигәр дәп атимиш анчә көңүллүк әмәс.

Детерминанты с обстоятельственными и несобственно обстоятельственными значениями несут в себе значения:

В русском языке

В уйгурском языке

а) субъектное:

У мальчика грипп; У бабушки болит

Балида грипп; Момайниң беши

<p>голова; <i>Детям весело; У учителя много забот; Для матери/у матери все дети равны;</i></p>	<p><i>аэриватиду; Балилар хошал; Муэллимниң геми көп; Ана үчүн барлиқ бала охшаи.</i></p>
--	---

б) объектное:

<p><i>С детьми много забот; Насчет поездки/с поездкой - ничего определенного;</i></p>	<p><i>Балилар билән гәм көп; Сәпәр тоғрилиқ ениқ учур йоқ.</i></p>
---	--

в) субъектно-обстоятельственные:

<p><i>В публике волнение; На сердце тоска; В бригадирах трудно; В двадцать лет не думают о старости;</i></p>	<p><i>Жамаәттә тәшвиш; Көңүлдә мәйүслүк; Бригадир болуш тәс; Жигирмә яшта қерилиқни ойлимайду.</i></p>
--	--

г) объектно-обстоятельственные:

<p><i>Подростку наскучило на даче.</i></p>	<p><i>Өсмүргә дачида көңүлсүз болди.</i></p>
--	--

Слабые присловные распространители и необязательные (факультативные) неприсловные распространители заключают в себе значения разнообразных квалификаторов. Кроме того, слабыми присловными распространителями в некоторых типах предложений может выражаться субъектное значение: *Опять ссора, слезы матери.- Йәнә жәдәл,аниниң көз йеши.*

Наблюдения показали, что один и тот же семантический компонент в предложении может формироваться разными средствами, которые оказываются синонимическими. На такой синонимии основаны все формально-семантические соотношения предложений разной грамматической структуры. Такая синонимия не есть идентичность языковых значений: грамматическая форма всегда и обязательно вносит в семантический компонент элемент своего собственного значения.

Таким образом, идентичность информации у разных предложений не равна их языковому совпадению. Как и всякая языковая единица, семантическая структура предложения в языке функционирует, т. е. так или иначе ведет себя в разных условиях речи. Описанные элементарные семантические категории и проиллюстрированы элементарные семантические структуры применительно к исходным формам

предложений. Однако в конкретных условиях общения семантическая структура предложения способна видоизменяться и наращивать смысл.

Семантическая структура предложения не безразлична к формам предложения: она активно взаимодействует с их значениями, а также с модификациями временных значений синтаксического индикатива.

Поскольку элементарные семантические компоненты формируются с непосредственным участием лексической семантики слов, постольку разные лексические значения слова могут разводить одно и то же предложение по разным семантическим классам.

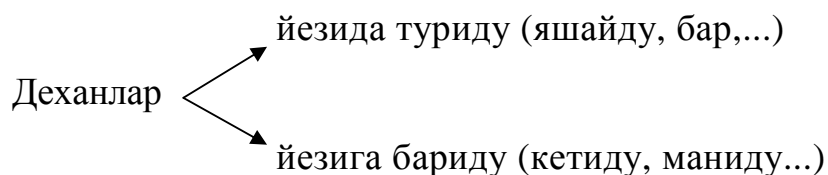
Таким образом, изложенная в настоящем параграфе классификация семантических категорий и образующихся с их участием элементарных семантических структур дает общее представление лишь о тех исходных основаниях, на которых базируются разнообразные семантические модификации предложения, связанные с его грамматическими видоизменениями, с лексическими значениями слов, а также с конкретными условиями языкового общения. С конкретными структурными схемами в рамках модели предложения соотносятся пропозиции как обобщенные мыслительные образцы.

2.3. Инвариантные признаки предложения как единицы языка в сопоставляемых языках

Модель простого предложения мы, вслед за С.Н.Абдуллаевым [1,с. 98], представляем себе как двустороннюю языковую единицу, имеющую знаковую природу. Означающее модели мы называем структурной схемой. Ее вершиной является сказуемое. Означаемым модели выступает семантическая структура предложения, находящаяся в диалектической связи с конкретными пропозициями. Организующий центр семантической

структуры предложения — предикат, имеющий при себе то или иное количество аргументов.

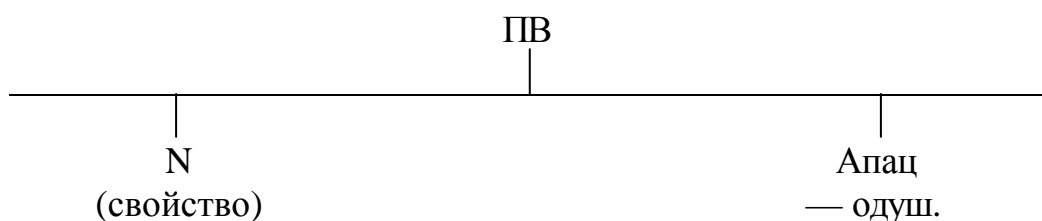
В работе в процессе моделирования структуры простого предложения за исходный момент принимается синтаксическая валентность сказуемого, открывающая ячейки-места для необходимых членов предложения. Облигаторные из их составляют структурную схему предложения. Поэтому сказуемое является важнейшим членом предложения. Некоторые авторы вообще считают сказуемое не членом предложения как таковым, а отношением, именем отношения, которое содержит звенья— компоненты структуры предложения [89,с.202]. Форма и количество облигаторных компонентов предложения, безусловно, определяются сказуемым. Это важное в контексте нашей работы теоретическое положение, которое нельзя не учитывать при моделировании структуры предложения. Но, с другой стороны, анализ отдельных закономерностей речепорождения на примере уйгурского языка, как отмечает проф. С.Н.Абдуллаев, позволяет отметить и обратную картину, заключающуюся в том, что не только сказуемое открывает места для той или иной формы других компонентов предложения, но и формы облигаторных компонентов при речепорождении окончательно «вытаскивают» тот или иной конечный компонент предложения — его сказуемое (ср. понятие центростремительной валентности). Обратимся к следующей паре высказываний:

Так как конструирование предложения — высказывания начинается с его начала, не с конца, то сказуемого как такового в готовом виде еще нет; выбор структурно-семантической модели предложения, лексические вхождения в нее все эти процессы протекают почти одновременно. Поэтому если после компонента — подлежащего **Деханлар** пойдет форма локатива

йезида, то в финальной части высказывания уже окончательное «утверждение в должности» (ср. уподобление сказуемого «начальнику» предложения по принципу «власти» у Н. Д. Арутюновой[21,с.332] получает сказуемое местопребывания, наличия, отсутствия (Крестьяне проживают в селе); если же после компонента **Деханлар** пойдет форма в дательном-направительном падеже **йезига**, то в исходе предложения мы будем вынужденно иметь не сказуемое местопребывания, а сказуемое другого разряда, например, движения (Крестьяне отправятся в село). Таким образом, структурная схема предложения представляет собой цельный иерархически взаимосвязанный сгусток облигаторно необходимых компонентов предложения.

Семантическая структура предложения согласно устоявшимся в уйгурведении теоретическим представлениям состоит из семантических компонентов: предиката, субъекта, объекта, конкретизатора, атрибута. Это не простой набор семантических компонентов, а их иерархически организованный синтез, определяемый нами в качестве общей семантики модели. Отдельные авторы, например У. Чейф, при описании семантической организации предложения, предикатных выражений обращаются к семному представлению непредикатных компонентов семантической структуры. При этом, как нам кажется, анализ начинает больше проводиться над высказыванием, а не над моделью предложения. При таком подходе уйгурское предложение типа *Жәңчи көп — Бойцов много*, которое построено по структурно-семантической модели: Сколич Пколич (И, — П) семантически может быть проанализировано при применении семного анализа следующим образом:

камчил

+нариц
—человеч.
+числ.
—един.
+ артефакт
.....

Но в других реализациях модели место подлежащего могут (заполнять существительные, имеющие сему (одушевл.), например: **Китап аз.— книг мало** или существительные, Имеющие сему (+человеч.), например: **Шагиртлар тола.— Учащихся много.** Следовательно, нужно большее обобщение, поднимающееся до уровня модели предложений, а не уровня его речевой реализации. В настоящей работе не содержится подобный анализ семантических компонентов. Нашей задачей являлось соотнесение конкретных семантических структур (пропозиций) с конкретными структурными схемами в рамках отдельных моделей простого предложений с целью составления конкретного инвентаря структурно-семантических моделей предложений.

Простое предложение - многоаспектная единица. Теоретическое описание простого предложений, на наш взгляд, должно опираться на фундаментальное представление о нем как о двусторонней сущностной единице, имеющей свою форму и содержание.

Это делается с целью оттенить регулярно реализующиеся в речи структурно-семантические модели простого предложения и полнее представить круг синтаксических объектов, входящих в сферу простого предложения, а также объемнее отразить общее видение синтаксического строя уйгурского языка.

Большое достижение русской синтаксической науки, оказавшее влияние и на уйгуроведение, прошлого составляет учение о сказуемом. В основе его лежит представление, о том, что сказуемое – член предложения, обладающий двумя признаками: во-первых, это носитель предикативности,

ее выразитель, во-вторых, это член предложения, связанный с подлежащим, согласующийся с ним.

Наблюдения над тем, как в разных предложениях сказуемое выражает предикативные категории, привели к развернутому учению о типах сказуемого, которое больше чем какой-либо иной отдел традиционной синтаксической теории подготовило материал для реализации идеи создания списка структурных схем предложения применительно к двусоставному предложению.

В истории науки выдвинуто два принципа выделения типов сказуемого:

- 1) по морфологической природе,
- 2) по составу.

На основании первого принципа различают глагольное и именное сказуемое, а внутри последнего сказуемое, выраженное существительным, прилагательным, наречием. На основании второго принципа различают простое и составное сказуемое. Эти деления, основанные на различных принципах, пересекаются: глагольное сказуемое может быть простым и составным (обычно непростое глагольное сказуемое называют, в отличие от именного, не составным, а сложным) (ср.: *Целую неделю лили дожди. Вода в реке начала прибывать. Она может затопить близкие улицы*) именное же сказуемое всегда составное.

Именное сказуемое в традиционном понимании всегда составное, даже тогда, когда оно реально представлено одной словоформой: *Тиха украинская ночь. Прозрачно небо (П.)*. В составном сказуемом – два компонента; **связка**, назначение которой состоит в выражении предикативных категории модальности и времени, и **присвязочная часть**, выражающая основное вещественное содержание именного сказуемого. Ср. в уйгурском:

Украина қечиси теч. Асман туп-тунук.

Наука о русском языке подробно разработала учение о связке. Особенность русской синтаксической традиции состоит в широком понимании связки: во-первых, связкой называют слово **быть**, все значение которого исчерпывается указанием на модальность и время; во – вторых, связками называют глаголы с более или менее ослабленным и видоизмененным значением, которое не только выражают предикативные категории, но и вносят существенный вклад в вещественное содержание сказуемого, ср.: *Он был веселым – Он стал (казался) веселым – Он вернулся веселым*. Связка первого типа – отвлеченная (*быть*) – представляет собой формант, служебное слово, имеющее грамматические формы наклонения и времени, подобно глаголу, но не являющееся глаголом, так как оно не обозначает никакого процессуального признака (действия).

От связки **быть** следует отличать глагол *быть*, имеющий два значения:

- 1) наличествовать, находиться (*Мы были в кино; Да, были люди в наше время* (Л),)
- 2) иметься (*У брата была лодка*).

Связки второго типа делятся на полузнаменательные и знаменательные. Полузнаменательные связки вносят в именное сказуемое значение появления признака: *стать*(становиться, сделать / делаться, - его сохранения; *остаться / оставаться*, - внешнего обнаружения: *казаться / показаться, оказаться/ оказываться* его приписанности носителю извне: *слыть/ прослыть, считаться, зваться*; ср.: *Он был добряк – Он стал добряком – Он остался добряком. – Он казался добряком. – Он слыл добряком*.

2.4. Именное сказуемое в сопоставляемых языках : типы и значения

Объектом наших исследований является элементарное простое предложение, основная единица языка, минимальная двусторонняя знаковая единица, знак синтаксического уровня. Отображением этих знаков в научном описании являются модели [9,с.48].

В контексте проводимого исследования, мы постулируем системность общего множества моделей элементарных простых предложений (ЭПП), подобно тому, как в лингвистике постулируется системный характер лексики каждого языка. На основании нескольких фундаментальных признаков общая система моделей членится на подсистемы. Важнейшим признаком, который делит ее на две подсистемы, является тип сказуемого – глагольный или именной. Соответственно этому взаимно противопоставляются ЭПП глагольного и именного типа[87,с.79-80].

Структурная схема “сопряжена” с обобщенной пропозицией, которая определяется, прежде всего, обобщенной семантикой данного класса предикатов; эта семантика, с одной стороны, предопределяет “предметное окружение”, с другой – сама определяется им. Пропозиция, для нас, это модель называемой предложением ситуации. Представляя план содержания модели, мы использовали местоимения в соответствующих грамматических формах для отображения именных компонентов (актантов), а глагольный предикат модели представляли глаголом наиболее общей семантики, характеризующей данную модель.

По мере того как в центр внимания все больше входили предложения, представляющие вторую крупную подсистему, – разнообразные предложения с именным сказуемым, – становилось видно, что их природа в целом ряде отношений существенно иная, принципиально отличная от глагольной.

Глагол с его системой валентностей, как индивидуальной, так и типовой, является “хозяйном” предложения, “распределителем кредитом”, предопределяющим форму актантов и их роли в предложении. Но именное сказуемое, в принципе всегда составное, состоит из связки, которая, в сущности, лишена валентностей, и из “присвязочного имени”. Присвязочное имя, существительное или прилагательное, в двусоставном предложении непосредственно “направлено” на подлежащее, например: **уйгур**.

Сенин етин аргимақ екэн(Т.Юнус) – Твоя лошадь, оказывается, аргамак;
Балилири ишлэмчан(Қ.Хелил). – Его дети трудолюбивы.

В односоставном предложении направленность иная, – на имя в косвенном, дательном падеже или в местном в тюркских языках, а в русском его функциональными аналогами, падежно-предложными формами, например: Нам очень хорошо; В моем доме тепло. Оно в принципе может и не иметь валентностей, требующих обязательного замещения.

Термин “актант” применительно к первому имени представляется нам сомнительным, тем более, что одно и то же присвязочное имя нередко допускает разные типы первого компонента, формируя разные модели (*Тамақ соғ / Маңа соғ / Бу йәрдә соғ* – Еда холодная / Мне холодно / Здесь холодно). В именном предложении, как показывает анализ фактического материала, прилагательное в синтаксической функции определения в определенных типах конструкций является обязательным компонентом. Вопрос о том, когда именно этот компонент обязателен, заслуживает специального рассмотрения и логического обоснования вывода.

Что касается термина “актант”, то его использование применительно к именам существительным, прилагательным и наречиям, не являющимся ни подлежащим или его аналогами, выразителями темы в односоставных предложениях, ни присвязочным именем в составе сказуемого, в ЭПП именного типа, как мне кажется, требует не только обоснования, но и влечет

за собой серьезные изменения содержания понятия, закрепленного в этом термине.

Оппозиция “ЭПП глагольного типа : ЭПП именного типа” релевантна не только в формальном, структурном аспекте; она и под содержательным углом зрения требует дальнейшей разработки соответствующего участка понятийно-терминологической системы метаязыка синтаксиса. Содержательная оппозиция «глагольное: именное ЭПП» соответствует оппозиции концептов «процесс: отношение».

Термин «процесс» в этом контексте мы понимаем как более общий, более абстрактный, чем «действие», которое нередко указывается как инвариант глагольной семантики. Общей характеристикой любого процесса, как направленного на объект, так и безобъектного и/или бессубъектного, мы считаем его развертывание во времени, его неотрывность от времени.

Отношение – инвариантное сверхзначение всех именных предложений. Отношения не развертываются во времени – они лишь соотносятся с временной осью как занимающее на ней то или иное место – “отрезок”, в принципе сводимый к условной точке. Условная точка может совпадать с моментом речи – определенное или неопределенное, “широкое” настоящее, выражаемое нулевой связкой, или локализоваться до или после момента речи – “положительные” формы прошедшего или будущего времени связки.

Грамматическая парадигма именного сказуемого (и именного ЭПП) специфична по сравнению с парадигмой глагольного типа: здесь представлены все времена и наклонения, но минимизированы формы и значения аспектуального типа, в частности, акционсартные и фазовые. Достаточно разнообразные варианты связок и полусвязок в плане категориальной семантики заслуживают специального исследования на материале конкретных языков; в настоящей работе эти вопросы не затрагиваются – объектом анализа будут фразы с бытийной связкой, грамматические формы которых интересовать нас не будут.

Предлагаемая ниже типология моделей именных ЭПП базируется на типологии выражаемых ими отношений и способов их выражения. В соответствии с этим исследование подсистемы именных предложений каждого языка и языка вообще предполагает прежде всего экспликацию представления об отношении как грамматическом (синтаксическом) значении. На базе этого представления должны быть рассмотрены конкретные возможности (способы) формального выражения разных отношений, а затем и типология отношений и конкретных выразителей отношений в изучаемых языках.

Сравнивая разные точки зрения на предложения, разные классификации предложений, можно увидеть, что они либо противоречат друг другу, либо дополняют и обогащают друг друга.

В истории русского синтаксиса взаимодействовали разные научные направления: одни из них получили широкое распространение, другие остались в тени.

Изучение предложения в истории русской синтаксической науки до второй половины XIX века исходит из двух положений: во-первых, предложение как словесное выражение суждения должно строиться из компонентов логического суждения. Эта трехчленная схема (подлежащее - связка - сказуемое) предложения наиболее ярко представлена в учении Н. Греча [56,с.167].

Во-вторых, морфологический взгляд на сказуемое, который состоит в том, что единственным носителем сказуемости является глагол.

Неглагольные предложения привлекали внимание синтаксистов разных направлений.

В основных синтаксических исследованиях первой половины XIX века, опирающихся на логико-грамматическое направление (отождествление грамматики и логики), всякие предложения, не соответствующие логической схеме, рассматривались как

неграмматические, структурно неполные. Позже, во второй половине XIX века, логическая концепция продолжала развиваться, но в отличие от первой половины XIX века, возник интерес к внутреннему своеобразием способов выражения, присущих самому языку. [55,с.231]. Синтаксические идеи Ф.И. Буслаева еще носят логический характер: он отстаивает приоритет глагола и морфологический взгляд на сказуемое: "Основной член предложения есть сказуемое. Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемого есть глагол." [52,с.23]. Ф.И. Буслаев признавал русские предложения с составным сказуемым, т. е. состоящим из глагола в соединении с именем, но глагол в составном сказуемом считал полновесным, в силу того, что этот глагол выражает лицо, время, наклонение. Таким образом, он еще не признал именных предложений. Однако в его учении отмечалось расхождение семантического и грамматического значения составного глагола: "В грамматическом отношении глагол существительный есть основная часть составного сказуемого; в логическом же значение признака берет перевес над глаголом быть, который потому иногда и опускается." [52,с.25].

Следующий этап в квалификации неглагольных предложений связан с именем К.С. Аксакова. Ценность его концепции в "освобождении русской грамматики от оков старой универсальной логико-схоластической систематики" [55,с.235]. Он возражал против признания всех типов предложений глагольными, против учения об опущении вспомогательного глагола есть в именных предложениях типа "Ты добр", "Он добр" и в одночленных предложениях типа "Дождь".

Таким образом, адъективные именные предложения были квалифицированы как самостоятельный структурный тип и точки зрения на одночленные предложения позже развивались некоторыми исследователями (А.В. Попов, А.А. Шахматов и др.).

П. Глаголевский, исследуя живую разговорную речь (пословицы), пришел к выводу, что для русского языка характерно употребление предложений с именным сказуемым без глагола, отмечал частотное употребление имен в косвенных падежах с предлогом и без предлога в функции сказуемого: " Слоны в диковинку у нас"; "Все в сборе"; "Ты не в ударе"; "Деньги на исходе ".

Признание предложно- падежных форм в качестве одного из способов выражения сказуемого обогатило представление ученых о структуре глагольных и именных предложений.

По мнению П. Глаголевского, к именным сказуемым следует относить такие предложно-падежные формы, которые выражают признак (в широком смысле) субъекта. Предложно-падежные формы с обстоятельственным значением (в лесу, в доме, в вокзале) исключались из сферы сказуемого, предложения с этими формами квалифицировались как неполные предложения с опущенным полнозначным глаголом. Эта концепция продолжает иметь место в школьной грамматике и до сих пор применяется в практике преподавания русского языка как иностранного.

Вербоцентризм отмечался не только в логико-грамматическом направлении, но и в психологическом и формально-грамматическом направлении. На принципе обязательной глагольности в предложении основывал свои синтаксические интерпретации А.А. Потебня. Он писал: "Предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* ; само по себе *verbum finitum* составляет предложение." [110,с.84].

А.А. Потебня подчеркивал формальное свойство связочных глаголов в составном именном сказуемом, т. е. предикативной связки [110,с.112].

Позже этот тезис А.А. Потебни подвергался критике А.В. Поповым. Он признавал односоставные именные предложения, состоящие из одного именного члена в русском языке (Зима, Пожар). [110,с.31].

Теория отождествления предложения и суждения в русской синтаксической науке 80-90 гг. XIX века уступала место представлению о предложении как соединении слов по законам подчинительных отношений, как словосочетания, при этом на первый план выдвигается понятие словосочетания.

По мнению Ф.Ф. Фортунатова, предложение как раздвинутое словосочетание содержит в себе грамматическое сказуемое и грамматическое подлежащее.

Мнение о том, что словосочетанием является центром предложения сохранилось в исследованиях А.М. Пешковского.

Предложения с именным предикатом А.М. Пешковский считал случаем неморфологизованной предикативности: "с чисто грамматической точки зрения не дифференцированная речь, элементарный, первобытный, дограмматический тип высказывания [109,с.165-166].

Таким образом, А.М. Пешковский считал предложение разновидностью словосочетания, имеющего в своем составе сказуемое или нулевую форму, находил нулевую связку в именных предложениях, которые признал глагольными. Обобщая взгляды А.М. Пешковского, В.В. Виноградов делает вывод: по А.М. Пешковскому, законченная мысль заключается не в целом предложении, а в формах сказуемости, это противоречит тому, что "члены предложения, взятые как отдельные лексические и грамматические содержания, т.е. взятые абстрактно и изолированно друг от друга, не заключают в себе абсолютных признаков ни подлежащего, ни сказуемого." [109,с.50].

Если А.М. Пешковский ввел понятие нуля в синтаксисе (нулевая связка, нулевой полнозначный глагол), то А.А. Шахматов не признавал нулевых форм в предложении, так как при анализе состава предложения для него главным были синтагматические отношения. А.А. Шахматов отрицал нулевую связку в предложениях типа: "Он инженер"; "Мне холодно".

Заслуга А.А. Шахматова состоит не только в признании односоставных предложений, в которых мысль не членится на подлежащее и сказуемое, а сосредоточивается в главном члене предложения, но и в признании многообразия типов русских предложений (бессвязочные, односоставно-номинативные, безлично-наречные и т. п.).

А.А. Шахматов показал, что безглагольные, бессвязочные предложения так же древни и исконны в русском языке, как и глагольные. Труды А.А. Шахматова ценны тем, что "впервые собран колоссальный материал, характеризующий поразительное разнообразие синтаксических конструкций современного русского языка, особенно в кругу разных типов предложений, впервые была сделана попытка найти в этом разнообразии стройную систему, описать и охарактеризовать разные виды предложения." [55,с.125].

Вербоцентрические взгляды на предложение и морфологическое представление о сказуемом были ослаблены "Грамматикой русского языка" 54 г.. В ней представлены полные двусоставные предложения с предложно-падежными формами в функции сказуемого. В "Грамматике-54 г." типы именного сказуемого различаются по признакам наличия глагольной формы: простым именным сказуемым называется сказуемое, состоящее только из именной части и не включающее в свой состав форм глагола; составным именным сказуемым - сказуемое, состоящее из именной части и вспомогательного глагола.

В "Грамматике-54г." отмечаются две группы предложно-падежных сочетаний в функции сказуемого по зависимости от степени устойчивости : свободное, фразеологически не связанное (в споре, в процессе, в противоречии, в разуме) и фразеологически устойчивое, по своему значению приближающееся к наречию (в беспамятстве, во вкусе, в воле, в восторге, в движении, в задумчивости, в моде, в порядке, в тревоге, в ударе). Но остается не ясным критерий этого разграничения.

В русской синтаксической науке второй половины XX века получила широкое распространение теория парадигмы. Наличие парадигматических отношений признается и между предложениями. Если в морфологии в одну парадигму объединяются разные словоформы одного слова, то в синтаксисе парадигма образуется набором предложений[95,с.103]. Эта теория позволила объединить разные модели, имеющие одну и ту же структурную основу в один ряд, в парадигму. В основании парадигмы предложений должны быть грамматические категории предложения.

В русской синтаксической науке вербоцентрические взгляды на предложение и признание глагола единственным способом сказуемого постепенно уступают место представлению о реальном синтаксическом явлении, о синтаксических единицах как единстве формы, значения и функции.

По средствам грамматической связи со вспомогательным компонентом и грамматического подчинения подлежащему противопоставляются изменяемые и неизменяемые формы именной части.

Изменяемые формы именной части (обладающие словоизменением) выражают грамматическую связь со связкой, с подлежащим формальными показателями числа, рода, падежа; их морфологические категории участвуют в формировании обобщенных значений. В качестве изменяемых форм именной части выступают существительные, числительные, прилагательные, местоимения.

Неизменяемая часть (наречие, деепричастие, инфинитив) не имеет формальных показателей связи со вспомогательным компонентом и с подлежащим.

Рассмотрим вкратце основные формы составного именного сказуемого с изменяемой именной частью.

Именная часть в современном русском языке может быть представлена разнообразными словоформами имен.

Употребление тех или иных конкретных морфологических форм имен обусловлено выполнением синтаксических функций именной части в структуре сказуемого. Классификация форм именной части может быть основана на участии их в выражении внутренней формы составного именного сказуемого (связи основного, именного компонента со вспомогательным). По этому признаку различаются специализированные и неспециализированные формы именной части.

Специализированными являются те формы имени, выступающего в качестве именной части, которые обусловлены не лексическими и грамматическими свойствами связки, а выполняемой предикативной функцией.

Неспециализированные формы используются в сказуемом с теми частными значениями, которые сформировались в структуре словосочетаний, характеризующихся отношениями определяемого — определяющего (преимущественно атрибутивными). В этом смысле можно говорить, что данные формы используются в сказуемом как готовые, "заимствуемые" из системы словосочетаний.

В современном русском языке неспециализированные формы именной части представлены косвенными падежами имени существительного (и субстантивированных слов), преимущественно с предлогами.

В выражении внутренней формы составного именного сказуемого неспециализированные формы играют пассивную роль. Падежные окончания и предлоги сами не выражают грамматического отношения именной части к связке.

Конкретные неспециализированные формы, представленные той или иной падежной или предложно-падежной формой, выражают в составе сказуемого наряду с обобщенным значением и частные значения. Общей чертой частных значений является то, что они передают признак "известной

субстанции" (названной в подлежащем) "через посредство другой субстанции". [109,с.105]

Существительное в функции именной части сказуемого не утрачивает значения предметности, но функционально преобразуется: оно приобретает значение характеризующее, определяющее. Это достигается с помощью падежей и предлогов, которые передают различные оттенки (или различные проявления) зависимого отношения данной субстанции к другой (названной в подлежащем).

Различные падежные и предложно-падежные формы существительных часто выполняют функцию именной части. Они выражают разнообразные частные значения (полный перечень и анализ значения не входит в нашу задачу).

Среди неспециализированных форм именной части наблюдается активизация некоторых обобщенных значений, расширение и закрепление средств выражения их. По наблюдениям Чернова, одним из наиболее активных становится обобщенное значение состояния. Если другие частные значения в той или иной мере дублируют значения специализированных форм или углубляют и расширяют их, то значение состояния имеет тенденцию выделиться в качестве особого, присущего только определенному кругу неспециализированных форм существительного[145,с.11].

В неспециализированных формах могут быть выделены продуктивные средства выражения состояния – это, во-первых, свободное сочетание существительных в предложном падеже с предлогом в, во-вторых, устойчивые предложно-падежные формы фразеологического типа со значением состояния, закрепившиеся в предикативной функции.

Значение состояния регулярно выражается предложно-падежными формами при использовании определенных групп имен существительных.

Рассмотренная тенденция к расширению использования предложно-падежных форм, к обогащению и дифференциации их значений свидетельствует об увеличении "доли" неспециализированных форм в системе именной части сказуемого. Неспособность неспециализированных форм выражать грамматическое отношение к связке и подчинение подлежащему означает усиление роли связки в грамматической форме соответствующих конструкций сказуемого: связка берет отмеченные функции на себя. А это, в свою очередь, свидетельствует об усилении аналитизма в грамматической форме составного именного сказуемого.

2.4.1. Предикативность в предложениях с именным сказуемым

В конце XVIII — начале XIX в. общем языкознании сложилось в известной степени универсальная схема теоретического описания предложения и его членов, которая накладывалась практически на все языки мира. Имея это в виду, известный уйгуровед С.Е.Малов считал, что предметом синтаксиса является подбор примеров – иллюстраций под универсальную синтаксическую схему. На основе логических соображений в предложении отыскивались субъект (подлежащее) — то, о чем идет речь, и предикат (сказуемое) — то, что говорится о предмете речи[92,с.203]. Ф.И.Буслаев писал, что присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением, а суждение, выраженное словами, есть предложение. Соответственно все типы предложений сопоставлялись с общей схемой предложения-суждения (субъект, связка, предикат)[52,с.254].

Идея определить сущность предложения через один из его главных членов была поддержана А. М.Пешковским, который обозначил главное свойство предложения термином сказуемость. [109,с.235]. Именно этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не только представлению, но и мысли, автор назвал сказуемостью. Это не только

глаголы, но и слова употребляющиеся со связкой (в современной терминологии — слова категории состояния и краткие прилагательные).

Таким образом, А.А.Потебня и А.М.Пешковский термина «предикативность» не употребляли, но признаком данного свойства предложения считали наличие финитного глагола. В.В.Виноградов закрепил в научном обиходе термин «предикативность» (от лат. *praedicare* — высказывать сообщать): «значение и назначение общей категории предикативности' формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности, которое выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица.

Каждое предложение локализовано в определенном временном плане:

Болилар кумда ойнимақта. Дети играют на песке.

Болилар кумда ойниган. Дети играли на песке.

Болилар кумда ойнайду. Дети будут играть на песке.

Синтаксическое значение времени создается не только формами времени глагола, но и с помощью связки, в том числе нулевой – *Иссиқ. Жарко; Иссик болиду. Будет жарко.*

Аналогично трактуется синтаксическая категория модальности. То, что сообщается в предложении, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем или как реализующееся в будущем либо как желательное, либо как требуемое от кого-либо. Синтаксическая категория модальности выражается в первую очередь формами глагольных наклонений:

Куш сайрайду. Птица поет;

Куш сайриса. Если птица будет петь;

Сайра! Пой!

Однако она характеризует и предложения, в которых отсутствует личная форма глагола:

Тамақниң татлиқлигини!- Ох и вкусная пища!

Отношение содержания предложения к действительности называется объективной модальностью, в отличие от субъективной модальности, выражающей отношение говорящего к сообщаемому. Сравним:

Пат арида қар яғиду.- Скоро пойдет снег;

Этималим, пат арида қар яғиду.- Очевидно, скоро пойдет снег.

Принято считать, что субъективная модальность факультативна, и поэтому она не включается в комплекс категорий, формирующих предикативность.

Синтаксическое лицо выражается прежде всего местоимениями и глагольными формами:

Мән оқуймән.- Я читаю;

Сән оқуйсән.- Ты читаешь;

У оқуйду.- Он (она) читает.

Таким образом, комплекс синтаксических категорий: синтаксическая модальность, синтаксическое время и синтаксическое лицо — был определен В.В. Виноградовым как предикативность.

Различные трактовки понятия. Это базовое для теории предложения понятие «предикативность» по-разному понимается лингвистами.

Одни считают, что предикативность — это выражение субъектно-предикатных отношений. Другие, вслед за В.В.Виноградовым, определяют предикативность как отнесенность высказывания к действительности, но при этом по-разному оценивается объем понятия. О. Б. Сиротина выделяет три компонента предикативности: темпоральность, модальность и персональность[124,с.42]. Н.Ю.Шведова включает в объем понятия только синтаксическое время и объективную модальность[157,с.83]. Интересное развитие понятия предикативности представлено в работах Г.А.Золотовой. Предикативность определяется следующим образом «Предикативность, характеризующая каждое предложение, и означает предикативное отношение между структурными опорами мысли- предложения — субъектом и

предикатом, выражающееся в языковых категориях времени, модальности и лица»[69,с.54].

Рассмотрим каждую категорию, формирующую основное свойство предложения, подробнее.

Категории, оформляющие предикативность

Модальность — это категория, которая показывает, что отношение сообщаемого к действительности мыслится говорящим или как реальное, или как ирреальное (желаемое, возможное, необходимое, требуемое, условное). Следует разграничивать объективную и субъективную модальность.

Объективная модальность — отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности: то, о чем сообщается, мыслится как реальное или как ирреальное.

Хасан ашпузулчига салам бәрди (Н.И.)- Хасан поприветствовал владельца кафе - реальная модальность, синтаксический **индикатив**. Для предложений с реальной модальностью характерна временная определенность — обязательно отнесение к одному из временных планов.

Видов ирреальной синтаксической модальности больше, чем глагольных наклонений. Например, в АГ-70, РГ-80, РГ-90 выделяются следующие синтаксические наклонения:

1) сослагательное (показывает возможность осуществления действия в неопределенном временном плане)

Надо бы прочитать учебник целиком | *Дәрисликни пүтүнләй оқуш керәк еди.*

2) условное (в зависимой части в сложном предложении обозначает нереализованную возможность в неопределенном временном плане)

Прочитал бы он учебник целиком, | *Дәрисликни толук оқуса, барлик*
смог бы ответить на все вопросы; | *соалларга жавап берәтти*

3) желательное (выражает эмоционально окрашенное желание говорящего)

осуществить какое-либо действие в неопределенном временном плане, что передается интонационными средствами)

Только бы (вот бы) найти этот учебник! | *Эшу дэрисликни тапсамла болди*

4) побудительное (обозначает приказ, требование, просьбу, согласие, их реализация отнесена в неопределенный временной план, при этом используются морфологические и синтаксические формы)

Идите! Пусть он делает уроки! | *Меңиш! У дэриләрни ясисун!*
Чтоб в комнате все было в порядке! | *Бөлмидә тәртип болсун!*

5) долженствовательное (показывает, что сообщаемое обязательно для осуществления в неопределенном временном плане независимо от воли говорящего).

Все загорают, а я сиди за учебником! | *Һәммиси дәм алмақта, мән болсам*
дэрисликни өқуп олтурушум керәк!

Средства выражения модальных значений разнообразны. Кроме того, модальные значения могут быть выражены синтаксически (специальные структуры, например инфинитивные предложения, вводные слова) лексически, интонационно.

Субъективная модельность, в отличие от объективной, говорящего к сообщаемому, например: *Әлвәттә, мән су әкелимән.- Конечно, я принесу воду.*

Объективная модальность заключается в том, что сообщаемое реально в плане будущего времени. Вводная конструкция *әлвәттә (конечно)* передает уверенность говорящего в реальности сообщаемого, выражая субъективную модальность.

Синтаксическая модальность отличается от морфологического наклонения. Во-первых, система синтаксических наклонений шире и сложнее, чем система морфологических наклонений глагола. Во-вторых, синтаксическое наклонение выражается и в безглагольных предложениях

Жим-Жит.- Тишина; Тинжсиқ- Душно — средство выражения значения реальной ситуации проявляется в повествовательной интонации вместе со связкой (в данном случае нулевой). В-третьих, значение требуемого и необходимого действия может передаваться и формой инфинитива, который стоит вне морфологических наклонений.

Темпоральность — это отнесенность содержания предложения к одному из трех временных планов — прошедшему, настоящему или будущему, отправной точкой является момент речи.

Синтаксическое настоящее время означает, что событие реально осуществляется в момент речи или постоянно, что передается глаголом в форме настоящего времени (морфологический способ:

Дехан ишлимэкта- Крестьянин работает; формой прошедшего времени (и к тексту настоящего для передачи обычного, повторяющегося действия:

Бар охиштар, йоқ қахиштар.- «Есть»....., «нет» заставляет страдать.

формой прошедшего времени глагола (это транспонированная форма со значением в контексте настоящего — сообщение передается с оттенком вежливости: *Билмидим.- Не знаю;* безглагольной конструкцией

Һаят мәксити балидин ибарэт.- Цель жизнь-дети!

Синтаксическое прошедшее время означает, что событие реально предшествовало моменту речи. Способы выражения подобны, форма прошедшего времени

Бағларда алма чечәклигән.- В садах яблоки цвели;

форма настоящего времени (в контексте прошедшего для придания сообщению живости

Түнүгүн өйдә өлтарсам, Муса кириватиду(К.Хелил).- Сижу вчера дома и входит Муса;

форма будущего времени (применительно к факту прошлого указывает, что действие реально не состоялось в прошлом, из-за чего сообщение приобретает модальный оттенок:

Қандақму чушәнмәйсән? Как ты не поймешь?

Онматопозитическая лексика без личной формы глагола (формирует значение неожиданного события, совершившегося в прошлом:

Хотунлар болса-вай-вуй, вай-вуй(Т.Юнус).- А женщины вопеть.

Синтаксическое будущее время показывает, что действие осуществляется после момента речи, что передается морфологическим логическим способом

Мән ремонтқа тәйярлинишқа башлаймән.- Я начну готовиться к ремонту;

формой настоящего времени глагола (в контексте будущего представляет будущее как очень близкое:

Этә биз Фулжиза баримиз(З.Сабир).- Завтра мы едим в Кульдже;

формой прошедшего времени + ситуация (будущее представляется как результат в настоящее время: *Бөпту, мән өйгә кәттим (И.Турди).- Ну, я пошел домой.*

Таким образом, синтаксическая категория времени шире чисто морфологической категории времени.

Персональность является одним из спорных моментов в интерпретации термина «предикативность». Можно ли рассматривать персональность как составляющую соотнесенности содержания предложения с действительностью, или отнести к более частной характеристике структуры предложения, или рассматривать как текстовую категорию?

Каждое предложение — высказывание говорящего лица. Именно говорящий определяет характер предложения: его содержание, структуру, разграничивает объективное и субъективное. Выражая объективное,

говорящий отстраняется от излагаемого содержания и в то же время именно он определяет характер объективной модальности. При выражении субъективного говорящий также присутствует в высказывании.

К формам выражения синтаксической категории лица можно отнести личные формы глагола *Ухлаватимэн.- Сплю* ; личное местоимение в роли подлежащего *Мэн, сэн, у хошал.- Я, ты, он(она) доволен(а)*; структуру предложения (значение синтаксического 3-го лица в предложении *Балилик өй-гулстан, балисиз ой гөрстан*, отнесенность к собеседнику в предложении *Не видать тебе праздника*, хотя глагол в форме 2-го лица отсутствует); интонацию (приказ собеседнику *Рухсэтсиз кирилмисун! Без разрешения не входить!* или говорящему лицу *Вот бы поехать на море!*).

Действительно, персональность можно рассматривать двояко. С одной стороны, распространить данное понятие на собственно грамматическую структуру предложения. Для двусоставных предложений такая возможность трактовки очевидна. Для односоставных предложений, в трактовке А.А.Шахматова, в одних случаях следует признать значимое отсутствие грамматического субъекта (спрягаемо-глагольный класс), а в других – слитность, нерасчлененность субъекта и его предикативного признака (безличные и номинативные предложения). С позиций Г.А. Золотовой, все предложения являются двусоставными, так как субъекта допускается любая грамматическая форма (косвенные падежи, а не только типичный для подлежащего именительный падеж), поэтому исследователь включает персональность в понятие предикативности.

С понятием предикативности связано и учение о парадигме (системе форм) простого предложения Н.Ю.Шведовой [157,с.156].

2.4.2. Способы выражения предикативности в сопоставляемых языках

В современном уйгурском литературном языке встречается в основном два способа синтаксически оформленной передачи сообщения, т. е. предикативности. Во-первых, предикативность передается путем вступления двух слов или членов в предикативное отношение. При этом образуется двусоставное предложение. Во-вторых, предикативность очень часто может выражаться в одном члене или слове. При этом образуются так называемые односоставные предложения. Как показывает исторический синтаксис тюркских языков, многие виды односоставных предложений являются результатом исторических изменений двусоставных предложений, т. е. предикативных отношений между словами. Процесс превращения некоторых двусоставных предложений в односоставные происходит и в современном уйгурском языке. Поэтому встречаются такие предложения, которые занимают промежуточное положение между двусоставными и односоставными предложениями. К таким, относятся, например, предложения типа

Язимән.- Читаю,

Көзүмгә ақ чүшти «У меня бельмо на глазу»,

Саңа оқуш керәк «Тебе надо учиться» и т. д.

Однако современный уровень развития синтаксиса в тюркологии, как мы увидим далее, позволяет квалифицировать синтаксический статус таких предложений несколько по-иному. Так или иначе они все возводятся к моделям двусоставных простых предложений с глагольным сказуемым.

Средствами выражения предикативности в уйгурском языке являются аффиксы сказуемости, личные аффиксы, аффикс множественности; аффиксы наклонений и времени, порядок слов, иногда некоторые другие аффиксы, в особенности интонация сообщения. В аспекте актуализации предикативность немислима без интонации сообщения. Интонация сообщения переплетается с множеством разновидностей интонации модальности. Как, интонация сообщения, так и интонация модальности в

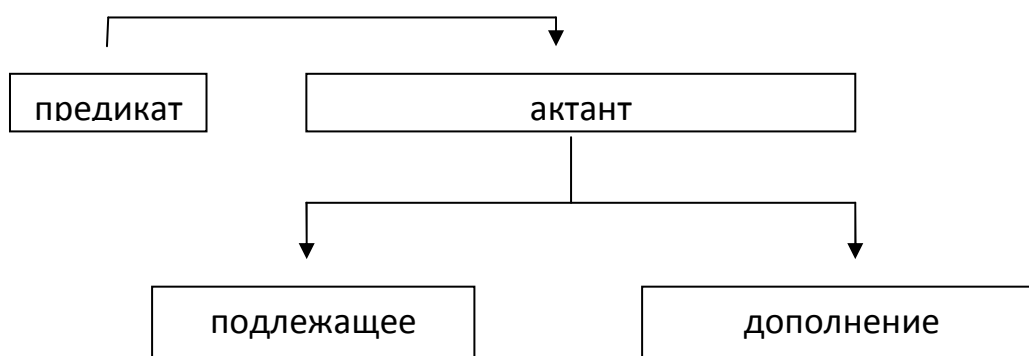
уйгурском языке все еще ждут своего исследования экспериментальным путем. Поэтому о них мы будем говорить лишь в общих чертах.

Предложение, в котором предикативность передается путем вступления двух слов в предикативное отношение, называется двусоставным. Оно может состоять только из предикативной группы, может в его составе быть одна или несколько конкретизирующих или пояснительных групп. В первом случае предложение обычно называют нераспространенным, во втором — распространенным. В данной работе, не уделяется много внимания распространенности и нераспространенности предложений, мы будем рассматривать преимущественно предикативную группу в качестве конструктивного минимума предложения.

Ранее в тюркологии считалось, что в предикативной группе одно слово подчиняет себе другое. Подчиняющее слово называется подлежащим, подчиненное - сказуемым. Следовательно, подлежащее подчиняет себе сказуемое. Это подчинение выражается в том, что в подавляющем большинстве случаев сказуемое принимает те или иные формы в зависимости от того, в каком именно числе и лице находится подлежащее. Поэтому, с этой точки зрения, нельзя было согласиться с проф. Г. Алпаровым, когда он утверждает, что «можно было бы рассматривать подлежащее как дополнение сказуемого (глагола)» [17,с. 120]. Как мы покажем далее, модельный подход к уйгурскому предложению позволяет утвердиться как раз в этом, причисляя как подлежащее, так и дополнение к числу актантов, т.е. объединяя их в одной синтаксической классификационной группе. Тем самым дополнение отличается от определения и обстоятельства тем, что «что не передает признаков другого слова» [98,с.217] Например:

Мәшһур сазәндиһәр муқамни сақлап қелишти(З.Кадир).- Знаменитые музыканты спасли мукам.

Здесь подлежащее (*сазэндилэр*) и дополнение (*муқамни*) имеют одинаковый синтаксический ранг, обусловленный валентностными качествами предиката- сказуемого (*сақлап қелишти*).

Не подтверждается фактами уйгурского языка также утверждение акад. И. И. Мещанинова о том, что «предикативная группа выделяется сочинением ее членов, синтаксически равнозначных [98,с. 388]

В подавляющем большинстве случаев подлежащее называет предмет сообщения. Предметом сообщения может стать любое явление, понятие или предмет в природе и обществе. Точно так же и подлежащим может быть любое слово в назывном или номинативно-предметном значении.

Подлежащее является независимым членом в предложении, поэтому выражающее его слово не принимает никаких форм, которые сделали бы его зависимым от другого слова. Слово, выступающее в роли подлежащего, подчиняет себе сказуемое лишь в том случае, когда оно находится в именительном падеже. Из аффиксов подлежащее может принимать лишь аффиксы притяжательности и множественности.

1. Типичными формами выражения подлежащего выступают имена существительные, имена действий, процессов и так называемые номинативные местоимения, так как только эти части речи больше всех употребляются в назывном значении:

Өй үстидә кәптәрләр буг- буг қилмақта (И. Г.) - На крыше дома воркуют голуби;

Новәттә яшаи көңүллүк (Т.Юнус)- Жить сейчас весело;

Мән буни тақәтсизлик билән күтәттим (Г. И.) Я ждал этого с нетерпением.

Майимхан өз жутини әслиди (З.С.).- Майимхан вспомнила свое село;

Қарап көзлирим талди, бир сөзүңни бәрмәйсән (Қошақ).- Мои глаза устали глядячи, ты ничего не говоришь;

Бу өй қойнида яйрап ятқан бовақтәк Қасим - ана пуш-пуш тинип ухлимақта (М.Һ).- В доме тихо отдыхала Касим-ана, словно ребенок.

2. Употребляясь в назывном значении, прилагательные, числительные и наречия также могут выступать в роли подлежащего:

Иссиқ устиханни сундурмас, соғ жәнни қоймас (посл.).- Тепло не ломает кости, холод душе не дает покоя;

Тоққуз үчкә бөлуниду.-Девять делится на три без остатка;

Азму истәр,көпму түгәр:баргә яшиғанга немә йетәр (посл.).- И малое достаточно, и многое кончается: что может быть лучше совместной жизни.

Бүгүнчә қариганда тойниң «әтиси» яхиши (посл.).- «Завтра» праздника лучше, чем «сегодня»;

Яз күнлири талада ятқанга ненә ятсун (Й.Т.).-Что может лучше отдыха в поле летом.

3. В назывном значении может иногда употребляться любая часть речи в любой форме:

«Кәлди» - пейлдур

«Пришел — глагол в изъявительном наклонении»;

һәм — бағлиғуч.- И — союз;

Ҳазир «ай-вайлар» қалмиди.-Теперь нет уже «ай-вай».

«Вай-вуй»- пат қоллинидиган сөздур бу йәрдә (Ҳ.А)

«Вай-вуй»- это частоупотребляемое слово.

Бар охшар, йоқ қахшитар (посл.).- «Есть» нравится, «нет» заставляет страдать.

4. Слова с различными средствами связи могут выступать в качестве подлежащего лишь тогда, когда они заменяют опущенное подчиняющее их

существительное:

Һүнири бар өлмәс һүнәрсиҙ күн көрмәс (посл.). – (Человек) с ремеслом не умрет, (человек) без ремесла не увидит хорошей жизни»;

Келәчәк корситәр.- Будущее покажет;

Саңа охишганлар көп бу йәрдә. -Таких, как ты, здесь много;

Һәр бир әжизликта күч йошурунган(посл.).- В каждой слабости заключена сила;

Әтигәнки ақ пахта булутлар әнди жәнупқа үзүп кетип бармақта (Т.Т.).- Утренние белые облака теперь плывут к югу.

5. Подлежащие могут выражаться также и фразеологическими словосочетаниями, называющими что-либо:

«*Жиллар сири*» - *тарихий роман*, - «Тайны годов» — исторический роман»;

«*Көңлүм қалди*» - *яхши сөз әмәс* (К.Т.).- «Я обиделся (букв: душа = моя осталась)»- нехорошее слово

6. Подлежащим могут выступать и целые предложения, когда они, заменяя какое-нибудь опущенное существительное, употребляются в назывном значении:

Билиги күчлүк бирни йеңиду, билими күчлүк миңни йеңиду (пос.).-Сильный победит одного, богатый знаниями победит тысячи;

Болди қилайли дегән сөз Һәммигә яқти (З.С.).- Давайте заканчивать (букв.: все мол сделаем) - эти слова понравились всем.

В языкознании многие годы считалось, что сказуемое выражается только лишь глаголом или при помощи глагола. Например, в русском языкознании А. А. Потебня [110, с.77—78], А. М. Пешковский [109, с. 166], Е. утверждали, что нет сказуемого без глагола». Несмотря на то, что подмена сказуемого глаголом критиковалась А. А. Шахматовым, а В. В. Виноградов [55, с. 103] обстоятельно доказал несостоятельность такого утверждения, школьные учебники русского, да и других языков, всё же продолжают придерживаться этой точки зрения; это мнение укрепилось и в

уйгурской грамматике. Но начиная с 1952 года считается, что в уйгурском языке в роли сказуемого могут выступать любые знаменательные части речи. Так было в древнетюркском языке, такая картина сохраняется и в современном уйгурском языке.

В процессе исторического развития языка, как и в русском, намечаются и окончательно оформляются две разновидности сказуемого, одну из которых мы называем глагольным, другую — именным. Глагольное сказуемое выражается глаголами, обозначает процесс и всегда принимает аффиксы сказуемости, которые в составе глагола называются личными аффиксами. Именное сказуемое выражается всеми частями речи кроме глагола и, как правило, обозначает отношение в отличие от процесса и в современном уйгурском литературном языке обычно принимает аффиксов сказуемости; исключения составляют лишь такие сказуемые, в составе которых имеются вспомогательные глаголы.

Как глагольное, так и именное сказуемое может быть простым, сложным и составным. Простое выражается одним словом, сложное — фразеологическими или в данном случае неразложимыми словосочетаниями, составное же отличается тем, что в нем грамматические значения передаются различными вспомогательными средствами.

Именное сказуемое в уйгурском языке традиционно подразделяется на простое именное сказуемое, сложное именное сказуемое и составное именное сказуемое.

Простое именное сказуемое встречается только лишь в двух случаях: или во вневременных предложениях например:

Бу каривэт - төмүр.- Эта кровать железная;

Ат, кала, кой барлиги Һайванлардур.- Лошадь, корова, овца — все — животные;

или в предложениях, относящихся к настоящему времени

Мән сағлам, күчлүк (Х. Т.).-Я здоров, силен;

Өрүк – мевәдур. - Абрикос – фрукт;

Қирғизстанниң пайтахти- Бишкекдур. - Столица Кыргызстана-Бишкек;

Сизниң яхиши көридиған китабиңиз-мошу. - Ваша любимая книга –эта.

Простое именное сказуемое выражается всеми остальными знаменательными частями речи, кроме глагола.

С некоторыми оговорками можно признать, что простым именным сказуемым могут выступать слова и с некоторыми показателями обстоятельственного конкретизирующего отношения. Последние образовались в результате опускания подчиняющих их слов.

Например, в предложении *Ақ койнигимниң тугмилири алтундин* (П.).- Пуговицы моего белого ситцевого платья из золота.

сказуемое *алтундин* выражено словом в исходном падеже, и оно стало восприниматься как сказуемое после того, как было опущено подчиняющее его слово *ясалған* «сделано» как само-собой подразумеваемый элемент речи.

Сәккиз йәрдә сәккиз атмиш төрт (болиду). - Восемью восемь - шестьдесят четыре;

Бу адамниң чоң алиси алимлардин (болиду). - Старший сын этого человека из ученых

Одним словом, многие предложения с такими сказуемыми образовались в результате того, что неполные предложения (с опущенным сказуемым) стали восприниматься как полные. Иначе говоря, носители языка привыкли к миминации сказуемого и стали воспринимать сказуемым, т. е. сообщающим членом, то слово, которое осталось на самом конце предложения, где обычно размещается сказуемое. Так, в составе вторичного сказуемого стали применяться следующие аффиксы: *-га/-гә, -да/-дә, -лы/-ле, -сыз/-сез, -ча/-чә, -дай/дәк, -ныкы/-неке* и др. Например:

Бу бөлмә шкафлик. - Эта комната со шкафом;

Бу аризә рәискә. - Это заявление председателю;

Бир савақдаш сот формасида.- Один ученик в форме судьи;
Қудуқ сусиз.- Колодец — без воды;
Йезилар тәржімә Гали-узун тарих (УА).- Биография сел - длинная история;
Пәнжімниңму-шу (УА).- И Панджима –тоже;
Яркәнт товәсидики әң чоң йезиларниң бири (УА).- Одно из самых больших сел в долине Джаркенда;
Жут әждат еқидисигә наһайити садиқ (УА).- Народ верен убеждениям предков.

Важно заметить, что наличие простых именных сказуемых является специфической особенностью тюркских языков, где сказуемое оформляется при помощи аффиксов сказуемости. А они делают сказуемое простым. В современном языке эти аффиксы, как правило, употребляются в 3 лице. В индоевропейских языках оформителем сказуемого является связка, которая делает любое сказуемое составным.

В обоих языках сложное именное сказуемое выражается фразеологическими и в данном случае неразложимыми словосочетаниями, господствующим словом которых выступают именные части речи. Подобно простым, сложные именные сказуемые встречаются лишь в предложениях настоящего времени или во вневременных его разновидностях:

Сүйгәш сүйүк болупму, өйлири томур билән йетилган(Г. И.) «Хотя суп у них жидкий, но дом с железной крышей»;

Ленинград – толиму гөзал.- Ленинград - очень красивый город;

Бизниң коча – чоң коча (П.).- Наша улица - большая улица;

Сениңсиз,жәним ярим, Һаятму Һаят әмәс (Из песни).- Без тебя, моя душа, и жизнь не в жизнь;

Трактор, комбайнларниң сани йоқ(У.А.).- Нет числа тракторам и комбайнам;

Мана мону-қутлуқ икки қол (У.А.).- Вот это-это священные две руки;

Һәммә нәрсиниң ижрачиси пәқәт қол (У.А.).- Создатель всего только две руки.

И в уйгурском, и русском языках составное именное сказуемое образуется на основе простых и сложных именных сказуемых путем присоединения к ним различных вспомогательных слов. Исходя из этого, есть полное основание утверждать, что составным именным сказуемым называется также (простое или сложное) сказуемое, где грамматические значения выражены вспомогательными словами[9,с.77].

В русском языке специфика составного именного сказуемого заключается в тенденции к разделительному выражению грамматического и вещественного значения предиката.

Листья стали желтыми (стали желтыми) вещественное значение сказуемого сосредоточено в именной части; связка является грамматическим показателем времени и склонения и обозначает лишь переход из одного состояния в другое (*листья были зелеными, а стали жёлтыми*).

В уйгурском языке в образовании составных именных сказуемых могут принимать участие следующие вспомогательные слова.

1. Вспомогательные глаголы, образованные из корня *әр*, выражают прошедшее время с различными оттенками:

Сәғди ака балиға амрақ еди (Ә. Ф.).- Сағди - ака очень любил детей;

Һәр қачан бу йәрдә әһвал шу экән (Г. Т.).- Во все времена здесь те же дела,

оказывается;

Йезида чоң-кичикниң Һәммиси сәнчәт шәйдалири: жигитләр-сазандә,

қизлар - уссулчи еди (У.А.).- В селе т.д. мала до велика все были поклонники

искусства: парни - музыканты, девушки – танцовщицы;

Мениң мүрәмдә төшүган мишкапларниң қандақ еғир экәнлиги Һелиму

есимдә еди (Ч.Айтматов).- И сейчас у меня в памяти, до какой степени

тяжелы мешки, которые я таскал на спине.

2. Вспомогательный глагол *бол* = способен выражать прошедшее и будущее время; может также находиться в составе вневременного сказуемого:

Һади билим елишка җабилыйәтлик болиду (Х. Х.).-Хади был способный к учебе»;

Халиқ нахишилири бизниң кәлгүси әдәбиятимизгә асас болиду(Г. Т.).-
«Народные песни, безусловно, будут основой нашей будущей литературы»;

Билимликниң геги оң, билимсизниң геги тоң болиду (посл.).- У знающего слово верное, у невежды слово «мерзлое» (бывает);

Аңлиған қулақта гуна йоқ болиду (посл.).- У слышащего уха вины не бывает;

Үчни бәшкә копәйтсә, он бәш болиду.- Трижды пять пятнадцать.

3. Глагол *тур* (один или с глаголом *бол*) образует составное именное сказуемое во вневременном значении:

Үниң ишлири яхшидин турмайду.- Его дела обстоят не очень хорошо»;

Житимниң атиси йәттә болиду (посл.).- У сироты семь отцов;

Сақлиғиң байлиғиң туриду (посл.).- Твое здоровье – твое богатство;

Сап Һава тәнгә Һава болиду (посл.).- Свежий воздух лекарство для тела;

Бирниң үни бир (посл.).- Голос одного один.

4. Глагол *турур* в форме – *тур* выступает в уйгурском в роли местоимения третьего лица, употребляясь в составе сказуемого, выражая связь его с подлежащим:

Тоғра сөз өткүр қиличтур (посл.).- Правдивое слово - острый меч;

Икки шәһәр араси – йәтмиш бәш чақиримдур (У.А.).- Расстояние между двумя городами семьдесят пять километров;

Асасий мэхситим билим елиштур (Ч. Айтматов).- Моя основная цель получить знания.

5. Слово *эмэс* оформляет именное сказуемое с отрицательным значением:

Ишлириңлар яхиши эмэс (Г. Б.).- Ваши дела идут не очень хорошо;

Сениңсиз эңеним ярим, Һаятму Һаят эмэс (из песни).- Без тебя, моя душа, и жизнь не в жизнь;

Исрап қилиши убдан эмэс (З.С.). - Предаваться расточительству нехорошо;

Мән издигән китап бу эмэс (Г.Т.).- Эта не та книга, которую я искал;

Мундақ иш силәргә лайиқ эмэс (Һ.А.).- Это дело не для вас.

6. В составе сказуемого могут наблюдаться некоторые послелого: *үчүн* выражает цель:

Һәрикитим сениң үчүн .-Мои старания ради тебя;

послелого типа *кәби, мисали, симан, охшаш* выражают сравнение:

Бу дуқанчиниң таразисига охшаш (Г. Т.).- Это совсем как весы продавца;

Айму саңа охшаш (П.).- Луна тоже точно как ты;

Ағзи каймақ кәби, көңли маймақ кәби (посл.).- Речи как сметана, душа как «хромец»;

Бир көргән тонуш, икки көргән туққан мисали (посл.).- Человек, который один раз видел, как знакомый, человек, которого дважды видел, как родственник;

Жанлиқ надан өлүк кәби, жансиз алим тирик кәби (посл.).- Живой глупец как мертвец, бездыханный ученый как живой.

7. Некоторые модальные слова, употребляясь только в составе сказуемого, выражают различные модальные значения:

Түнүгүн бизгә кәлгән адам муаллим көрүниду.- Человек, который приходил к нам вчера, кажется, учитель;

Кишиниң тохуси кишигә газ көрүнәр (посл.).- Курица другого кажется гусем;

Бүгүн клубта адам көп болгай (З.С.). – Сегодня в клубе, кажется, много людей.

2.4.3. Смысловые отношения между подлежащим и именным сказуемым и подлежащим

Именные сказуемые вступают с подлежащим в разные смысловые отношения. Сказуемое, выраженное именами существительными, местоимениями и другими словами в роли имен существительных в именительном падеже, или приравнивает себе подлежащее или сообщает о материале, из которого сделан предмет, выраженный подлежащим:

У – Ризван, мән Нэфисэ, мән комсомолка (Г. Б.). - Та - Ризван, а я Нафиса, я комсомолка;

Бу көврук – таш. - Этот мост каменный;

Бу пичақ қашаң (З.С.). – Этот нож тупой;

Бу өй ягач өй (З.С.). – Этот дом деревянный;

Мән уйгур, мән қедимий әлниң вәкилимән (Л.М.). – Я уйгур, я представитель древнего народа.

Когда сказуемое выражено именными частями речи в направительном падеже или с послелогом *үчүн*, тогда оно выражает цель бытия предмета — подлежащего:

Бир әризә рәискә, иккинчиси — директорга. - Одно заявление председателю, другое — директору;

Һәрикәтлирим сениң үчүн. - Мои старания ради тебя;

Бу соғатлирим балилар үчүн (Л.М.). - Эти подарки для детей;

Барча билимим кархана наамийикти үчүн (У.А.). - Все мои знания для деятельности фирмы;

З.Сабирниң романи Патигулгә (У.А.). - Роман З.Сабира Патигуль.

Сказуемое, выраженное именами существительными или местоимениями со II формой притяжательности, обозначает обладателя того, что выражено в подлежащем:

Уларниң бирси Малик байники (И.Г.). - Одна их них принадлежит Малик баю;

Бу пансионат университетники (У.А.).- Этот пансионат университета;

Үч китап савақдишимники (З.С.). – Эти три книги моего одноклассника;

Сазандә әсвәпсиз бизники әмәс.- Музыкант без инструмента не наш.

Если сказуемое выражено словом с аффиксом *-лиқ* или *-сиз*, то оно обозначает предмет, который присутствует или отсутствует в предмете (лице), выраженном подлежащим:

Бу бөлмидә шкаф бар, нерикиси шкафсиз.- Эта комната со шкафом, та — без шкафа;

Бу йеза комбайнсиз (из разговор.речи).- Это село без комбайна;

Студент китапсиз (из разговор.речи).- Студент без книги.

Сказуемое, выраженное словами с послелогоми *охшаш*, *кәби*, *симан*, или с аффиксом *-ча/-чә* обозначает предмет или явление, с которым по разным признакам сравнивается другой предмет, выраженный подлежащим:

Сегинип айга қараймән, айму худи сән кәби (Из песни).- Когда я скучаю, смотрю на луну, луна словно такая же, как ты;

Сениң қәдди- камитиң талға охшаш (Из песни).- Твой стан подобен иве;

Сүкүт қилмақ дора мисали (посл.).- Молчание подобно лекарству.

Когда сказуемое выражено прилагательными, наречиями или числительными, то оно обозначает какой-нибудь признак или количество предмета, выраженного подлежащим.

Сказуемое же, выраженное словами *бар* или *йоқ*, обозначает наличие или отсутствие предмета (подлежащего) в чем-нибудь или на чем-нибудь:

Өйдә меһман бар.- Дома есть гость;

Петроградтин телеграмма наман йоқ (М. Г.).- Из Петрограда все еще нет телеграммы;

Трактор, комбайнларниң сани йоқ (У.А.).- Нет числа тракторам и комбайнам;

Көчидә бир нәччә машина бар (З.С.).- На улице несколько машин;

Уйгур әдәбийитида Лутфулла Мутәллипкә охиаш ярқин әдиһлар бар (З.А.). - В уйгурской литературе есть яркие авторы типа Лутфуллы Муталлипа.

Таким образом, отношения исполнителя и процесса или деятеля и действия не обязательны для подлежащего и сказуемого.

Связь сказуемого с подлежащим есть предикативное отношение между словами. Поэтому сказуемое вступает в связь с подлежащим при помощи тех средств, которые выражают предикативное отношение. Особыми специфическими средствами связи сказуемого с подлежащим являются аффиксы сказуемости, личные аффиксы и аффикс множественности, которые могут присоединяться к сказуемому после любых других средств.

Указанные средства связи присоединяются к сказуемому в соответствии с тем, в каком лице и числе находится подлежащее, т. е. формы сказуемого согласуются с подлежащим, где каждое лицо, и в известной степени и число, выражаются не грамматическими формами, а отдельными лексическими единицами. Поэтому согласование сказуемого с подлежащим в уйгурском языке - это не согласование грамматических форм (кроме множ. ч. в III лице), а согласование грамматических форм с лексическими единицами. Это наблюдается и в русском языке. Даже, такое согласование между сказуемым и подлежащим имеет много исключений и особенностей.

Согласование именного сказуемого с подлежащим. По требованию стилистической стройности речи именное сказуемое может согласоваться с подлежащим как в лице, так и в числе:

Мән униң барлиқ турмуш мәшәкатлирини өз үстүмгә елишим керәк (З.С.). - Я должна взять на себя все его жизненные заботы;

Сән әқиллиқсән, сән маҺирсән (У.А.). - Ты умница, ты мастер.

В III лице по аналогии с I и II лицами могут употребляться после сказуемого аффиксы – *дур* III лица. Но несмотря на это, данный случай можно считать согласованием именного сказуемого с подлежащим:

Ана тил Газирқи эҠвал астида худди вэтэндур (У.А.).- Родной язык сейчас как родина;

Лутпулла Муталлип исми ривайэткэ айланган от жүрэк шаирдур (З.С.).- Лутфулла Муталлип герой - поэт, имя которого превратилось в легенду.

Все эти случаи согласования именного сказуемого с подлежащим встречаются в языке очень редко. В большинстве случаев именное сказуемое, не содержащее в своем составе вспомогательного глагола, не согласуется с подлежащим.

Согласование сказуемого с подлежащим в числе. В предложениях, относящихся к III лицу, сказуемое не всегда согласуется с подлежащим в числе. Много случаев, когда подлежащее находится во множественном, сказуемое - в единственном числе:

Кетишкэ башлиди амди биздин қушлар, улар жиравқ йэрлэрдэ қишлар (Г.Т.).- Птицы стали улетать от нас, они будут зимовать далеко от нас;

Яшлар өйлиригэ кэтти (З.С.). – Молодежь разошлась по домам;

Машиналар бу кочида тохтап турди. (У.А.).- Машины на этой улице стояли.

Лишь в известной обстановке, по требованию стиля, сказуемое с подлежащим согласуется во множественном числе:

Эти яз кэлди, қар еришкэ башлиди, жүга кийгэн адамлар кийимлирини ташлапти (Г. Т.). - Весна пришла, снега начали таять, люди в шубах сбросили шубы.

Если подлежащее находится в единственном числе, то и сказуемое, как правило, оформляется в единственном. Но есть некоторые случаи, когда при

подлежащем в единственном числе сказуемое принимает формы множественного:

а) при подлежащем в единственном числе, но конкретизированном числительными, сказуемое может стоять во множественном:

Үч чоң киши униң өп – чөрисидә жүгрән жүргәндәк болушти (А. Ф.).- Три взрослых человека почти бегали вокруг него;

Бәш машина арқа – арқисидин Һазир келишти (З.С.). – Пять машин сейчас прибыли одна за другой.

б) при подлежащем в единственном числе, выраженном собирательными существительными, сказуемое также может стоять во множественном:

Иккиләп хошал болушти (И. Г.). - Оба радовались;

Бала-чақа жигилишти (У.А.). – Дети собрались.

в) при однородных подлежащих с соединительными союзами сказуемое всегда оформляется во множественном числе:

Мәскәү вә Ленинград – толиму гәзәл.- Москва и Ленинград — очень красивые города;

Тәмбир, дутар, чаң – уйғур миллий музыкалик әсваплардур (К.Ш.).- Тамбур, дутар, чан – уйгурские национальные музыкальные инструменты;

«Он икки муқам», «Дивану лугат-ит-түрк», «Кутарғу билик» - бизниң мираслиримиз (З.С.).- «Двенадцать мукамов», «Собрание тюркских языков», «Кутадгу билик» -это наше наследие.

Особенности согласования сказуемого с однородными подлежащими.

Однородные подлежащие с собирательными союзами требуют, чтобы сказуемое стояло во множественном числе. А согласование в лице имеет следующее особенности: если подлежащие относятся к I и II лицам, то сказуемое согласуется с первым, если II и III лица являются однородными подлежащими, то сказуемое согласуется со вторым лицом, когда же

однородными являются подлежащие I и III лиц, тогда сказуемое согласуется с I лицом.

Согласование сказуемого с однородными подлежащими, связанными между собой при помощи разделительных союзов, происходит следующим образом: несмотря на то, являются ли однородными подлежащими местоимения первого и второго, второго и третьего или первого и третьего лиц — все равно сказуемое будет согласовано как в лице, так и в числе с ближайшим к нему подлежащим:

Яки сән, яки мән барурмун. - Или ты, или я пойду;

Яки мән, яки сән барурсәң. - Или я, или ты пойдешь;

Балиллар, муәллим билән мән театрханига бардуқ (З.С.). - Дети, учитель и я ходили в театр.

Русское составное именное сказуемое и его соответствие в уйгурском языке

Составное именное сказуемое состоит из именной части и глагола – связки.

Именная часть выражается различными частями речи: существительным, прилагательным, числительным, местоимением, кратким страдательным причастием, кратким прилагательным, наречием

Китап кизиктур. - Книга интересная;

Бул мәктәп бизниңки. - Эта школа наша;

Акам – муәллим. - Брат- учитель.

Основное значение составного именного сказуемого выражается именной частью. Связка служит для установления связи между подлежащими и сказуемым и указывает время и наклонение. В роли связки чаще употребляется вспомогательный глагол **БЫТЬ**

Алмилар гул-чечәктә еди. - Яблони были в цвету;

У чоң адис еди. - Она была крупным специалистом;

У тәләбә еди. - Он был студентом.

В роли связки употребляются также вспомогательные глаголы **стать, становиться, делаться, являться, казаться, считаться** и т.д, и т.п. Это вспомогательные глаголы, в отличие от связки **быть**, кроме выражения наклонения и времени, имеют значение вида и придают высказыванию присущий каждому из них специфический оттенок значения:

У активист болди. - Он стал активистом;

У агинэм һесаплинду.- Он считается моим другом.

Отсутствие связки **есть** (нулевая связка) в составном именном сказуемом – признак настоящего времени:

Тэлэбэ везитиси – яхши окумак. -Обязанность студента – хорошо учиться.

В уйгурском языке связки вообще не бывает, но, в отличие от русского, в прошедшем и будущем времени именная часть употребляется не в творительном падеже, а в именительном, например :

У язгучи.-Он писатель ;

У язгучи еди.- Он был писателем;

У язгучи болиду.- Он будет писателем.

— *Бомба билэн?* «Бомбой?»

— *Шундақ.* «Да». (И. Г.).

— *Тамгаң қандақ?* «Метка какая?»

Вторую группу слов-предложений составляют предложения, выражающие волеизъявления. Они образуются из некоторых частиц и междометий второго типа, т. е. из звукоподражательных слов:

Тфу! Ундақ болса дэттикамга салайли (К. Н.) «Тьфу! Ну давай тогда бросать жребий»;

Чу! Тсс... Чу! — дән ейтимәкчу мән силәргә (К. Н.) «Пошел! Тсс... Пошел!—говорю же я вам»;

Вай-ауй! Бу немә дегән карамәт (Т.Юнус).-*Вай вуй! Что за красота!*

Третья группа назывных предложений выражается междометиями и они употребляются при передаче эмоции;

У деризиләрни ачти. Ух! Эркинлик (С. Л.) «Он открыл окна. Ух! Широкий простор»;

ПаҺ! Илнин кәңлигини! (З.Сабир).- Ах! Ох и широка же река Или!

Слова-предложения первой и второй групп в живой разговорной речи могут употребляться и самостоятельно. Но в художественные произведения они включаются, как правило, в сопровождении других предложений.

В уйгурском языке имена широко употребляются в функции сказуемого. Причем именная часть сказуемого может быть выражена всеми разрядами имен (существительным, прилагательным, числительным), а также местоимением. Одна из специфических особенностей имен уйгурского языка, как и других тюркских языков, заключается в том, что когда они выступают в роли сказуемого, оформляются аффиксами сказуемости. [9,с.63].

Именное сказуемое в первом и во втором лице, как правило, оформляются личными аффиксами через которое они согласуются с подлежащими в лице и числе, в третьем лице употребляются без них. Например:

Мән студентмән. – Дословно: Я студент (я);

Сән студенсән. - Дословно: Вы студент (вы) и т.д.

В этом случае аффиксы личных местоимений функционируют как аффиксы сказуемости.

Уйгурские личные аффиксы именных сказуемых сами по себе уже указывают на первое и второе лицо. Поэтому аффиксы сказуемости выражают в единой форме субъект и предикат. Такая особенность позволяет в первом и во втором лицах пускать подлежащее:

Студентмән.- В значении: Я студент;

Студентсән.- В значении: Ты студент;

Студенсиз.- В значении: Вы студент.

Сказуемое, состоящее из одного слова, относящегося к именам, называется простым именным сказуемым[9,с.53].

Возьмем примеры с составными именными сказуемыми в русском языке и рассмотрим их в плане сопоставления с соответствующими конструкциями уйгурского языка.

Мой отец – учитель.- Дадам- муаллим

Мой отец – учитель. В этом русском примере именная часть сказуемого выражена именем существительным в именительном падеже. Здесь третье лицо существительного сопровождается нулевой связкой.

В уйгурском языке данному предложению соответствует конструкция: *Дадам- муаллим.-* дословно: Мой отец-учитель. В этом примере, эквивалентом русской конструкции, именная часть сказуемого (*муаллим*) выражена также существительным в именительном падеже. На третье лицо и именительный падеж здесь указывает отсутствие аффикса сказуемости. Этот же признак указывает на настоящее время.

Если именованное сказуемое относится к субъекту 1-го или 2-го лица, то такое сказуемое в уйгурском языке получает соответствующие аффиксы сказуемости:

Я работник.- Мэн хизмэтчимэн;

Вы строитель.- Сиз курулушчисиз.

В русском языке, в отличие от уйгурского, в подобных случаях значение лица выражается лишь формой подлежащего, т.е. личным местоимением.

В уйгурском языке значение лица выражается дважды: личным местоимением (подлежащим) и формой сказуемого:

Я работник.- Мэн хизмэтчимэн; Дословно означает: Я - работник (я)

В будущем и прошедшем времени в качестве связки чаще всего употребляются вспомогательные слова **еди, болиду.**

Абдрасул раньше был врачом.- Абдрасул дохтур еди.

В этом году я буду студентом.- Бийил мән студент болиман.

Если русское именное сказуемое выражено творительным падежом имени существительного, то в уйгурском языке им не находятся соответствующие эквивалентные конструкции. Это происходит потому, что именная часть уйгурского сказуемого всегда находится в основном падеже (именительном).

Сравним следующие примеры:

Его сестра стала агрономом.- Ачиси агроном болди;

Он теперь у нас судья.- У анди биздә сот.

Именная часть составного сказуемого может быть выражена существительным в других косвенных падежах при наличии связки:

Окна в избе были без стекол.- Ойниң деризилири айнәксиз еди.

Я из рабочих.- Мән ишчилардин.

Простое именное сказуемое может стоять в форме пространственных падежей.

Дети в школе.- Балилар мәктәптә.

Если сказуемое выражается именем прилагательным, то оно выражает не качество предмета, как это имеет место, когда прилагательное выполняет функцию определения, а состояние, в котором предмет находится. Сравним.

Умный человек. - Әқиллиқ киши;

Киши әқиллиқ.- Человек умный;

Биз бәхитликмиз.- Мы счастливы;

Сиз кәмтар.- Вы застенчивы.

Именная часть сказуемого может выражаться прилагательным в именительном падеже:

Мой брат больной.- Акам ағриқчан.

Именная часть русского сказуемого - полное прилагательное в тв.пад., то в уйгурском переводе творительный падеж заменяется основным падежом:

Он был бдительным.- У тетик еди.

Если именная часть выражена сравнительной степенью прилагательного, то слово, с которым сравнивают, ставят в исходном падеже, а сравниваемое, как и в русском языке- в именительном:

Брат моложе меня.- Укам мениңдин кичик.

В обоих языках сказуемое может выражаться числительными и местоимениями:

Ты первый, а Абдрасул – седьмой.- Сэн биринчи, Абдрасул болса йәттинчи.

Эта музыка твоя.- Бу музыка сеники.

Дважды два-четыре.- Иккини иккигә қошса төрт бөлиду.

Лексемы **бар** (есть, имеется), **йок** (нет, не имеется) часто выступают в роли сказуемого:

У меня есть книга.- Мениң китавим бар;

У меня нет книги.- Менин китавим йок.

Таким образом, видим, что в составном именном сказуемом носителями основного лексического значения являются имена. Вспомогательные глаголы в качестве связки служат для оформления и для выражения различных временных, видовых и др. значений.

В образовании именных составных сказуемых широко употребляются вспомогательные глаголы: **еди**, **екән**, **болди**, **эмәс** и некоторые другие.

В этой же функции могут быть употреблены также некоторые служебные имена, которые употребляются в качестве связки и выражают значение прошедшего времени.

Ты был еще ребенком.- Сән техи бала едиң;

Станция, оказывается, далеко от города.- Станция шәһәрдин жирак экән.;

Он был колхозником.- У колхозчи еди.

2.5. Заключение

1. Простое предложение как лингвистический знак предполагает изучение означающего и означаемого, структуры и семантики. Семантическая структура организуется на основе иерархического синтеза семантических компонентов: предикативный признак (предикат) субъект как общая семантика структурной схемы предложения. В языке существуют элементарные семантические категории, в которых объединены значение: 1) субъекта состояния и субъекта действия; 2) субъекта и объекта; 3) субъекта и квалификатора; 4) объекта и квалификатора. С конкретными структурными схемами в рамках модели предложения соотносятся семантические структуры, или пропозиции как обобщенные мыслительные образцы.

2. Простое предложение – многоаспектная единица. Основопологающим понятием при моделировании предложения является понятие валентности. Валентность предиката в рамках модели направлена на актанты, которые тоже являются моделиобразующими компонентами в составе элементарного простого предложения (ЭПП).

3. Фундаментальным свойством предложения считается предикативность, выражаемая категориями времени, наклонения, персональности. При моделировании простого предложения в уйгурском постулируется вербоцентрическая концепция организации предикативного узла, а в русском – синтаксическая связь по типу координации. В языках отмечаются разнообразные способы выражения главных членов предложения.

ГЛАВА 3. Модели именных простых предложений в русском и уйгурском языках.

3.1. Модель предложения и модельное описание синтаксиса

Термин «модель» в научном описании обычно обозначает нечто, похожее на объект, которому оно должно соответствовать, но не совсем тождественное ему (ср. глиняную модель человеческого тела) или тот образец, которому в большей или в меньшей степени соответствует реальный объект (ср. человеческое тело, которое берется для воспроизведения) [150,с.282]. В языкознании и, уже, в синтаксисе термин «модель» употребляется и в первом смысле [123,с. 47—55], и во втором смысле [69,с.125]). В настоящей работе вслед за М.И.Черемисиной, С.Н.Абдуллаевым, И.Х.Ахматовым и др, мы будем использовать данный термин в том смысле, который более близок к первому его пониманию, а именно, как сложившееся в сознании исследователя теоретическое представление об устройстве синтаксической единицы, в частности, простого предложения. Но в то же время для нас модель — это и образец, по которому создается реальное множество высказываний — предложений в речи. Модельное описание, основанное на представлении о синтаксической системе языка как закрытой системе моделей синтаксических единиц [24,с.140], является актуальной задачей как уйгурского, так и русского языкознания.

Как мы уже отмечали, имеющиеся на сегодня описания синтаксического строя уйгурского языка несут с собой дань общим традициям и отличаются в силу этого в определенной мере условным характером. Их условность определяется в некоторой степени и заведомо заданным подразделением синтаксического уровня на подуровни словосочетания, простого предложения, сложного (сложносочиненного и

сложноподчиненного) предложения, сверхфразового единства. Такое подразделение идет от традиции. В этом смысле показательна позиция синтаксистов тюркологов, не признающих сложными те полипредикативные синтаксические структуры, в которых отсутствуют союзы, столь характерные для европейских языков. Безусловно, сложившаяся в течение значительного промежутка времени традиция в целом верно отражает природу языка, но заведомо жесткое подразделение изучаемых языковых, в частности, синтаксических, единиц на подуровни, отделенные четкими границами., как нам кажется, мешает адекватному описанию синтаксиса того или иного конкретного языка. Языковая система с наших позиций, очевидно, скорее представляет полевую концентрическую структуру, континуум, нежели такие условно выделяемые и строго очерченные ярусы и подуровни [146,с.254]. Подобная точка, получившая распространение в современной лингвистике, зрения нам близка еще и потому, что она позволяет в рамках данного исследования объять значительное число синтаксических сущностных единиц. В том случае, если исследователь будет ориентироваться на «уровневый» подход, то есть если будет поставлена задача последовательно описать подуровни словосочетания, простого и сложного предложения с их типами, а также сверхфразового единства, то, безусловно, такое описание элементарно не уложится в рамки одного исследования. В тюркологии известны прецеденты подобных квалификационных изысканий. В частности, в качестве примера можно сослаться на докторскую диссертацию М. З. Закиева, посвященную описанию синтаксического строя татарского языка. В то время, когда была написана данная работа, в тюркологии имели распространение традиционные взгляды на синтаксический строй языка. Однако с нашей точки зрения интересно то, что даже в то время, когда в указанной работе в целом был реализован все же «уровневый» подход, М. З. Закиевым был предложен несколько иной взгляд, базирующийся на универсальных

содержательно-смысловых отношениях: предикативных, конкретизирующих и пояснительных. В основе такого подхода можно усмотреть стремление исследователя объять под единым углом зрения всю синтаксическую систему языка, освободиться от механически-условного расчленения его на подуровни. Это только один из примеров наблюдающегося в тюркологии стремления описать синтаксический строй языка как единое целое (М.А.Казем-бек, Е.И.Убрятова, И.Семятов). Может быть, это в определенной мере «провоцируется» самим строем тюркских языков, синтаксис которых морфологичен, подчинен достаточно единой языковой технике и монолитен по своей природе, на что еще в начале прошлого века обращали внимание такие тюркологи, как Е.И. Убрятова, К.К.Сартбаев и др.

В настоящее время в работах современных синтаксисов, в том числе и исследователей— тюркологов (Ахматов И.Х., Тыбыкова А.Т., Махмудов Н и др.), настойчиво проводится мысль о новом, синтезированном модельном описании синтаксиса. Он призван, по мнению многих исследователей, преодолеть размытость и аморфность синтаксических описаний в терминах «типов словосочетаний и предложений». Данное положение, на наш взгляд, получает новое перспективное осмысление в контексте идей о принципиальном тождестве способов выражения синтаксических связей и отношений в простом, осложненном и сложном предложениях, в тюркологии эксплицитно представленных, в частности, в синтаксических трудах Е. И. Убрятовой [138, с.75].

В развиваемой нами в данной работе синтаксической концепции главный упор делается на современный модельный подход к изучению синтаксиса языка, направленного на раскрытие «алгебраичности» последнего. В данном случае мы исходим из четкого противопоставления языка», с одной стороны, и речи - с другой. На уровне языка синтаксист может и должен иметь дело с моделями синтаксических единиц, на уровне

же речи - с их реализациями, речевыми манифестациями. Исследователь, по существу, работает именно с моделями синтаксических единиц, с языковыми сущностями, научными конструктами (Пешковский А.М., Ахматов Х.Г., Хомский Н.), но эмпирически он анализирует, безусловно, речевой материал - высказывания, текст. Вообще, понятие модели относится к числу тех относительно немногочисленных общенаучных понятий (структура, система, форма, содержание и др.), которые применяются в теоретической лингвистике [131,с.17 -20]. Не абстрагировавшись до уровня моделей, трудно провести описание синтаксического строя того или иного, в данном случае русского и уйгурского языков в терминах современной синтаксической науки. Ценность модельного подхода для нас видится, прежде всего в том, что он ставит синтаксические изыскания на твердую почву науки (ср. М.И.Черемисина, О.М. Москальская), не позволяет исследователю «тонуть» в безбрежном пространстве высказываний. Ранее, как мы отмечали, в исследованиях по синтаксису уйгурского языка, по существу, изучались не языковые единицы, а явления речи. Это был метод изучения синтаксического участка языковой системы в терминах «типов словосочетаний и предложений»(Р.Ф. Тарасенко, И.Семятов). Он сводился к тому, что средствами естественного языка давалась описательная, как правило, общая характеристика того или иного синтаксического явления, а затем приводилась открытая серия примеров-иллюстраций. В такого рода синтаксических описаниях трудно увидеть индивидуальную природу и специфику того или иного языка. Описать синтаксический строй конкретных, в частности русского и уйгурского языков - это прежде всего представить конкретный инвентарь их сущностных единиц, то есть моделей [98,с. 219—221]. Такой сопоставительно - типологической работы в русском и уйгурском языкознании еще не было проделано, и именно по этой причине продолжает сохраняться ситуация бескрайности, отсутствия четких представлений о синтаксическом уровне русского и уйгурского языков.

Изучение моделей синтаксических единиц дает такое же ясное представление об объекте исследования, которым, по сравнению О. И. Москальской, давно располагает морфология с ее стройной системой частей речи [99,с.24]. Модели - это не бесконечное открытое перечисление иллюстраций-примеров: модели - это конечный закрытый инвентарь языковых сущностных единиц, в упорядоченном виде представляющих синтаксическую систему языка, создающих условия для типологически ориентированного сопоставления языков разного строя.

Центральной синтаксической единицей в русле развиваемой нами концепции является простое предложение. Это основная коммуникативная единица языка, открывающая возможности для актуализации прочих единиц и средств языка. Поэтому главное внимание в работе предполагается уделить моделям именного простого предложения. Однако с нашей точки зрения принципиальное сходство в устроённости моделей простого и сложного (сложносвязного, сложноподчиненного) предложений, изоморфность последних словосочетанию не только (а может быть и не столько) дают возможность теоретически охватить основные аспекты синтаксического пространства уйгурского - языка в целом, но и открывают еще многообещающие перспектива его изучения «изнутри» путем анализа значительных структурно - содержательных потенций простого предложения, имманентно присущих ему как центральной синтаксической единице. Данный тезис органично согласуется с представлением о разговорно-литературном уйгурском языке как о динамической концентрически-полевой структуре с едва уловимыми границами взаимоперехода между отдельными единицами. В этом континуальном пространстве такие классические синтаксические единицы, как простое и сложное предложения не разведены жесткими границами. Синтаксическая сложность нарастает и наращивается постепенно. С другой стороны, эта сложность, полипредикативность может гаситься, опускаться на «ранг» ниже. Что

касается словосочетаний, то они непосредственно «одеваются» на скелет, сказуемо-актантный каркас предложения, состоящий из его облигаторных компонентов. Который в первую очередь должен рассматриваться при проведении сопоставляемых исследований.

Как известно, предложение - это многоаспектная сложно-устроенная единица. Кроме конструктивно-семантических аспектов, с теоретическими вопросами описания простого предложения, ориентирующимися в значительной степени на речь, на дискурс, связан и коммуникативный аспект, уровень актуального членения. В данной работе мы от него отвлекаемся, - для уйгурского и русского языкознания на современном этапе это может составить тему отдельного специального исследования. В настоящей же работе мы рассматриваем предложение прежде всего как двустороннюю сущность, изучая его структуру и семантику, поскольку, по нашему мнению, это служит исходным фундаментальным представлением о грамматической природе простого предложения.

3.2. Модели простых предложений с именным сказуемым

Уйгурское языкознание сегодня продолжает ощущать недостаток специальных синтаксических изысканий. Сказанное в особенности актуально для синтаксиса уйгурского языка, если учесть, что это высший «этаж» языковой системы и наиболее коммуникативный его ярус, из чего можно заключить, что многие прикладные лингвистические аспекты прямо связаны с уровнем изученности синтаксиса.

Если отвлечься от отдельных специальных исследований (И.Семятов, Р.Ф.Тарасенко, С.Н.Абдуллаев), то можно сказать, что синтаксис уйгурского языка в основном описывался в работах общего характера, в которых недостаточно учитывались достижения современной синтаксической науки. На данном этапе мы последовательно исходим из

того, что описание синтаксического строя уйгурского языка нужно вести от его центральной единицы - простого предложения в контексте континуального представления о языке.

По нашему убеждению, теоретические вопросы сопоставительного синтаксиса простого именного предложения должны ставиться и решаться на уровне моделей предложения, а не на уровне явлений, фраз, с которыми ведется вся эмпирическая работа. Модели предложений, как уже отмечалось, мы понимаем как двусторонние языковые сущности, имеющие знакомую природу. Модели простого предложения недоступны непосредственному наблюдению, и представлять их можно в виде формульной записи. Ниже мы воспользуемся комплексной формулой модели в виде дроби, в числителе которой моделируется форма предложения, а в знаменателе - семантика. Например:

$$\frac{N_1 \quad N_3 \quad Adj \quad Cop}{\text{Соц} \quad \text{Соц} \quad \text{Поц} \quad \text{Ватан бизгэ қиммэт} / \text{Эп I83/} - \text{Родина нам дорога.}}$$

Несколько слов о символике, используемой при записи формул моделей. При представлении структуры предложений нами используются «частеречные», исходно морфологические символы: **Vf** - финитый глагол, **N** - имя существительное, **Adj** - имя прилагательное 1,2,3,4,5,6 – символы падежей, **Adv** - наречие, **Num**- имя числительное, **Pron**- местоимение, **Cop** – связка (б). Записывая модель семантической структуры, мы используем следующие символы: **П** - предикат, **С** – субъект, **О** - объект, **К** – конкретизатор, **А** – атрибут.

Если формальные модели простого предложения уйгурского языка, а точнее их структурные схемы, уже были предметом изучения то синтаксическая семантика моделей предложений представляет собой неизученную область в современном уйгурском языкознании [7,с.24].

При представлении семантической структуры предложений большое значение имеет понятие пропозиции как модели номинируемой ситуации.

Кроме пропозиции, к семантической структуре предложения отдельные авторы (Сусов, Богданов) относят также модальный, темо-рематический и анафорический компоненты. В своем представлении семантической структуры предложений в уйгурском языке мы в основном опираемся на метод компонентного анализа. Сигнификатом модели предложения является понятие об определенном классе событий (ситуаций). Семантический синтаксис и стремится выявить сигнификаты предложений как единиц языка. При компонентном анализе можно осуществлять как расчленение семантики предложения на семы с целью выявления «понятийных категорий», так и синтезирование их в общую семантику модели предложений(ср.У.Чейф).

Рассмотрим семантику моделей простых предложений с двухместным именным сказуемым в уйгурском языке. Этот блок моделей вычленяется при количественном исчислении моделей простого предложения в уйгурском языке вообще. Применительно к данному случаю далее он, исходя из семантического критерия, подразделяется на модели квалификации, оценки, обладания, местонахождения, состояния, отношения.

Модели квалификации. $N_1 - N_3 - Adj Cop$

 Сквал Кквал Пквал

Общая семантика «Выражение квалификации субъекта по признаку его «склонности» к чему-либо». В позиции сказуемого употребляются такие прилагательные как *амрак* «склонный», *майил* «склонный», *лайик* «подходящий», *йекин* «близкий», *тилэкдаш* «солидарный», *хас* «свойственный» *очуқ* «открытый» и др.

Пример:

Сиз чирайлиқ. Биз сизгә амрақ (из песни).- Вы красивы. Мы покорены Вами.

Бу жигит эткэн чайга амрак ёкэн (КТ). – Этот парень, оказывается питает слабость к аткан – чаю.

Гулбаһар Халидэмгэ йекин (КТ). – Гулбахар близка к Халидам. Позиции субъекта и конкретизатора – объекта могут заполняться одушевленными / причем, обозначающими как лиц так и не-лиц / и неодушевленными существительными.

Модель	$N_1 - N_c - Adj \text{ Сор}$
	$\text{Оср} \quad \text{Оср} \quad \text{Пср}$

Общая семантика отражение квалификации субъекта путем сравнения с определенным объектом.

Например:

Терэк оруктин егизирэк (Т.Юнус).-Тополь выше абрикоса.

Биздин Чарбагму Маливайдин кам эмэс (Эп На).- Да и на Чарбаг не хуже Маливая.

Маңа қариганда сэн зерэгирэк /ИтТка 79/. – Ты смышленей, чем я.

Модель	$\text{Бу// } N_1 \text{ учун } N_1 \text{ Сор}$
	$\text{Оквал} \quad \text{Оквал} \quad \text{Пквал}$

Общая семантика «Выражение квалификации субъекта относительно определенного объекта». Позиция сказуемого замещают событийные имена.

Например:

Униң (Нурака) учун бу кутмигэн вакиэ еди /Эп На 52/.- Для него (Нур-аки) это было неожиданным событием.

Билэмсиз, бу маңа тэңдиши йоқ хошаллиқ /ИТ ТКА 9/.- Вы знаете, для меня это ни с чем не сравнимая радость.

Модели оценки.

Модель	$N_1 - N_3 - Adj \text{ Сор}$
	$\text{Ооц} \quad \text{Соц} \quad \text{Поц}$

Общая семантика «Выражение оценки объекта с точки зрения субъекта». В позиции сказуемого употребительна следующая лексика: *ят*

«чуждый», малум «известный», қиммэт «дорогой», керәк «нужный», рошән «очевидный», мәшһур «знаменитый», атақлиқ «знаменитый», тонуш, тонулған «известный» и др.

Например:

Маңа эмди бизгә умид-арзу, Һәтта Һаятму ят /ЗС И 29/. – Вот теперь нам чужды мечты и надежды, даже сама жи.

Нур ана бизгә қиммэт /ЭҺ На 83/ - Нур-ана нам дорога.

Бу иш маңиму тонуш /ЭҺ На 63/.- Эта работа знакома и мне.

Маһмут Қәшқәрий дуняға мәшһур (Ю.Турди).- Махмут Кашгари известен всему миру.

Модели обладания.

Модель	$N_2 - N_1 - \text{БАР/ЙОҚ Сор}$
	<hr/>
	Ообл Ообл Побл

Общая семантика «Выражение наличия или отсутствия у определенного субъекта как обладателя (в широком понимании) определенного объекта как обладаемого».

Например:

Тәмбирим йоқ /ЭҺ На 53/.- У меня нет тамбура.

Қизниң ишәнчиси йоқ (Т.Юнус).- У девушки нет веры.

Шамалниң күчи бар /ИТ ТКА 61/.- У ветра есть сила.

Отдельными авторами такие предложения относятся к выражающим положение (дел) и определенного состояние (13).

Модель	$N_1 - N_6 - \text{хэвәрдар/хэверсиз Сор}$
	<hr/>
	Ообл Оинформ Пинформ Побл

Общая семантика «Выражения обладания или необладания личным субъектом информацией об определенном объекте». В позиции сказуемого употребляются имена хэвәрдар «имеющий информацию», хэвәрсиз «не имеющий информации».

Например:

Дуканчи йеңи малдин хэвэрдар (З.Сабир).- Продавец осведомлен о новых товарах

Гайит унин (Хевирнин) ички кэчурмилиридин хэвэрсиз (ИТ ТКА 66).- Гайит не знал о его (Хевира) переживаниях.

Биз сениң эввалиниздин, килмакчи болган ишлириниздин толук хэвэрдар /ЗС ЖС 292/.- Мы полностью осведомлены о ваших делах и намерениях.

Модель	$N_1 - N_3 - Adj$ Сор
	<hr/>
	Ообл Ообл Пobl

Общая семантика «Выражение обладания определенным субъектом определенным объектом».

Например:

Мана мэн Һазир сагидиган сийирга, сойидиган қойга егэ /ЭҺ НА 83/.- Вот теперь я владелец коровы, которую можно доить, овец, которых можно заколоть.

Шаир И. Бэхтия созгэ бай /КТ/. – Поэт И. Бахтия богат на слова.

Если в позиции сказуемого употребляются такие имена, как тээлук «принадлежащий», хас «свойственный», то компонент структурной схемы соответствует в семантической структуре модели объекта обладания, а компоненту ---- субъект обладания, то есть происходит своеобразная смена мест. Ср.: *Бу китап муэллимгэ тээлук.*- Эта книга принадлежит учителю.

Модель	$N_2 - N_6 - умут//$ БАР/ЙОК Сор
	<hr/>
	Ообл Омышл Пмышл Пнал/отс

Общая семантика «Выражение наличия или отсутствия у субъекта состояния надежда на определенный объект». Характер «надежда» определяется лексическим наполнением позиций / N_2 / и / N_6 /.

Примеры:

Уларниң /кишиләрниң/ Һәммисиниң ЖаҺангиргожидин үмүт зор /ТГ Н 14/.- У них у всех (людей) огромная надежда на Джахангирходжу.

Ср. также: *Муэллимнин Энвардин умути бар /УА/*.- Учитель имеет надежды на Анвара (=надеется, что он добьется успехов в учебе) и *Жигитнин киздин умути бар /УА/*.- Юноша имеет надежды на девушку (= надеется, что у него с ней что-то выйдет). В тюркологической литературе аналогичные синтаксические объекты, представляющие собой «синтаксически неразложимые комплекса слов», именуются отдельными исследователями (И.Ахматов) косвенно-субъектными конструкциями вследствие отсутствия здесь именительного падежа как выразителя подлежащего, передающего субъект .

Модели местонахождения.

Модель	$N_5 - N_1 - \text{БАР/ЙОК} \text{ Cop}$
	<hr/>
	Онал Клок Пнал /отс

Общая семантика «Выражение наличия или отсутствия субъекта в конкретном пространстве».

Например:

Кочида яшлар йоқ (З.Сабир).-На улице нет молодежи.

Астарак, эву ойдэ апам бар, жумун (ИТ ТКА 26). – Тише, в том дому моя мама, Вы поняли.

Лекин куяшлик Чарбагдан адэм йок (Эп НА 31).- Но в солнечном Чарбаге людей нет.

К данной модели возводятся и некоторые другие субмодели, которые мы рассмотрим ниже и на данном этапе выделим как отдельные варианты.

Модель	$N_2 - N_1 - \text{«эс»}_5 \text{ БАР/ЙОК} \text{ Cop}$
	<hr/>
	Омышл Омышл Пмышл

Общая семантика «Выражение наличия или отсутствия у субъекта информации /хранения в его памяти / об определенном объекте». Семантика данной модели, или субмодели, метафорически связана с содержание

Модель	$N_5 - N_1 - \text{БАР/ЙОК} \text{ Cop}$
	<hr/>

Примеры:

Калган нэрсилэр анчэ есимда калманту (ЭТ ХХТКМ 132). –
Остальное, оказывается, не осталось у меня в памяти.

Очук деризидин бакка карап канчилик олтаргиним есимда йок (ИТ
ТКА 15). – Не помню, как долго я сидел и смотрел на сад в открытое окно. В
последнем примере позиция /N₁/ заполняется не изолированной
словоформой, а предикативной единицей.

Общая семантика «Выражение наличия объекта обладания у
определенного субъекта». Символ / N₅ / обозначает «нулевую. Форму
сказуемого», модель также может быть возведена к рассмотренной выше

Модель	N ₁ – N ₅ – БАР/ЙОК Сор
	<hr/>
	Онал Клок Пнал

Примеры:

Палти диган томурчуда /Э.Р.Тенишев УТ 46/. – Топор – у кузнеца.
Шимал таки Алтаиничэ душимэннин қолида /ЗС ЖС 205/. – Север
вплоть до Алтая – в руках противника.

Модель	N ₁ – N ₃ – Adj-лик Сор
	<hr/>
	Оместон Клок П местон

Общая семантика «Выражение помещения объекта в конкретном
пространстве неопределенным субъектом». В позиции сказуемого
отмечается следующая лексика: есиглик «повешенный», солаклик
«запертый», саклаклик «хранимый», дуглаклик «с..ленный в кучу»,
миклаклик «пригвожденный» и др. Е.А. Поцелуевские модели. Унин
/Гулайшэмнин/ кэлбинин чонкур йеридэ кимгиду бирсиг йошурун чоґ
саклаклик ёкэн /ЗС ЕТИ 125/. – В глубине ее /Гулайшам/ души,
оказывается, хоронилась неразгоревшаяся искорка по отношению к кому-то
неизвестному. Томур – тесэк пойлида дуглаклик /УА/.- Металлолом во
дворе свален в кучу.

Модели состояния.

Модель	$N_1 - N_3 - \text{Cop}$
	<hr/>
	Ооост Оостим Псост

Общая семантика «Выражение состояния субъекта, вызванного определенным объектом стимулом». Падежное варьирование актанта выводит на соотнесенность дательного – направительного и исходного падежей в аспекте «векторных» характеристик предикативного признака: он может быть направлен в объекту, на него и, напротив, может как бы исходить от него.

Например:

Маңа Карши созлигэн адәмләргә Мән өлгичә өч (Эп НА 91). – Я до смерти зол на людей, выступавших против меня.

Хәвир пәман жуганнин корсәткән сәммий илтпәтидин мәс (Ит ТКА 67).- Хевир все еще пьян от внимания молодой женщины.

Ундак болса Мән сениндин рази, оғлум /Эн НА 48/. – Коли так, я довольна тобой (букв.: от тебя), сын мой.

Модель	$N_1 - \text{билән } N \text{ Cop}$
	<hr/>
	Ссост Озанят П сост

Общая семантика «Выражение состояния занятости субъекта определенным объектом». Например:

Икки адәм бир нәрсә билән бәнт болуп түрүптү (Эп НА 88). – Два человека были заняты чем-то.

Адәмләр конак шехи тәлишиши билән бәнт екән (ЗС и 31). Люди, оказывается, заняты распределением стеблей кукурузы.

В позиции сказуемого возможно имя *аварэ*, несущее в своем лексическом значении оттенок некоторой периодичности занятия, которому не сопутствует успех и/или которое требует физических, психических и других затрат; ср. аIвaI «занятый, беспокойный», отмеченный в гуминском

говоре данного диалекта в «Уйгурском диалектном словаре» Э.Р.Тенишева [134,с.12]

Общая семантика «Выражение отношений между субъектом и косубъектом».

Например:

Сэн Рошэнгул билэн яхиши едингу /КТ/. – Ты ведь был в хороших отношениях с Рошангуль.

Аридин икки-уч кун отмэй /Хевир/ пэмимиз билэн ич-коюн, таш-коюн болуп кэтти /ИТ ТКА 9/.- Не прошло и двух-трех дней, как он /Хевир/ со всеми нами стал в близких отношениях.

Если послелог **билэн** поставить с первым компонентом, выражающим субъект отношения, то будет выражаться значение квалификации. Ср.: *Реһан билэн Дилбар яхиши.- Рехан и Дильбар хорошие.* В позиции сказуемого употребляются наречия типа охшаш, тэн, баравэр «равный, аналогичный», пэр хил «различный» и др. например: *Мевини олтуруш – тукан пэрзэнтини оз коли билэн богуп олтургэн билэн баравэр /Эп НА 15/.- Погубить плоды – все равно что задушить своими руками родного ребенка.*

Модель _____ билэн _____ Сор

Сотн Косотн Потн

Общая семантика «Выражение отношений между субъектом и косубъектом». От предыдущей модели данная отличается тем, что в позиции сказуемого употребляются не прилагательные и /или наречия, а именно существительные.

Например: *Лутпулла Сониям билэн эр-хотун ёкэн /У А/. – Лотфулла с Софией, оказывается, супруги.*

Бирак биз улар /Жамалдинкамлар/ билэн узак хошна болалмидук /ИТ ТКА 8/. – Но нам с ними /Джамалдин-ака и его семья/ не довелось быть долго соседями.

Итак, нами была рассмотрена семантика моделей простых предложений с двухместным именным сказуемым в современном уйгурском языке. Представление списком таких виртуальных единиц синтаксиса послужит, на наш взгляд, отправным моментом для адекватного описания синтаксического строя данного языка.

3.3. Подходы к идентификации моделей предложений

Особенностью предложения как в русском, так и в уйгурском языках является то, что оно реально предстает в виде некоторого множества типовых структур, существенно отличающихся друг от друга. Поэтому главная трудность в сопоставительном исследовании предложения заключается в том, чтобы свести к единству все многообразие его разновидностей. В истории синтаксической науки можно наметить два подхода к решению данной задачи.

При первом подходе ставится цель - найти абстрактно-всеобщие признаки предложения, то есть такие его свойства, которые непосредственно отмечаются у каждой разновидности предложения. Считается, что совокупность этих признаков составляет внутреннюю природу предложения, его сущность. Такой подход был закономерным этапом в истории синтаксической науки и привел к важным результатам. На путь поисков всеобщих признаков предложения в той или иной мере становились все известные языковеды, создавшие глубокие и оригинальные теории предложения. Важнейшими из таких признаков, которые легли в основу соответствующих синтаксических концепций, были: выражение через предложение актуального, или "психологического", суждения (Фортунатов); выражение через предложение виртуального суждения, или "коммуникации" (Шахматов); наличие в предложении финитного глагола (Потебня, Пешковский); отношение предложения к действительности

(Виноградов). Названные признаки отражали действительные стороны предложения, поэтому созданные на их базе теории были ступенями в его познании. Различие между этими теориями во многом определялось тем, какая сторона предложения рассматривалась как его всеобщий признак. Историческое значение синтаксических теорий прошлого коренится не в том, чем они отличаются друг от друга, а в том, чем они дополняют друг друга, поскольку они опираются на разные стороны объекта. А их историческая ограниченность состоит прежде всего в том, что каждая из теорий является односторонней, то есть рассматривает одну сторону объекта, но выдает ее за весь объект. Перед современной наукой о языке стоит задача - создать такую синтаксическую теорию, которая будет учитывать все стороны объекта, то есть его структуру в целом (М.И.Черемисина, В.А.Белошапкина). В этой теории должны быть синтезированы также и основные идеи синтаксических концепций прошлого. Однако данная задача не может быть решена методом, который сводится к поискам абстрактно-всеобщих признаков предложения.

Указанный метод внутренне противоречив: чтобы раскрыть природу предложения, исследователь отвлекает общие свойства от объектов, которые уже заранее рассматриваются как предложения. В этих условиях характер полученных свойств зависит от того, какие объекты включены в класс анализируемых. На протяжении истории грамматической науки класс предложений постепенно расширялся за счет единиц, лежащих все дальше от центра к периферии синтаксической системы, что вполне закономерно. Но это вело к тому, что выделяемые всеобщие свойства становились все более абстрактными и все менее специфичными для предложения.

При втором подходе к предложению ставится цель:

(1) найти его конкретно-всеобщую основу, то есть такой тип предложения, который служит базой существования для всех остальных его

разновидностей, и (2) эмпирически "вывести" из основного типа предложения все его разновидности, раскрыв тем самым связь между ними. В этом случае специфические свойства предложения сначала выделяются у основного типа и только затем исследуется, как эти свойства изменяются при переходе от основного к производным типам предложения. Данный метод опирается на два принципа:

1) принцип системности (структурности) всего синтаксического объекта;

2) принцип синтаксической деривации, то есть производности от одной фундаментальной структуры всех остальных синтаксических структур.

Хотя указанные два подхода к предложению во многом противоположны друг другу, в истории отечественной науки о языке советского и постсоветского периодов нет синтаксических концепций и даже отдельных серьезных исследований, в которых тот или другой подход был бы представлен в "чистом" виде. Обычно один подход выступает как преобладающий, а другой присутствует в скрытом, неразвитом состоянии. При этом несомненно, что в традиционной грамматике господствующим был первый подход к предложению, а в современной грамматике все более господствующим становится второй подход. Первый подход к предложению исторически предшествует второму и подготавливает для него почву, выявляя последовательно одну за другой различные стороны синтаксического объекта, а второй подход, опираясь на достижения, добытые на первом пути, становится методологической базой для построения синтаксической теории, учитывающей все стороны объекта как единого целого.

Второй подход к предложению начал складываться давно, хотя окончательно не сложился и до сих пор. Так, уже Поттебня, подчеркивая всеобщий характер признака глагольности, приближался к тому мнению,

что предложения типа *Пожар! Хорошо!* представляют собой вторичное явление и должны быть выведены из глагольного предложения. Шахматов, рассматривая выражение логического суждения (коммуникации) через предложение как обязательный признак последнего, вместе с тем считал коммуникацию всеобщей основой, связывающей (правда, чисто механически) в единую систему разные структурные типы предложения. Особенно интенсивно начал проникать второй метод в синтаксические исследования в русистике и тюркологии в последние 15-20 лет, после того как языковедение стало ориентироваться в первую очередь на раскрытие отношений (связей) между элементами или сторонами своего объекта. Большая заслуга здесь принадлежит трансформационной (грамматике, с ее фундаментальной идеей о наличии в языке первичных (ядерных) и вторичных (производных) структур предложения. Вторым подход к предложению можно обнаружить в идеях и построениях генеративной (порождающей) грамматики (Н.Хомский). В русле этого подхода находится также идея о парадигме предложения (О.И.Москальская, М.И.Черемисина, С.Н.Абдуллаев).

В данной работе, которая последовательно строится на принципах второго подхода к предложению, исследуются структурно - семантические модели в области элементарных именных предложений, исходит из того, что все типы и разновидности предложения, как бы сильно они ни различались, прямо или косвенно восходят к одной базисной синтаксической структуре - основному типу предложения, его модели. Последний содержит общий для всех синтаксических структур грамматический инвариант. Отсюда важнейшая задача синтаксиста - найти основной тип предложения, вычленив его инвариантную структуру, рассмотреть объективно-языковой переход ее в производные (вторичные) типы и разновидности предложения, раскрыв тем самым связь между ними, то есть систему (структуру) синтаксиса. Полное решение этой задачи

предполагает исследование не только внутренних связей предложения (отношение между элементами его грамматической структуры), но и его внешних связей (отношение предложения к системе частей речи, к лексической семантике и процессам словообразования, к знаковой ситуации и структуре мысли).

3.4. Формальная сторона моделей простых предложений

Именные предложения, построенные на отношениях между двумя именами-субстантивами, несмотря на простоту структуры и, казалось бы, достаточную изученность, продолжают привлекать внимание синтаксистов (за период с начала 80-х годов и до настоящего момента выполнено несколько диссертационных исследований на данную тему, см. Герасименко 1982; Мокрышева 1986; Чаплыгина 1994). В чем причина этого неослабевающего интереса?

Именные предложения, реализующие структурную схему, представленную в терминах словоформ как N_1-N_1 , отличаются от других синтаксических типов предикативных единиц своей морфологической основой. Это не просто именная структура, как например N_1-Adj , где предикат представлен именем прилагательным (адъективно данным предикативным признаком), а структура, выражающая субъектно-предикатное отношение через связь существительных, что противопоставляет данную предикативную конструкцию базовой глагольной структуре N_1-Vf . Иначе говоря, значимость предикативного типа N_1-N_1 в ее ярко выраженной грамматической противопоставленности N_1-Vf .

Однако главную грамматическую специфику «бисубстантивных» предикативных единиц (как принято называть предложения типа *Бишкек - столица*) мы видим не столько в том, что это отношение между двумя существительными. Важнейшим их признаком как в русском, так и в

уйгурском языках, мы считаем прежде всего идентичность словоформ, выражающих субъектно-предикатное отношение, то есть то, что и субъект и предикат имеют форму именительного падежа. Таким образом, главное, что делает предложение *Бишкек — столица* особой структурой - это неразличение на морфологическом уровне подлежащего и сказуемого, необозначенность предикативной функции: N_1 - это и подлежащее (что закономерно), и сказуемое (что не соответствует общему принципу организации формальной модели простого предложения).

Именно этот признак - идентичность словоформ, формирующих предикативное ядро и структурную схему моделей предложения, делает данные структуры предметом специального осмысления, острым вопросом синтаксической теории.

Грамматическая специфика предложений с предикативным ядром N_1-N_1 приводит к мысли о том, что термины и методы конструктивного синтаксиса недостаточны для исследования данных построений. Современные концепции в области типологии простого предложения опираются на понятие логико-синтаксического типа предложения (см. Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1985 и др.), здесь играют роль такие категории синтаксиса, как референция имени, логико-синтаксическая структура предложения, коммуникативная перспектива высказывания. Методы логико-синтаксического анализа распространяются на всю систему простого предложения в целом. Мы считаем, что назрела необходимость применения принципов логико-синтаксического анализа к предложениям определенной структуры, в частности к предложениям с предикативным ядром N_1-N_1 .

Изучение предложения в терминах структурной схемы и семантических составляющих моделей, введение понятия структурно-семантических моделей предложения (логико-синтаксических, по Н.Д. Арутюновой) с учетом их грамматических и структурных особенностей позволяет по-

новому взглянуть на те конструкции, которые используют одну форму для выражения различной семантики.

Модели предложения русского и уйгурского языков описываются ниже. В описании применяются следующие символы и сокращения:

N- имя, т.е. любая именная часть речи

S- имя существительное

Adj- имя прилагательное

Num- имя числительное

Pron- местоимение

Pron_{subst}-местоимение существительное

Pron_{adj}-местоимение прилагательное

N₁, N₂, N₃, N₄(а также **S₁, S₂, S₃, S₄** и т.п.)- падежные формы имени или местоимения, где **N₁** – имя в именит.п., **N₂** - имя в родит.п., **N₃**- имя в дательн.п., **N₄**- имя в винит.п.

N₂ ...(а также **S₂** и т.п.)- любой косвенный падеж имени или местоимения

pN, pS, pPron -имя, имя существительное, местоимение с предлогом

Vf-спрягаемая форма глагола

cop-глагол-связка

sg-ед.число

pl-мн.число

Знак –обозначает наличие непосредственной синтаксической связи между двумя компонентами модели. Он отсутствует, если компоненты модели соединяются посредством **cop.**, т.е. глагола-связки.

Лексические компоненты модели приводятся полностью. В круглые скобки заключаются факультативные члены модели.

Модели располагаются согласно их принадлежности к одному из следующих блоков моделей:

- 1) Двусоставные предложения с именным сказуемым; общая формула данного блока моделей: $N_1 \text{ cop } N$;
- 2) Односоставные предложения, представленные несколькими разновидностями;

3.5. Именные модели элементарного простого предложения в сопоставляемых языках

Модели односоставных предложений

Блок моделей односоставных предложений относится к периферийной области русского и уйгурского синтаксиса как в силу совершенно особой структуры, так и в силу специфической стилевой сферы их распространения. В этот блок входят следующие модели:

$N_1 \text{ Cop}$

Основной структурной особенностью моделей этого блока является их односоставность и связанная с этим специфика выражения предикативности и модальности. Далее следует блок двухкомпонентных моделей

В работе рассматриваются выделенные в процессе проведенного исследования блоки моделей именных предложений.

I блок (двухкомпонентный номинативный)

В русском языке

$N_1 \text{ Cop}_f \text{ Adj}_{f/1/5}$

*Ночь была тиха (тихая, тихой).-
Түн теч еди;*

$N_1 \text{ Cop}_f \text{ N}_{1/5}$

Он был студент (студентом).- У

В уйгурском языке

$N_1 \leftrightarrow N_1 \text{ Cop}$

*Рустәм үчүн ана жутниң, шу хил
иллиқ меһри, Һәқиқәтәнму, зор
мәдәт әлвәттә(Г.Абдуллин);*

$N_1 \leftrightarrow \text{Adi/Adv Cop}$
(болмақ)

студент еди;

N₁ Cop_f

Этот дом будет без лифта.- Бу өй лифтсиз болиду; Чай- с сахаром.- Чай қәнт билән.

N_{2...pr}/Adv_{pr}

Бу бизниң ятақ.- Это наше общежитие

**II блок (двухкомпонентный с косвенным субъектом)
В русском языке**

N₃ Cop Num

*Маше 18 лет.- Маша 18 яшта.
Учителю было за 70 лет.- Устаз 70 ашкан әди.*

N₂ Cop Num

Студентов-100.- Студент 100 киши

Немишкиду, Пәхирдин хапа еди (Ғ.Абдуллин);

Бу хил балилиримз интайин аз(З.Зәмәдий)

N₁ ↔ Бар //Йоқ Cop

Ғайипниң дәптиридики қара тизимларниң ичидә Заманниңму исми бар еди(З.Сәмәдий);

N₁ - N₃ Adi/Adv Cop

Машина, Махосән, силәр жәңгивар тәйярлиқни тезлитшикә мәсәул(З.Сәмәдий);

N₁ - N₅ Adi/Adv Cop

Яшларниң йезида қелишида егилик йетәкчилириниң роли зор(Т.Юнус);

N₁ - N₆ Adi/Adv Cop

Биз Ғәммидин бехәвәрғу(Қ. Тохтәмов);

N₁ - N_p Adi/Adv Cop

Шуниң үчүн уйғурлар этноними тәбийи Ғалда деләтниң барлиқ аҒалисига нисбәтән, түркий тилқ вә шундақла иран тиллиқ аҒалигиму

$N_4 \text{ Cop Adv}_{PN}$

Бюрократов вон.- Бюрократлар
кетсун.

$N_3 \text{ Cop } N_1$

Старикам почет.- Аксакалларга
иззэт.
Молодым зеленая дорога.- Яшларға
очуқ йол.

$\text{Inf Cop}_f \text{ Inf}$

Отказаться было обидеть.- Рэт
қилиш рәнжитиш дегән сөздур;
*Быть актёром – прежде всего
быть талантливым человеком.-*
Актёр болуш-әң авал талантлик
адәм болуштур.

**III блок (собственно-
однокомпонентный)**

В русском языке

$\text{Cop}_{s3/n} \text{ Adj}_{fsn}$

нисбәтән тәәллүқ болди(Т.Алмас);

$N_1 \leftrightarrow N_2 \text{ (болмақ) Cop}$

Бу су –жәңчиләрниң(З. Сәмәдий);

$N_1 \text{ -Num - } N_{\text{quint5}} \text{ Cop}$

У кирик яшта(Л.Мутәллин);

$N_1 \leftrightarrow \text{Num Cop}$

Әнди улар 55 миллионғу(З.Сабир)

$N_{1/2} \leftrightarrow \text{Mod Cop}$

*Һеч нәрсиниң кериги йоқ(Қ.
Тохтәмов);*

Һеч нәрсә керәк әмәс(А.Өткүр);

$N_1 \leftrightarrow N_5 \text{ Cop}$

Было темно.- Қараңғу еди; Душно без счастья и воли (Н.).-Бәхтсиз вә ирадисиз Һава йстишмәйду

Cop_{s3/n} N_{2...pr}/Adv_{pr}

Было уже за полночь.- Йерим түндин ешип кәтти; Нам не до сна.- Бизгә уйка йоқ; Ему не к спеху.-У алдираш әмәс.

Cop_{p13}Adj_{fp1}

Ему были рады.- Униңға хошал еди;

Cop_{p1}

Дома были в слезах.-Өйдә (өйдикиләр) көз яш еди;

N_{2...pr}/Adv_{pr}

Униңдин рази еди.- От него были в восторге;

Cop₁ N₁

Шөпөт. - Пичирлаш; Трели соловья (Фет).- Булбулниң сайриши;

Һәрикәттә –бәрикәт(Мақал);

Қизниң көзи қизилда (Мақал);

N₁ ↔ N₆ Cop

Лекин мән өзинила яхши көридикан өз хаҺишинила издикәнләрдин әмәс(Һ.Абдуллин);

N₁ ↔ N_p Cop

Уларниң Һәммиси бир-бирисигә бағлиқ(Һ.Абдуллин);

Более подробнее рассмотрим именные модели элементарного простого предложения в русском языке

Объектом описания в данной работе являются модели элементарных простых именных предложений в русском языке.

Именные предложения с одушевленным субъектом, построенные по структурной схеме $N_I \text{ cop } N$. В примерах на русском языке встречаются такие случаи, когда структурные схемы русского предложения имеют сходную структуру. Например: – *Он сенатор, не так ли?*

Структурные схемы русского предложения различны. Например, *Миссис Герхардт не была малодушной женщиной* построено по структурной схеме $N_I \text{ cop } N$.

Структурные схемы русских именных предложений можно представить в виде таблицы:

Модели
$N_I \square (\text{cop}) N_{1/5}$
$N_I \square (\text{cop}) \text{Adj } N_{1/5}$
$N_I \square V_f$

Соответствие структурных схем русских именных предложений при

Модель
$N_I \square (\text{cop}) N_{1/5}$

именных предложениях с одушевленным субъектом, построенные по структурной схеме $N \square \text{cop } \text{Adj}$. встречаются также случаи, когда структурные схемы русского предложения различны. Например, построенное по структурной схеме $N \square \text{cop } \text{Adj}$, в русском языке имеет эквивалент *Роберт был человеком холодным и педантичным*, это предложение построено по структурной схеме $N_I \square (\text{cop}) \text{Adj } N_{1/5}$. Предложение *Все дети эгоисты*, построено по структурной схеме $N_I \square (\text{cop}) N_{1/5}$. Встречаются и другие случаи варианты:– *Ты все равно трусишь* ($N_I \square V_f$);– *Мне стало скучно* ($N_3^S \square V_f$); *Она была в бешенстве* ($N_I \square (\text{cop}) N_i$).

Модели
$N_I \square (\text{cop}) \text{Adj}_{1/5}$

$N_1 \square (cop) Adj N_{1/5}$
$N_1 \square (cop) N_{1/5}$
$N_1 \square V_f$
$N_3^S \square V_f$

При именных предложениях в русском языке встречаются соответствия структур: *Морской петух был еще жив*, а также несоответствия друг другу: *Смешная эта Людмила Львовна* (Куприн) ($N \square cop Adj N$).

Модель
$N_1 \square (cop) Adj_{1/5}$

3.6. Система моделей простых предложений с именными сказуемыми в русском и уйгурском языках

Блок моделей двусоставных предложений с именным сказуемым (общая формула $N_1 cop N$) объединяет следующие модели предложений:

1. Модели $N_1 cop N_1$, где подлежащее – имя в именительном п., сказуемое – имя существительное в именит.п. или местоимение – существительное в имен.п.,
2. Модель $N_1 cop Adj- S_1$. Это модель отличается от двух предыдущих наличием адъективного компонента, несущего основную информацию и коммуникативную нагрузку в предложении и структурирующего предикативное имя как сложный знак

Перечень моделей именного предложения русского языка в сопоставлении с уйгурским.

№ моделей	Формула модели	Примеры
Блок моделей двусоставных предложений с именным сказуемым		
1.	$N_1 cop N_1$	Балилар – келәчәктур

2.	$N_1 \text{ cop Adj/Part}_{1,2}$	Қиз чирайлик
3.	$N_1 \text{ cop Adj-S}$	Китап мазмунлук
4.	$N_1 \text{ cop Adj-N}_{2...}/pN_{2...}, \text{Inf}$	Гүл қизниң
5.	$N_1 \text{ cop Adv/S}_2, pS_2...$	Шәһәр жирақта
Блок моделей односоставных предложений		
6.	N_1	Сәһәр
7.	Inf	Китап йезиш
8.	Adv	Соғуқ

I. Модели квалификации в уйгурском языке

- 1) $N_1 \leftrightarrow N_1$ Cop Бишкек-пайтәхт
- 2) $N_1 \leftrightarrow N_1$ Лар Лалә гүлләрдин
- 3) $N_1 \leftrightarrow N_{\text{иш 6}}$ ибарәт Cop Мәксәт окуштин ибарәт
- 4) $N_1 \leftrightarrow N_{\text{тоғрилиқ}}$ Cop Фильм сөйгү тоғрилиқ
- 5) $N_1 \text{ — } N_3 \text{ — } N$ Cop Китап идеягә бай
- 6) $B_y \leftrightarrow N_3 (N_{\text{щчщн}}) \text{ — } N$ Cop Ата бала үчүн бала
- 7) $N_1 \leftrightarrow N_{\text{лик/сиз}}$ Cop Өй балилик
- 8) $N_1 \leftrightarrow N_2 (N_{\text{нинки}})$ Cop Етиз бизниңки
- 9) $N_1 \leftrightarrow N_{\text{дәк}} (N_{\text{-4 охшаш}})$ Cop Тоңлатқу бизниңкидәк
- 10) $N_1 \text{ — } N_1 \text{ — } \text{Пим}$ Cop Биз иккилән
- 11) $N_1 \text{ — } N_3 \text{ — } N$ Cop Мәктәп өйгә йеқин
- 12) $N_1 \text{ — } N_6 (N_3 \text{ кариганда, } N_3 \text{ кәрә) } N_1$ Cop— Бала киздин кичик
- 13) $N_1 \text{ — } N_3 \text{ — } N$ Cop Рәис элгә рәис
- 14) $N_2 \text{ — } N // \text{ — Бар/йок}$ Cop Ишнин ахири йок
- 15) $N_1 \text{ — } N_6 \text{ — хәвәрдар/ хәвәрсиз}$ Cop
- 16) $N_1 \text{ — } N_5 \text{ — } N_{\text{лик}}$ Cop
- 17) $N_1 \text{ — } N_{3/6} \text{ — } N$ Cop
- 18) $N_1 \text{ — } N_{\text{билән}} \text{ — } N$ Cop

- 19) N₁ Сор
- 20) N₃ (N_{щчши}) ↔ N Сор
- 21) N₃ (N_{кэдэр, N_{чицэ}) — N₆ Сор}
- 22) N₅ (N) ↔ Adj Сор

Пср/оц

III. Модели количественной характеристики

1) Ni — N₅ — Ч Сор Скол Ккол

Пкол

IV. Модели отношения

3) И, — И билэн — П Сор КоСотн

Ni Сор

Сотн 2) И Сотн

КоСотн

И билэн

КоСотн

Потй

Потн

V. Модели местонахождения

1) И, — И₅ — Бар/Иок Сор Снал (отс Клок Пнал)

2) Ni — И₅ — П глик Сор Спомещ Клок Ппомещ

VI. Модели состояния

i) Ni п Сор

Ссост Псост

отс

h) из псор

Ссост Псост

3). И, — И_{3/б} — П Сор Ссост Остим Псост

4) Ni — И билэн — П Сор Ссост (Занят Озаят Псост) занят

VII. Модели обладания

И— лик/--сиз Сор Ообл Побл

И₂ (И — нинки) Сор Собл Побл

И//— Бар, И'ок Сор Ообл

Побл

И₆ — хэвэрдар /хэвэрсиз Сор Оинф

Пинф Побл

1) И, Собл

2) И, Ообл

3) И₂ Собл

4) И, — Синф/обл

5) И, -- И₃ — И/П Сор Собл Ообл

Побл

3.7. Заключение

1. Модель и модельное описание предложения – это обязательные понятия современного системного описания простого предложения как единицы языка. Модельное описание позволяет конкретно представить систему предложений и системные отношения внутри нее.

2. Модели именных предложений представляются в виде формульной записи при использовании специальных символов.

3. Субсистемы именных моделей русского и уйгурского языков формируют замкнутые (закрытые) перечни сущностных единиц.

4. Сходство между субсистемами моделей именных предложений уйгурского и русского языков в том, что в обоих языках они осмысляются в качестве лингвистических знаков, непосредственно не данных в наблюдении. В обоих языках выделяются модели односоставных и двусоставных предложений.

5. Различие между субсистемами моделей обнаруживаются, прежде всего со стороны количества выделяемых моделей: в русском языке – 15 именных моделей, в уйгурском – 14 именных моделей.

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы и положения:

1. Именные предложения являются одним из крупных фрагментов системы простых предложений в уйгурском и русском языках. Идея изучения именных предложений как сущностных единиц языка, моделей применима к сопоставительному синтаксису уйгурского и русского языков. Модельный подход позволяет обратиться к именным предложениям как к сущностным единицам языка в общей теории синтаксиса. Модель предложения предполагает вербоцентрическую концепцию организации структуры и семантики предложения однако для именных предложений опорным является понятие «отношения». Форма предложения в модели показывается через ее структурную схему при помощи формальной записи. Содержание предложения изучается через пропозицию как мыслительную модель.

2. Анализ лингвистической литературы по исследуемой проблеме в русистике и уйгуроведении (шире – тюркологии) показал ключевую роль изучения формы сказуемого при эволюции взглядов на природу именных предложений. В работе выявлены особенности организации формы сказуемого по языкам. Актуальным для современной лингвотипологии является реализация синтаксических критериев по изучению языковых типов. Для синтаксического подхода в свою очередь малоизученным и перспективным направлением служит метод моделирования, позволяющий изучать инвариантные синтаксические единицы и системные отношения между ними. Конкретный инвентарь структурно-семантических моделей именных предложений, представленные списками в русском и уйгурском языках, ставит сопоставительно-типологическое изучение данной разновидности синтаксических единиц на твердую научную почву.

3. В работе осуществлен анализ в направлении от русского языка, как наиболее изученного, к уйгурскому. Между тем небезынтересен и анализ от уйгурского (тюркского) к русскому, открывающий в типологическом плане новые нюансы, не замечаемые в русистике. Такой подход может дать новые результаты и при комплексном подходе позволит обнаружить типологическое своеобразие языковых систем на примере исследуемых участков синтаксиса сопоставляемых языков. Поэтому в третьей главе был дан анализ, отталкивающийся от материалов уйгурского языка.
4. Сходство между подсистемами моделей именных предложений уйгурского и русского языков в том, что в обоих языках они осмысляются в качестве лингвистических знаков, непосредственно не данных в наблюдении. Инвентарь структурно-семантических моделей в сопоставляемых языках конечен и поддается списочной регистрации.
5. Различия между подсистемами моделей обнаруживаются, прежде всего со стороны количества выделяемых моделей: в русском языке – 15 именных моделей, в уйгурском – 14 именных моделей. По характеру системных отношений в русской подсистеме выделяется три блока моделей (двусоставные, инфинитивные, односоставные, а в уйгурской подсистеме все модели укладываются в одном блоке двусоставных моделей). Линейная структура означаемых моделей в уйгурском языке всегда замыкается инфинитивным сказуемым, в русском порядок расположения моделиобразующих компонентов не так жестко фиксирован. При разработке моделей уйгурского языка используется вербоцентрическая схема организации предикативного узла на основе управления, в русском языке предикативный узел строится на основе синтаксической связи по типу координации.
6. В уйгурском языке в речевых реализациях именных моделей последовательно употребляются актуализаторы (индикаторы актуального членения) **барғу**, **жумудегэн**. Они должны быть введены в состав формул

вариантов моделей. Вопрос варьирования моделей заслуживает отдельного специального рассмотрения. Параллельно с русскими безличными именными моделями отмечаются соотносительные модели двусоставных предложений в уйгурском языке. В уйгурском языке модели именных предложений больше склонны к фразеологизации структуры и семантики: N_1 дегән N_1 Сор; N_1 болса Сор; N_1 болсун Сор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, С.Н. Сложноподчиненные предложения времени в уйгурском языке[Текст] /С.А.Абдуллаев //Изв. АН КазССР.- 1987.-№2.- С.52-60;
2. Абдуллаев, С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке[Текст]/С.Н.Абдуллаев //Предложение в языках Сибири.- Новосибирск,1989.-С.36-46.
3. Абдуллаев, С.Н. Полипредикативные конструкции, формируемые глаголом демэк и производными от него формами в уйгурском языке[Текст]/С.Н.Абдуллаев //Показатели связи в сложном предложении.- Новосибирск,1989.-С.95-103.
4. Абдуллаев, С.Н. Полипредикативные предложения с подлежащей зависимой частью в уйгурском языке [Текст] /С.Н.Абдуллаев//Исследования по уйгурскому языку.-Алма-Ата,1988.-С.103.-113.
5. Абдуллаев, С.Н. Модальные модификации простого предложения в уйгурском языке[Текст]/С.Н.Абдуллаев //Системность на разных уровнях языка.-Новосибирск,1990.-С.90-95.
6. Абдуллаев, С.Н.Предложения с одноместным предикатом обладания в тюркских языках[Текст]/С.Н.Абдуллаев,Т.Абдыкалыков.-Бишкек,1991.- С.73-75.
7. Абдуллаев, С.Н. Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке[Текст]:автореф.дис.д-ра филол.наук:20.02.06/С.Н.Абдуллаев.-Алма-Ата,1992.-40с.
8. Абдуллаев, С.Н. Вопросы описания синтаксиса простого предложения в уйгурском языке[Текст] /С.Н.Абдуллаев//Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность: материалы VI Междунар. тюркол. конф. -Казань,1992.-С.6-12.

9. Абдуллаев, С.Н. Синтагматические потенции моделей предложения/Вопросы теории и методики преподавания русского языка в национальной аудитории[Текст]/С.Н.Абдуллаев:Тез.докл.Межвуз. науч.-практ.конф.-Коканд,1992.-С.20-21.
10. Абдуллаев, С.Н. Билингвизм как способ сохранения идентичности уйгурского этноса[Текст]/С.Н.Абдуллаев.- Буэнос-Айрес, 2011.-С-4-9.
11. Абдурахманов, Г.А. Исследование по старотюркскому синтаксису(XI)[Текст]/Г.А.Абдрахманов.-М.:Наука,1967.-211с.
12. Авакова, Р.А. Лексико-грамматический состав глагольных фразеологизмов современного уйгурского языка[Текст] /Р.А.Авакова.-Алматы:Гылым,1990.-С.38-44.
13. Аврорин, В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку[Текст]/В.А.Аврорин.-Л.:Наука,1981.-198с.
14. Адмони, В.Г. Сложносвязное предложение в тюркских языках[Текст]/В.Г.Адмони//Сов. тюркология.-1982.-№3.-С.30-36.
15. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка[Текст]/Г.Н.Акимова.-М.:Высш.шк.,1990.-168с.
16. Акимова, Г.Н. О значении глагола «быть» в безличных предложениях[Текст]/Г.Н.Акимова//Материалы XXXIII Междунар.филол. конф.- СПб.,2005.- Вып.17:Грамматика(славян. цикл).-С.8-12.
17. Алпаров, Г.Х. Сайланма хезмэтлэр [Текст]/ Г.Х.Алпаров.- Казань:Татгосиздат,1945.-380с.
18. Амиров, Р.С. Особенности синтаксиса казахской разговорной речи[Текст]:автореф.дис....д-ра филол.наук:10.02.06./Р.С.Амиров.-Алматы,1972.-36с.
19. Арват, Н.Н. Семантическая структура односоставных предложений[Текст]/Н.Н.Арват //Проблемы грамматической семантики.- Ростов н/Д., 1978.-С.4-8.

20. Арутюнова, Н.Д. Синтаксис [Текст]/ Н.Д.Арутюнова// Общее языкознание.-М.,1972.-С.259-343.
21. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл[Текст]/Н.Д.Арутюнова.- М.:Наука,1976.-383с.
22. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов[Текст]/ О.С.Ахманова.-М.:Сов.энцикл.,1969.-608с.
23. Ахматов, И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Основные вопросы теории [Текст]/И.Х.Ахматов //.-Нальчик:Эльбрус,1983.-360с.
24. Ахматова, И.Х. Косвенносубъектные предложения в тюркских языках[Текст]/И.Х.Ахматова//Тюрколог-88:тез.докл.и сообщ.- Фрунзе,1988.- С.211-213.
25. Ахматова, И.Х.Формально-семантический анализ косвенно-субъектных предложений в тюркских языках[Текст]/И.Х.Ахматова//Сов.тюркология.- 1989.-№6.-С.11-17.
26. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика [Текст]/Ю.Д.Апресян. – М.:Яз.рус.культуры, 1995.-472с.
27. Аристова, Ш.К. Проблема простого предложения в абхазском языке[Текст]/Ш.К.Аристова.-Тбилиси:Изд-во Тбилис.ун-та,1982.-254с.
28. Арутюнова, Н.Д. Синтаксис [Текст]/ Н.Д.Арутюнова// Общее языкознание.- М., 1972.-С.259-339.
29. Арутюнова, Н.Д. Референция имени и структура предложения [Текст]/Н.Д.Арутюнова//Вопр. языкознания.-1976.-№2.-С.24-35.
30. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл:Логико-семантические проблемы[Текст]/Н.Д.Арутюнова.-М.:Наука,1976.-383с.
31. Бабайцева, В.В. Система членов предложения в современном русском языке[Текст]/В.В.Бабайцев.-М.:Просвещение,1988.-159с.
32. Бабайцева, В.В. Переходные конструкции в синтаксисе[Текст] /В.В.Бабайцев.-Воронеж:Центр. чернозем.кн.изд-во,1967.-391с.

33. Багамаева, З.З. Типология простого предложения даргинского и русского языков [Текст]: автореф. дис....канд. филол. наук: 10.02.20/ З.З.Багамаева.- Махачкала,2007.-22с.
34. Байрамова, Л.К. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков[Текст]/Л.К.Байрамова, Ф.С.Сафиуллина.-Казань:Изд-во Казан.ун-та,1989.-198с.
35. Балакаев, М.Б. Современный казахский язык.Синтаксис[Текст] /М.Б.Балакаев.-Алма-Ата: Изд-во АНКазССР,1959.-235с.
36. Баскаков, Н.А. Очерки грамматики уйгурского языка[Текст] /Н.А.Баскаков//Баскаков,Н.А.,Уйгурско-русский словарь/ Н.А.Баскаков, В.М.Насилов.- М.,1939.-С.173-243.
37. Баскаков, Н.А. Структура простого предложения в тюркских языках[Текст]/Н.А.Баскаков//Тр.ин-та яз.и лит.АН КиргССР.-1956.-Вып.6.- С.81-97.
38. Баскаков, Н.А. Историко типологическая характеристика структуры тюркских языков.Словосочетание и предложение[Текст]/Н.А.Баскаков.- М.:Наука,1975.-288с.
39. Баскаков, Н.А. Язык прииссыкульских уйгуров[Текст]/Н.А.Баскаков.- Алма-Ата:Наука,1978.- 49с.
40. Баскаков, Н.А. Основные вехи развития советского уйгуроведения[Текст] /Н.А.Баскаков // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. – Алма-Ата, 1983.-С.9-16.
41. Батманов, И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке[Текст]/И.А. Батманов.-Фрунзе:Киргосиздат,1940.-16с.
42. Белошাপкова, В.А. Современный русский язык. Синтаксис[Текст] /В.А.Белошاپкова.-М.:Высш.шк.,1977.-247с.
43. Белошاپкова, В.А. Синтаксис[Текст] /В.А.Белошاپкова//Современный русский язык.-М.:Высш.шк.,1981.-С.363-552.

44. Белошাপкова, В.А. Современный русский язык[Текст]:учеб.пособие /В.А.Белошাপкова, Е.А.Брызгунова, Е.А.Земская.-3-е изд. испр. и доп.- М.:Азбуковник,2002.-928с.
45. Бенвенист, Э.Общая лингвистика[Текст]/Э.Бенвенист. - М.: Прогресс, 1974. -448с.
46. Бекбалаев, А.А. К вопросу о языковой номинации[Текст] /А.А.Бекбалаев//Тр.Ин-та целевой подготовки специалистов КГНУ.- Бишкек,2003.-Вып.6.-С.3-9.
47. Бекбалаев, А.А. Сопоставление грамматической категории сказуемости имен существительных в кыргызском языке и их функциональных соответствия в английском языке[Текст]/А.А.Бекбалаев// Тр.Ин-та целевой подготовки специалистов КГНУ.-Бишкек,2003.-Вып.6.-Бишкек,2003.-С53-60.
48. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения.- Л.:Изд-воЛГУ,1977.-205с.
49. Бондаренко, И.В. Синтаксические функции инфинитивов в тюркских языках[Текст]/И.В.Бондаренко//Полипредикативные конструкции и их морфологическая база.-Новосибирск,1980.-С.124-139.
50. Боровков, А.К. Учебник уйгурского языка[Текст]/А.К.Боровков.-Л.:Изд-во ленингр.вост.ин-та,1935.-247с.
51. Будагова, З.И. Некоторые теоретические вопросы грамматической семантики азербайджанского языка[Текст]/З.И.Будагова// Тюркология-88:Тез.докл.и сообщ. -Фрунзе,1988.-С.230-231.
52. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка[Текст]/Ф.И.Буслаев.-М.:Учпедгиз,1959.-624с..
53. Валгина, Н.С. Современный русский язык[Текст]/Н.С.Валгина, Д.Э.Розенталь. -М.:Высш.шк.,1966.-494с.
54. Валгина, Н.С. Современный русский язык:Синтаксис[Текст] /Н.С.Валгина.-4-е изд.,испр.-М.:Высш.шк.,2003.-416с.

55. Виноградов, В.В. Русский язык[Текст]/В.В.Виноградов.- М.;Л.:Учпедгиз,1947.-784с.
56. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике[Текст]/В.В.Виноградов.-М.:Наука,1975.-560с.
57. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений[Текст]/В.В.Виноградов.-М.:Высш.шк.,1978.-367с.
58. Виноградова, Е. Н. Актантное представление ситуации в моделях с типовым значением передачи предмета[Текст]/Е.Н.Виноградова // Русский язык: система и функционирование: Материалы междунар. науч. конф. – Минск, 2004.-Ч.1.-С.235-238.
59. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса.Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка[Текст]: учебник/М.В.Всеволодова.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. -502с.
60. Гаджиева, Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков[Текст]/Н.З.Гаджиева.-М.:Наука,1973.-408с.
61. Гак, В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта[Текст]/В.Г.Гак//Синтаксис и стилистика.-М.,1976.-С.85-102.
62. Галсан, С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков[Текст]/С.Галсан.-Улан-Батор:Изд-во М-ва нар. образования Монг. нар. респ.,1975.-Ч.1: Фонетика и морфология.-318с.
63. Демесинова, Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка[Текст]/Н.Х.Демесинова.-Алма-Ата:Наука,1974.-172с.
64. Джапаров, А. Главные члены предложения в современном киргизском языке[Текст]/А.Джапаров.-Фрунзе:Мектеп,1964.-272с.
65. Диялчар, А. Заметки о синтаксисе и грамматических функциях в турецком языке[Текст]/А.Диялчар//TURCOLOGICA.-М.,1976.-С.65-72.
66. Емельянова, А.В. Коммуникативная структура простого повествовательного предложения[Текст]:автореф. дис....канд. филол.наук: 10.02.06/А.В.Емельянова.-Чебоксары,1999.-23с.

67. Жапаров, А. Кыргыз тилинин синтаксиси[Текст]/А.Жапаров.- Фрунзе:Наука,1979.-323с.
68. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи[Текст]/В.А.Звегинцев.-М.:Изд-во МГУ,1976.-308с.
69. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса[Текст]/Г.А.Золотова.-М.:Наука,1982.-368с.
70. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка[Текст]/Г.А.Золотова.-М.:Наука,1973.-352с.
71. Золотова, Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики[Текст] /Г.А.Золотова//Вопр. языкознания.-1988.-№4.-С.52-58.
72. Золотова, Г.А. О традиции и тенденции в современной грамматической науке[Текст]/Г.А.Золотова.-М.:Изд-во Моск.ун-та,2005.-252с.- (Вопр. рус. языкознания;Вып.12).
73. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка[Текст]/ Г.А.Золотова, Н.К.Онипенко,М.Ю.Сидорова.-М.:Изд-во МГУ, 1998.- 528с.
74. Ибрагимов, С. Структурно-вероятностный анализ синтаксических отношений киргизского языка и их функционирования в речи[Текст]/С.Ибрагимов:уч.-мет.пособ.-Бишкек:Б.и.,1994.-185с.
75. Ильенко, С.Г. Синтаксические единицы в тексте[Текст]/С.Г.Ильенко.- Л.:ЛГПИ им.А.И.Герцена,1989.-82с.
76. Иманов, А. Кыргыз тилинин синтаксиси: Окуу куралы[Текст]/ А.Иманов.-Бишкек:Б-сыз,2009.-420с.
77. Йокояма, О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов[Текст]/А.Б.Йокояма.-М.:Яз.славянской культуры,2005.-424с.
78. Кайдаров, А.Т. Уйгурский (новоуйгурский) язык [Текст]/ А.Т.Кайдаров //Языки народов СССР. -М.:,1966._Т.2.-С.363-386.
79. Камбачоков, А.М. Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке[Текст] /А.М.Комбачоков.-Нальчик:Изд.центр»Эль-Фа»,1997.-235с.

80. Касымов, Д.Ж. Уйгурский язык[Текст]/Д.Ж.Касымов//Самоучитель.- Алматы:Ғылым,2005.-304с.
81. Каримсакова, Р.Д.Обособленные именные обороты казахского и русского языков[Текст]: автореф. дис....канд. филол.наука: 10.02.06. / Р.Д.Каримсакова.-Алматы,1993.-24с.
82. Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами[Текст]/отв.ред.В.С.Храковский.- Л.: Наука, 1983.- 248с.
83. Кононов, А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка[Текст]/А.Н.Кононов.-М.;Л.:Изд-во АН СССР,1960.-446с.
84. Ковтунова, И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения[Текст]/И.И.Ковтунова.-М.:Просвещение, 1976.-446с.
85. Крушельницкая, К.Г. К вопросу о смысловом членении предложении [Текст]/ К.Г.Крушельницкая//Вопр. языкознания.-1956.-№5.-С.55-67.
86. Кязимова, С.И. Расширение простого предложения однородными членами в современном азербайджанском языке[Текст]: автореф. дис....канд. филол.наук: 10.02.06./С.И.Кязимова.-М.,2006.-24с.
87. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст]/ Дж. Лайонз.- М.:Прогресс,1978.-544с.
88. Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке[Текст]/П.А.Лекант.-М.:Высш.шк.,2004.-248с.
89. Литвин, Ф.А. Глагольные и безглагольные модели предложения[Текст]/Ф.А.Литвин //Системность на разных уровнях языка.- Новосибирск,1990.-С.77-89.
90. Ломтев, Т.П. Предложение и его грамматические категории[Текст]/Т.П.Ломтев.-М.:Изд-во МГУ,1972.-С.198с.

91. Ломтев, Т.П. О некоторых вопросах структуры предложения[Текст]/Ломтев Т.П. //Общее и русское языкознание.-М.,1976.- С.140-158.
92. Малов, С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие[Текст]/С.Е.Малов.- М.;Л.:Изд-во АН СССР,1954.-203с.
93. Малов, С.Е. Язык желтых уйгуров[Текст]/С.Е.Малов.-М.:Наука,1967.- 220с.
94. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения[Текст] /В. Матезиус// Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.-С.239-245.
95. Махмудов, Н. Узбек тили синтаксининг долзарб масалалари[Текст]/Н.Махмудов//Узбек тили ва адабиети.-Тошкент,1990.- С.23-27.
96. Мелиев, К. Имена действия в современном уйгурском языке[Текст]/К.Мелиев.-М.:Наука,1964.-44с.
97. Мелиев, К. Деепричастные формы на –гили/гини,гэч/гэш в современном уйгурском языке[Текст]/К.Мелиев//Актуальные проблемы советского уйгуроведения.-Алма-Ата,1983.-С.73-76.
98. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи[Текст]/ И.И.Мещанинов.- Л.:Наука,1978.-388с.
99. Москальская, О.И. Проблемы системного описания синтаксиса[Текст]/ О.И.Москальская.-М.:Высш.шк.,1981.-175с.
100. Мусаев, С.Ж. Структурное ядро синтаксических конструкций[Текст]/ С.Ж.Мусаев//Тюркология-88:тез.докл.и сообщ.-Фрунзе,1988.-С.219-221.
101. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса:от семантических структур к языковым средствам[Текст]/А.Мустайоки.-М.: Яз. словян. культур, 2006.-512с.
102. Наджип, Э.Н. Современный уйгурский язык[Текст]/Э.Н.Наджип.- М.:Изд-во вост.лит.,1960.-134с.

103. Наджип, Э.Н. Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе[Текст]/Э.Н.Наджип,А.Т.Кайдаров,Г.С.Садвакасов//Актуальные проблемы советского уйгуроведения: Материалы. 1респ.уйгур.конф.-Алма-Ата,1983.-С.17-27.
104. Насилов, Н.М. Грамматика уйгурского языка[Текст]/Н.М.Насилов.- М.:Б.и.,1940.-154с.
105. Николина, Н.А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь»[Текст]/Н.А.Николина//Предложение как многоаспектная единица языка.-М.,1984.-С.38-46.
106. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса [Текст]/ Е.В.Падучева.- М.:Наука,1974.-292с.
107. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью [Текст]/ Е.В.Падучева.-М.:Наука,1985.-272с.
108. Падучева, Е.В. Семантические исследования[Текст]/Е.В.Падучева.- М.:Яз.славян.культуры,1996.-464с.
109. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении[Текст]/А.М.Пешковский.-М.:Госучпедгиз,1956.-512с.
110. Потеня, А.А. Из записок по русской грамматике[Текст].-Т.1-2/ А.А.Потеня.-М.:Гсучпедгиз,1958.-536с.
111. Поцелуевский, Е.А. Тюркский трехчлен[Текст]/Е.А. Поцелуевский.- М.:Наука,1967.-136с.
112. Пупынин, Ю.А. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке[Текст]/ Ю.А.Пупынин// Межкатегориальные связи в грамматике.- СПб.,1996.-С.78-100.
113. Распопов, И.П. Строение простого предложения в современном русском языке[Текст]/И.П.Распопов.-М.:Просвещение,1970.-192с.
114. Распопов, И.П. Очерки по теории синтаксиса[Текст]/И.П.Распопов.- Воронеж:Изд-во Воронеж.ун-та,1973.-220с.

115. Распопов, И.П. Спорные вопросы синтаксиса[Текст]/И.П.Распопов.- Ростов н./Д.:Изд-во Рост.гос.ун-та,1981.-128с.
116. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов[Текст] /Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова. -М.: Прсвещение,1966.-544с.
117. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка[Текст] /А.Г.Руднев.-М.:Высш.шк.,1968.-319с.
118. Русская грамматика[Текст].Т.2.:Синтаксис/гл.ред.Н.Ю.Шведова.-М., 1980.-709с.
119. Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами [Текст].-Л.:Наука,1981.-108с.
120. Семятов, И.А. Второстепенные члены предложения в современном уйгурском языке[Текст]:авторeref.дис....канд.филол.наук. 20. 1-06 /И.А. Семятов. - Алма-Ата, 1968.-63с.
121. Семятов, И.А. Полипредикативные предложения с подлежащей зависимой частью в уйгурском языке[Текст] И.А. Семятов //Исследования по уйгурскому языку.-Алма-Ата, 1988.-С.103-112.
122. Синтаксис современного русского языка[Текст]/ Г.Н.Акимов, С.В.Вяткина, В.П.Казаков, Д.В.Руднев.-СПб.:Факультет филологии и искусств с.-петерб.ун-та,2008.-347с.
123. Синтаксический подход к организации и презентации языкового материала//Совершенствование подготовки учителей словесников в условиях национально-русского и русско-национального двуязычия.- Фрунзе,1919.-Ч.1.-С.74-76.
124. Сиротина, О.Б. Лекции по синтаксису русского языка[Текст]/ О.Б.Сиротина.-М.:Высш.шк.,1980.-143с.
125. Современный русский язык[Текст]:учебник/под ред. Л.А.Новикова //-СПб.:Лань,2001.-864с.
126. Современный русский литературный язык[Текст]/П.А.Лекант, Н.Г.Гольцов, В.П.Жуков и др.-М.:Высш.шк.,1982.-399с.

127. Соловар, Б.Н. Модели простых предложений хантыйского языка с двухместными предикатами[Текст]/Б.Н.Соловар//Предложение в языках Сибири.-Новосибирск,1988.-С.82-87.
128. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию[Текст]/Ф.Соссюр.- М.:Прогресс,1977.-696с.
129. Спринчак, Я.А. Очерки русского исторического синтаксиса.Простое предложение[Текст]/Я.А.Спринчак.-Киев: Родяньск.шк.,1960.-256с.
130. Строй уйгурского языка[Текст]/А.-А.Т.Кайдаров, Т.Т.Талипов, В.У.Махпиров, Г.С. Сарваков.- Алма-Ата: Наука,1989.-472с.
131. Структурно-семантические схемы и их модификации в одном из частных лингводидактических аспектов //Организация индивидуальных занятий и самостоятельной работы студентов: Опыт и проблемы. -Бишкек, 1991.-Ч.2.-С.91-92.
132. Тарланов, З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии[Текст]/З.К.Тарланов.- Петрозаводск: Изд-во Петрозавод.гос.ун-та,1999.-208с.
133. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса[Текст]/Л.Теньер.- М.:Прогресс,1988.-656с.
134. Тенишев, Э.Р.Саларский язык[Текст]/Э.Р.Тенишев.-М.:Изд-во вост.лит., 1963.-56с.
135. Теория и методология языкознания[Текст]: методы исследования языка.-М.:Наука. 1989.-256с.
136. Тоекеев, О.М. Семантико-синтаксическая структура именных предложений в узбекском языке[Текст]: атореф.дис.... канд.филол.наук: 10.02.06/О.М.Тоекеев.-Ташкент,1995.-30с.
137. Токоев, Т.Т. Кыргыз тилиндеги парцелляция (жөнөкөй сүйлөм аспектисинда)[Текст]:Филол.илимдер.канд....дис.:10.02.06./Т.Т.Токоев.- Бишкек,1995.-114б.

138. Убрятова, Е.И. Задачи сравнительного изучения тюркских языков[Текст]/Е.И.Убрятова//Тюркологический сборник.-М.,1976.-С.69-79.
139. Убрятова, Е.И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири[Текст]/ Е.И.Убрятова// Языки народов Сибири.-Кемерово,1980.-С.16-30.
140. Убрятова, Е.И. Предикативное склонение в якутском языке[Текст]/ Е.И.Убрятова//Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири.-Новосибирск,1981.-С.3-11.
141. Умаров, Э.А. История двух уйгурских идиом[Текст]/ Э.А.Умаров// Актуальные проблемы советского уйгуроведения.-Алма-Ата,1983.-С.85-89.
142. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы[Текст] /[Э.И.Амиантова, Г.А.Битехтина, М.В.Всеволодова, Л.П.Клобукова]//Вестн. Моск. ун-та.Сер.9.-2001.-№6.-С.215-233.
143. Хомский, Н. Синтаксические структуры[Текст]/Н.Хомский//Новое в лингвистике.-М.,1962.-С.412-527.
144. Һазирки заман уйгур тили. 2-ч.: Морфология вэ синтаксис[Текст].- Алма-Ата:Наука,1966.-455с.
145. Чернов, В.И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке[Текст]/В.И.Чернов.-М.:Моск.гос.пед.ин-т им.В.И.Ленина, 1985.-95с.
146. Чейф, У.Л. Значение и структура языка[Текст]/У.Л.Чейф.- М.:Прогресс,1975.-432с.
147. Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка[Текст]/ М.И. Черемисина. –Новосибирск: Наука,1976.-270с.
148. Черемисина, М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложения[Текст]/М.И.Черемисина//Предложение в языках Сибири.- Новосибирск,1989.-С.3-32.

149. Черемисина, М.И. О сложном и осложненном предложении в алтайских языках Сибири[Текст]/ М.И.Черемисина// Предикативность и полипредикативность. Конструктивный аспект.- Киров,1990.-С.239-256.
150. Черемисина, М.И. Специфические функции финитных и инфинитных (зависимых) сказуемых в языках разных систем [Текст]/ М.И.Черемисина// Теоретические аспекты лингвистических исследований.-Новосибирск,1984.- С.3-36.
151. Черемисина, М.И. О модальных формах сказуемых алтайского языка[Текст]/М.И.Черемисина,А.Т.Тыбыкова//Компоненты предложения.- Новосибирск,1988.-С.3-32.
152. Чонбашев, К.С. Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков[Текст]/К.С.Чонбашев.-Фрунзе:Мектеп,1980.-188с.
153. Чонбашев, К.С. Синтаксический строй русского языка в сопоставлении с кыргызским[Текст]/К.С.Чонбашев:автореф.дис...д-ра.филол.наук: 20.02.20/ К.С.Чонбашев.-Бишкек,2002.-46с.
154. Чонбашев, К.С. Изучение общих сведений о русском простом предложении в киргизской школе[Текст]/К.С.Чонбашев//Рус.яз.в кирг.шк.- 1975.-№1.-С.13-17.
155. Чжао, Юань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще[Текст]/Юань-жень Чжао//Математическая логика и ее применение.-М.,1965.-С.281-292.
156. Шамиева, А. Уйгур тили грамматика[Текст]/А.Шамиева.-Алма-Ата:Казучпедгиз,1957.-ч.1.-194с.
157. Шведова, Н.Ю.Активные процессы в современном русском синтаксисе(словосочетание)[Текст]/Н.Ю.Шведова.-М.:Просвещение,1966.- 156с.
158. Шведова, Н.Ю. Об идентификации предложений на основе их стационарных характеристик: двухкомпонентные предложения с

- именительным падежом и инфинитивом[Текст]/Н.Ю.Шведова//Проблемы структурной лингвистики.-М.,1981.-С.59-68.
159. Шелякин, М.А. О семантике неопределенно-личных предложений[Текст] /М.А.Шелякин//Теория функциональной грамматики: Персональность,залоговость.-СПб.,1991.-С.62-71.
160. Шмелева, Т.В.Компоненты синтаксической связи[Текст]/Т.В.Шмелева //Традиционное и новое в русской грамматике:сб.статей.-М.,2001.-С.66-79.
161. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис [Текст]: курс лекций/ Т.В.Шмелева. – Красноярск:Изд-во Краснояр.гос.ун-та, 2004.-54с.
162. Шмелев, Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы[Текст]Д.Н.Шмелев//Шмелев, Д.Н.Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. -М.,1976.-С.132-144.
163. Шрейдер, Ю.А. Модели в лингвистике и математике[Текст] /Ю.А.Шрейдер//Математическая лингвистика.- М.,1973.-С.63-83.
164. Шутова, Е.И. Синтаксис современного китайского языка[Текст] /Е.И.Шутова.-М.:Наука,1991.-391с.
165. Щерба, Л.В. О второстепенных членах предложения[Текст] /Л.В.Щерба //Избранные работы по языкознанию и фонетике.-Л.,1958.-Т.1.-С.92-103.
166. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь[Текст]: в 2-х кн. / К.К.Юдахин.-Фрунзе: Кирг.сов.энцикл.,1985.-Кн.1.-503с.
167. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь[Текст]: в 2-х кн. / К.К.Юдахин.-Фрунзе: Кирг.сов.энцикл.,1985.-Кн.2.-475с.
168. Юлдашев, А.А. Звательные слова в тюркских языках[Текст] /А.А.Юлдашев//Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.-М.,1956.-Ч.2: Морфология.-С.329-334.
169. Языковая номинация. Общие вопросы[Текст].- М.: Наука, 1977.- 358с.